

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

СОФИЯ, 30.УШ - 6.IX 1989

Л И Н Г В И С Т И К А

МОСКВА 1989

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МАТЕРИАЛЫ К УІ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

СОФИЯ, ЗО.УШ - 6.IX 1989

Л И Н Г В И С Т И К А

МОСКВА 1989

Редколлегия: Вяч.Вс.Иванов
В.Э.Орел
В.Н.Топоров
Т.В.Цивьян

Рукопись подготовлена к печати И.П.Гринцером

БАЛКАНСКИЙ МАКРОКОНТЕКСТ И ДРЕВНЕБАЛКАНСКАЯ
НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ (ОБЩИЙ ВЗГЛЯД)

1. В современной науке термин "балканский" обычно употребляется в двух значениях – дифференцирующе-классифицирующем (албанский язык – балканский) или экстенсивно-обобщающем (это – типично балканское явление). В свое время и на своем месте оба эти употребления вполне естественны и вполне удовлетворяют неким практическим потребностям. Но в конце XX в. (и чем далее, тем больше) говорят о "балканском" и в каком-то ином, "третьем" смысле. О нем можно сказать, что он не всегда ясен, не столько задан, сколько иском, формируем (чаще всего наощущь), но, главное, что он не просто "третий", но непременно более глубокий и предполагающий совсем иной уровень соответствующей теории. Зыбкость и расплывчатость этого "третьего" значения слова "балканский" не относится к сфере семантики и коннотативной теории, но отражает незавершенность поиска соответствующего объекта исследования, которая, однако, сама по себе не означает отсутствия верных интуиций относительно этого объекта и даже отдельных частных прорывов к нему. Здесь нет смысла говорить о том, почему этот искомый объект еще не найден и не сформулирован как научная проблема. Но, безусловно, есть и потребность, и основания для того, чтобы взглянуть на этот "мерцающий" объект в широчайшем макроконтексте, который сам может быть определен только при ответе на вопрос о сущности самого феномена Балкан и об определении тех сфер, в которых он проявляется и которыми он формируется.

2. Этот балканский макроконтекст, о котором гуманитарная наука нашего времени пока, кажется, не имеет должного представления или во всяком случае не видит в нем для себя какого-либо прока, предполагает совокупное участие четырех сил (соответственно – сфер) процесса творения – геофизической, природно-экологической, био-антропологической и культурно-исторической. Разъединение их исследователем не просто сужает общую панораму,

но и как бы стирает связи между частями этой обуженной картины, нейтрализует различия между возможным и необходимым, затушевывает противопоставленность субъекта и объекта в процессе творчества. При таком "разъединяющем" подходе не может быть и речи об адекватном определении условий того, в силу каких причин (почему) и в какой форме (как) именно здесь навивался "балканский" тип ноосферической ткани, о выявлении начальных импульсов, последующих императивов – поощряющих и запрещающих, – конечных целей, через постановку которых "самосознавал" себя этот творческий процесс.

Балканы представляют собой удивительно благодарный объект для "макроскопических" исследований. В течение не менее чем восьми тысячелетий, начиная с завершающего этапа древнебалканской неолитической цивилизации, перед взглядом исследователя развертывается последовательность сменяющих друг друга культур, и он довольно хорошо знает и их "докультурный" субстрат, и их духовные результаты. На наших глазах "*der dritte Mensch*" (по А. Веберу), в котором еще ощутимы черты потомка неандертальца и человека узко-примитивной и пока еще ничего не обещающей культуры, создает на Балканах высокую культуру нового типа. В позднем неолите, халколите, эпохе бронзы здесь проходит одна из самых основных осей духовного развития человечества. Этот "третий человек" дожил (в основном) на Балканах чуть ли не до рубежа XIX–XX вв., т.е. до того времени, когда в Западной Европе и ряде других культурных регионов уже давно появился первый вариант человека иного типа – "*der vierte Mensch*", тот "*der domestizier-te Zukunftsmensch*", который грозит по своему образу и подобию сформировать "свое" будущее, "овладеть" природой, иначе говоря, – применительно к Балканам – разрушить то удивительное природно-культурное единство, которое и составляет разгадку "балканского" в "третьем" смысле. Восьмитысячелетний временной массив и субъект, ему соответствующий, по крайней мере в том смысле, что строит свою жизнь в согласии с природой и развивает культуру не вопреки ей, а в той мере, в какой природа освобождает для нее место, видя в ней свою союзницу и продолжательницу, определяют макроскопию Балкан в этом аспекте.

3. Временной аспект реализует идею изменчивости по преимуществу, и даже в самые застойные периоды знают, что времена меняются и что с ними (хотя и не так неотвратимо) меняется и человек. Наконец, сама схема времени, в которой главный

герой, настоещее, в своем непрерывном движении постоянно связывает прошлое, им хоронимое, с будущим, им повиваемым, ориентирует именно на динамику, которая лишь отчасти ослабляет-ся в пределах большого временного цикла. Человек и в своем личном опыте, и в родовом опыте поколений проходит через эти изменения, начинает сознавать их неизбежность и поэтому очень рано начинает заботиться о поддержании связи времен, которая только и может обеспечить коммуникацию в условиях изменяющегося мира. В этом смысле время учит человека ответственности: сначала - против себя самого (как сохранить стабильность жизни, *status quo* при меняющемся времени), а позже - в пользу себя самого (как слить свою жизнь с этим меняющимся временем). Одним из основных уроков "осевого времени", в полной степени охватившего и южные Балканы, было осознание ответственности жизни во времени, позже поддержанное идеями христианства.

Но человек живет не только во времени, но и в пространстве, воспринимаемом им конкретнее и интимнее, и оно реализует другой противоположный аспект жизнеобеспечиваемости - стабильность, соотносимую с неизменностью пространства. Это постоянство пространства обеспечивается не столько его потенциальными возможностями (по Платону, оно "вместилище" - *chōra*), сколько его наполнением - "вещами", выступающими как места, которые собирают вокруг себя пространство и передают свое свойство "материальности-материнства" самому этому пространству, становящемуся своего рода матрицей, в соответствии с которой начинает формироваться все, что входит в это пространство.

Балканское пространство в физиографическом плане описано достаточно полно и подробно, но, взятое вне тех глубинных смыслов, которое оно несет и как целое, и в отдельных своих частях, это пространство в таких описаниях не выглядит ни уникальным, ни даже просто шедевром геологической эволюции. Прежде всего балканское пространство составляет часть целого европейского пространства, с конфигурацией которого не может сравняться ни один из материков мирового океана. Значение этой исключительно сложной и прихотливо-изощренной конфигурации возрастает, если вспомнить, что высшая степень ажурности достигнута в пределах одного из самых малых материков. Чтение карты Европы (даже немой и взятой лишь в ее внешних границах) и сопутствующее ему "разгадывание" графического сюжета карты, его интриги и ключе-

вой идеи связано почти с теми же эстетическими переживаниями, что и чтение городских или архитектурных планов, музыкальных нот или конфигураций облаков и соотношения небесных цветов и масс на закате. Считать такие пространственные конфигурации лишь игрой случая можно только при поверхностном подходе. "Неслучайность" в этих ситуациях обнаруживается и "снизу" (геологическая предистория) и "сверху" (использование ключевых особенностей подобных природных конфигураций в ходе цивилизации). Геополитика родилась в Европе в эпоху жесточайших катаклизмов, когда политика и по серьезным, и по чисто демагогическим основаниям связалась с географией, успешно эксплуатируя ее. Применительно к существенно более ранним эпохам можно говорить не о "геополитичности" Европы, но хотя бы о "геокультурности" ее как важной зависимости явлений цивилизации от геофизических условий. Сказанное о Европе в целом, несомненно, относится и к самой, может быть, замечательной с этой точки зрения части ее - к Балканам, начиная уже с эпохи древнеевропейской неолитической культуры.

Подобно архаичным сакральным сооружениям, из которых одни ориентируются на некую точку в о в н е (в этом случае оно входит в связь с внешними элементами, а само трактуется как центр, фокус конвергенции для всего, что вовне), а другие, наоборот, на точку в н у т р и себя (в этом случае сооружение входит в связь со своими внутренними элементами, с центром, по отношению к которому оно периферия), - пространство может оцениваться (и реально оценивалось) двояко - извне и изнутри, т.е. в соотношении с другими (хотя бы соседними) конфигурациями Европы в ее южных частях и в соотношении с внутренней организацией самого балканского пространства. При взгляде извне оно поражает сложностью и своего рода "умышленностью" своих внешних очертаний, особенно по сравнению с другими "про-из-ведениями" европейского пространства в южном направлении. Пиренейский полуостров тривиален по своим очертаниям (почти квадрат, элементарно членимый реками, текущими в широтном направлении; уравновешенность динамических возможностей, приглушенность "направляющих" доминант и т.п.). Апеннинский полуостров "прост" в другом отношении (он одномерен, у него лишь одна доминанта - север:юг, подчеркнутая Апеннинскими горами; запада и востока здесь практически нет: они почти слиты). Геофизическая конфигурация Малой зии также проста и образует резкий контраст со сложностью Балканского полу-

острова в его внешних очертаниях. Эта сложность определяется сугубой неправильностью внешней конфигурации, которая лишь очень условно напоминает треугольник, ведущая вершина которого - на юге. Для этого юга (Пелопонесса) также практически нет различия между востоком и западом (один от другого отделен 100-150 км); для севера же, если условно считать его границей Дунай, от его устья до Вены или Триеста, расстояние между востоком и западом более 1200 км. Дунай как раз и образует подобие прикрытия широчайшей воронки, вовлекающей в балканское пространство возможные потоки из разных точек центральной и восточной Европы. Воронка балканского пространства сужается к югу достаточно резко: максимальное расстояние его с севера на юге около 900 км, т.е. значительно меньше, чем его ширина по северной границе. Отсюда - эффект ускоренного и все более ускоряющегося движения того, что попало в эту воронку, к югу. Первоначальное многообразие мыслимых целей и конкретных путей по мере продвижения на юг все более сокращается, пока не сводится к конечно-му единству. Но воронкообразная форма балканского пространства выступает скорее лишь как поверхностная его структура. Важнее, что этот контур уникальным образом развернут в сторону моря. Морская граница балканского пространства по своей протяженности почти в шесть раз превышает материковую границу (соответственно - 9300 км и 1600 км). Это пространство омывается семью(!) морями (Адриатическим, Ионическим, Критским, Средиземным, Эгейским, Мраморным и Черным). Ничего даже приближающегося к этому в Европе нет. Ближайший соперник - Италия, открытая только четырем морям (при этом она образует сплошной выступ в море и лишь самое основание его укоренено в материковом пространстве - в отличие от Балкан, у которых именно основание настолько фундаментально, что их "полуостровность" становится ощутимой только на самом юге). Но и эти количественные преимущества не составляют еще всей сути: самое важное в ней - изрезанность и расчлененность береговой линии как крайнего владения материкового пространства и соответствующее этому обилие островов, выстраиваемых в сложнейшие конфигурации, как принадлежность окончательному "морскому" пространству (острова в Адриатике, образующие цепь, идущую параллельно побережью, Ионические острова, но прежде всего, конечно, острова Эгейды). Побережье и острова, как бы споря друг с другом в изощренности, по сути дела, две ставки в игре - материка и моря, где в итоге выигрывают оба,

поскольку только здесь суша и море настолько органично и интимно переходят друг в друга, что связи того и другого предельно облегчают коммуникацию, движение, путь. Суша как бы приглашает к себе море, втягивает его в себя, а море манит обитателя материковой суши своей морской, островной сущностью. Конфигурация морской линии балканского пространства в сочетании с окружающими его островами открывали это пространство на запад (от Великой Греции до Геркулесовых столпов), на юг и юго-восток (через Крит до Египта, через Греческий архипелаг в Малую Азию, через Кипр на Ближний Восток), на восток и северо-восток (через Черное море в причерноморские степи и на Кавказ). Иначе говоря, пространство, развернутое в линию морского побережья, обращало Балканы почти принудительным образом к Азии (Балканы – последний рубеж Европы на пути в Азию и первый европейский *festland*, с которым встречается Азия), к Африке, к остальным частям Европы – внешним (Италия, Испания, а опосредованно – случай Пифея из Массилии – *ad ultimam Thulen*) и внутренним (вплоть до гипербореев и далее). Эта потенциальная обращенность становилась реальностью, и обычно даже несложно осуществляющейся (случаи Одиссея и Энея – исключительные, зависевшие от воли богов), благодаря цепочке островов, определявших путь, как бы включавшихся в своеобразную эстафету. Впрочем, для дальнейшей коммуникации не обязательно было даже реальное движение. Благодаря "визуальной" эстафете (костры, зажигаемые на островах, расположенных по цепочке, и выступающие как знак некоего важного события) в Микенах быстро узнали о том, что произошло в далекой Трое, если верить эсхиловскому "Агамемнону". Море было скорее соединяющим, чем разъединяющим фактором. Несмотря на Сцилл и Харибд, Полифемов и сирен, оно все-таким было тем, что позже называли "*il nostro mare*".

Если внешняя конфигурация балканского пространства предлагала открытость, ровность, горизонтальность, непрерывность как свойства того, что продолжает это пространство вовне (море), то внутренняя структура его характеризовалась скорее противоположными чертами – относительной закрытостью, неровностью, вертикальностью, прерывностью (если, конечно, не абсолютизировать эти характеристики). Внутреннее пространство Балкан организуется прежде всего главным его заполнением – горами в их специфическом расположении. Горы, конкретнее особенности частных фрагментов горного рельефа, задают членение на относительно замкнутые локусы и выявляют главные линии связей внутри этого

пространства, определяемые особенностями распределения горных массивов и их "направленностью". Степень "горного заполнения" пространства Балкан очень велика, и "просветов" к югу от Дуная мало; только к северу от него располагаются две относительно значительные низменности (Средне- и Нижнедунайская), в свою очередь охватываемые другими частями горной системы, связанной с балканскими горами (Карпаты и Альпы). Но расположение гор в балканском пространстве в разных его частях различно. Вдоль западной окраины от Альп до Средней Греции в направлении с северо-запада на юго-восток тянется широкий пояс параллельных друг другу и береговой линии Адриатики хребтов. Горы этой части Балкан обильны крутыми склонами и глубокими ущельями, чередование которых нередко происходит на ограниченном пространстве. Эти особенности определяют и направление рек (как правило, близкое к меридиональному, ср.: Уна, Брбас, Босна, Дрина, Морава и др.), и особенности расселения человека, и линии связей между отдельными локусами, и занятия человека, его *modus vivendi*. Характерно, что и Дунай в этой части (от Будапешта до Белграда) течет в меридиональном направлении. Иная картина в восточной части Балкан: расположение гор (как и течение Дуная от Белграда до его устья) широтное - Балканы, Родопы; горы здесь более пологи; между ними обширные котловины, а на юго-восточной периферии низменные равнины, начинаясь от моря, довольно глубоко вдаются внутрь полуострова. Эти долины и реки, текущие по ним (Вардар, Струмона, Нестос, Марица в ее нижней половине), как бы в нарушение широтной инерции этой части полуострова ставят последний акцент - к морю и притом кратчайшим путем.

Высокие, иногда протяженные горные вертикали, играют доминирующую роль в балканском пространстве: они задают внутреннюю ориентацию - от моря в центр полуострова, сужают возможности размещения поселений, скопо уступая им место внизу (или - в противном случае - предопределяя особый тип постоянного или временного существования в горах и соответствующий круг занятий), закрывают живущим внизу, в долинах кругозор, наконец, членят локусы человеческих поселений препятствиями в виде гор, актуализируя одновременно тему возможных и необходимых связей. Расчленение-разъединение и связь-соединение, разбросанность (ср. Спорады: *speiro*, *dia-spora*) на море и компактность-собранность на материке, горизонтальность и вертикальность, ровность и неровность, внутренняя ориентация и внешняя ориентация, центр

и периферия, открытость и закрытость - вот что определяет балканское пространство и чего не могут игнорировать люди этого пространства, которые, более того, хотят или не хотят они этого, вынуждены относиться к этим категориям в их антитетическом раздвоении не просто как к фону или даже форме, но как к сути своего существования, к жизненной теме. Балканское пространство в его геофизическом (уже - ландшафтном) и природно-экологическом аспекте, о котором здесь нет возможности говорить, выступает как матерь всего порожденного им в себе самом, как подлинная матрица, в соответствии с которой штампуется человеческая жизнь. "Балканский" модус жизни в течение тысячелетий как раз и определялся структурой этой матрицы - балканским пространством, хотя и не только им. Но сейчас важнее все-таки помнить об императивах или "предложениях" этого пространства и о том, что им мотивируется в жизни человека с "балканской моделью мира" (естественно, что чем глубже приходится проникать в древность, тем выше степень этой детерминированности). Чтобы понять диктатуру матрицы языка пространства, уместно напомнить об описании аналогичной ситуации Сепиром применительно к естественному языку: "Язык есть средство литературы... Литература, отлитая по форме и субстанции данного языка, отвечает свойствам и строению своей матрицы. Писатель может вовсе не осознавать, в какой мере он ограничивается или стимулируется, или вообще зависит от этой матрицы, но как только ставится вопрос о переводе его произведения на другой язык, природа оригинальной матрицы сразу дает себя почувствовать. Все его достижения рассчитаны или интуитивно обусловлены в зависимости от формального "гения" его родного языка; они не могут быть выражены средствами другого языка, не претерпев соответствующего ущерба или изменения" ("Введение в изучение речи". М.-Л., 1934, I74). Об этой ситуации необходимо помнить при расшифровке балканской "матрицы" - балканского менталитета во времени и в пространстве. Поэтому балканский *Genius loci* - не столько персонифицированный представитель и/или покровитель места сего, но само это место, дух его, идея, нерв - то "местное" наследие, которое передается и усваивается культурой и доведено до уровня личности, порождения - в длинной череде преемства - этого места и одновременно его местоблюстительницы.

4. Уже на этом этапе можно утверждать, что Балканы в том ракурсе, в котором они здесь рассматриваются, образуют сложную

гетерогенную систему. Это утверждение не тривиально, и слово "система" появляется здесь не по требованию моды. Восстановить эту систему хотя бы в главных ее чертах и взаимозависимостях – задача балканистики завтрашнего дня или даже более отдаленного будущего. Но уже и сейчас нельзя игнорировать присутствия этого "системного" слоя или соответствующей стихии. К сожалению, мы лучше всего понимаем эту "системность" в случае катастроф – экологических, политических, культурных. Когда что-то исчезает и обнаруживается отрицательный эффект этого исчезновения, который раньше не планировался и вообще не привлекал нашего внимания, приходит осознание того, что у этого исчезнувшего явления был свой "*raison d'être*", и вот тогда-то логика "крепкая задним умом" услужливо, но совершенно справедливо начинает выстраивать импликации типа "если есть (нет) A, то нет (есть) B" и т.п., и именно в этих элементарных зависимостях проявляется нагляднее всего присутствие системности. Оно открывает себя и в том, что целое больше суммы его составляющих и что суть его в открытии аспекта некоей запредельности, символичности. Философ сказал: "..жить значит в то же время и больше, чем жить, так как на духовном уровне оно порождает нечто большее, чем жизнь: цель, в себе несущую ценность и смысл. Это свойство жизни подниматься к чему-то большему, чем она сама, не есть в ней нечто привходящее, это – ее подлинное существо, взятое в своей непосредственности". Об этом нужно помнить и когда мы говорим о "балканском" как элементе, раскрывающем загадку "балканской", той силы, без знания (или хотя бы ощущения) которой любая попытка в этом направлении будет поверхностной.

"Балканское" (как и сами Балканы), несомненно, больше, чем сумма его частей и, более того, из нее "просто так" не выводится. У него свой смысл (природно-экологический, культурно-исторический, геополитический) и свои ценности. И дело даже не в том, выше или ниже они частных смыслов и ценностей. Главное, что они иной природы. Они, конечно, не равны теоретико-множественной сумме частных смыслов и ценностей, скорее они произведение их, которое, с оглядкой на частное, преходящее и поверхностное, работая "внутрь", открывает путь вовне новым энергиям. Но и собирание "балканского" по частям, и расчленение его на составляющие элементы в процессе работы исследователя может вызывать эффект "усиления". Сила в обеих этих операциях, и за их противоположностью вскрывается и их единство – обе они средство

контроля, проверки обратной связи как бы сверху и снизу, снаружи и изнутри. Эта ситуация тождества и различия весьма характерна для Балкан и "балканскости", как и вообще проблема амбивалентности.

Балканы как геофизическая и природно-экологическая системы поставили перед человеком определенные условия, которые в переводе на точку зрения человеческих "needs", потребностей человеческой жизни как особой системы в скрещении (наложении) других систем, можно сформулировать в терминах "лимитирующих" факторов, по аналогии с экологическими законами "минимума" (Либиха) и "толерантности" (Шелфорда), определяющими верхний и нижний пороги "процветающего" (или просто стабильного) существования, с одной стороны, и в терминах адаптивности человека к предлагаемым условиям существования, с другой. Цель человека - выжить, адаптироваться к "месту", т.е. добиться удержания ряда существенных параметров в определенных физиологических пределах (только такая форма поведения, образа существования и может быть названа адаптивной), требовала от него сделать некий, если не оптимальный, то удовлетворительный выбор из предлагаемых возможностей. Это приспособление не было исключительно пассивным. Человек был не только объектом окружающей среды, но и субъектом ее - во всяком случае в той мере, в которой он действовал и был способен нечто изменить в этой среде в свою пользу. В "Философии органического" Юкскюля (1908) подчеркнуто, что миры восприятий и действий образуют замкнутое единство и что все животные организмы одинаково совершенно приспособляются к окружающей среде, объединяя тем самым оба плана - субъекта и объекта. Как бы ни был человек отличен от животного, но сохраняют смысл слова, сказанные о результатах этой концепции - "Мир - это оркестр, где каждое живое существо играет на своем инструменте, но не по собственному усмотрению, а подчиняясь плану композитора" (или еще резче, как сказал поэт: Я и садовник, я же и цветок...). Homo balcanicus тоже не может быть сведен только к роли объекта Балкан как среды, когда его ставят перед собою, представляют, т.е. имеют как вещь-объект. Он кроме того и субъект своего собственного бытия, и в этом качестве он не может быть овеществлен, "иметься", но о нем пока можно лишь догадываться.

Среда и человек (Балканы и "балканцы") сообща творили систему своего выживания и жизнеобеспечения, взаимно завися друг от

друга. Но роль их была различна. И среда, и человек были заинтересованы по меньшей мере в стабильности, но на возникавшие изменения (климатические, геологические и т.п.) среда реагировала относительно пассивно, а человек мог (а иногда и должен был) принимать активную позицию, в частности, быть готовым к сознательным изменениям для сохранения *status quo* в изменившихся условиях. Состояние N , расцениваемое во временном отрезке A как стабильное, в следующем отрезке A_1 может уже не считаться таковым: поверхностно – в силу изменения времени, глубинно – из-за тенденции к возрастанию энтропии. Человек в конкретных условиях Балкан должен был изобрести своего "демона Максвелла", чтобы преодолеть эти энтропические тенденции, решить свою гомеостатическую задачу поддержания жизненно-важных параметров и функций в нужном диапазоне, который, естественно, может меняться в зависимости от воздействий внешней среды. Если Кенон говорил о гомеостатической "мудрости тела" (1929 г.), то применительно к рассматриваемой здесь проблеме следовало бы говорить о гомеостатической "мудрости" *Homo balcanicus* или – в ином плане – о его телеологической доминанте.

5. В чем состояла эта мудрость "балканского" человека, позволившая ему пройти сквозь тысячелетия жизни, пожалуй, на самом угрожающем и опасном участке континента? И пройти, оставаясь (при всех изменениях, потерях и приобретениях) самим собой и следуя этой неизменной мудрости? Почему Балканы никогда не были единым государством, Империей? Почему, входя в состав Римской, Османской Империи или Империи Габсбургов, охватывавшей значительную часть Балкан, *Homo balcanicus* все-таки сумел сохранить себя и свой жизненный стиль? Почему, наконец, за многочисленными инновациями обычно прступают архаические схемы, а за разнообразием некое основоположное и одновременно целенаправленно-заканчивающее единство?

Надежные ответы на эти вопросы дать трудно, но можно указать ряд обстоятельств, которые в совокупности отсылают к области исходных оснований и вытекающих из них следствий. Прежде всего "балканский" человек умел принимать предлагаемые обстоятельства, но, приняв их, не ставить на этом точку. О геофизических и природно-экологических императивах говорилось ранее. Они были приняты, и это объясняет характер расселения и формы поселений и социальной организации, а также род занятий, т.е. тот тип культуры, который стал основным, профилирующим и передавался

как типично балканская институция во времени. Но и сфера культурно-исторического ставила свои условия: с тех пор, как мы нечто знаем об этническом составе населения Балкан (а наши знания с известной надежностью простираются до III-II тысячелетия до н.э.), оно всегда было полиэтническим; отношения были разными, в том числе и резко враждебными (напр., при вторжении на Балканы нового этнического элемента), но в принципе балканский гомеостатический механизм так или иначе восстанавливал некое равновесие (хотя бы на "бытовом" уровне). Следовательно, *Homo balcanicus* исходил из признания таких антитеческих идей, как стабильное и изменяющееся, архаизм и инновация, свое и чужое (или, модернизируя, Я и другой). Соединить эти противоположные идеи можно было только в достаточно широкой и гибкой схеме; создание такой схемы было не столько теоретической потребностью (своего рода "балканской философией"), сколько практической необходимостью ("балканским деланием"), и любое промедление могло стать жизнеподобным. Обычно подобные схемы представлены в ситуации противоборства с неопределенным исходом: сегодня преследователь, завтра – жертва; сегодня – победа, завтра – поражение. Легкая (как бы безболезненная) мена местами противоположных элементов – первый признак такой ситуации. Она равно характеризует и сюжет "основного" мифа, и распределение противников в двух подряд состоявшихся балканских войнах в начале века. Такое собирание-соединение и расчленение-разъединение, опробываемое в разных вариантах, в разных ритуалах (жертвоприносительных), в разных бытовых ситуациях и восходящее к мифopoэтической традиции, продолженной в раннефилософских и ранненаучных учениях (ср. *зум-
patheia : dys-patheia*), служит средством контроля в решении той же задачи тождества-различия, проверки ее с помощью обратной связи. Стратегия *Homo balcanicus* , осложняемая ситуацией сосуществования (хотя и не всегда тесного) "своего" и "чужого", реально и определялась этой схемой, но и не только ею или, вернее, ею, но интериоризированной в самого "балканского" человека, в его Я или, лучше, коллективное мы. Суть этой интериоризации схемы состояла в попытке решения проблемы, волновавшей пушкинского Германна, – "Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом плане занимать одно и то же место". Решение, которое можно назвать "балканским", состояло в том, чтобы "подвижным" стало персонифицированное место, иначе говоря,

это "местоблюстительное" Я (или мы). Для этого оно (а не обязательно схема!) должно было достичь той степени диалектической гибкости, чтобы стать амбивалентным, умеющим работать - в зависимости от ситуации - в двух не только разных, но и противоположных режимах, при одном из которых нечто жертвуется, при другом же - возмещается, компенсируется: то соединение, *synoikia*, *sympatheia*, то разъединение *dysoikia*, *dyspatheia*; то преследователь, то преследуемый; то убийца, то жертва; то мирный земледелец или скотовод, то "разбойник" (будь то гайдук или партизан), или, иначе, - то подчеркивание (нередко гипертрофированное и даже агрессивное) своей этноязыковой самости, принципиально противопоставленной всему другому (я болгарин, а не "балканец"), то признание своей как бы сверхэтнической (но не "вопреки-этнической") общности с другими (у нас, как у вас; мы - "балканцы"). Русская мудрость говорит о том, что "на миру и смерть красна", балканская же - о том, как достигнуть мира, когда кругом раздор, опасность, смерть, как договориться друг с другом, настроиться на диалог (или полилог), на двусторонне-взаимный перевод-перекодировку, таким образом осуществить синтез, понимаемый не как полная переработка участвующих в нем элементов в монолитное целое, но как своего рода констелляция исходных элементов, "федерация" разных смыслов ради хотя бы на время возникающего единого и общего Смысла. Отсюда - установка на единомыслие-единодушие (*homonoia*), порядок-справедливость (*eunomia*), здравый смысл, благоразумие, уравновешенность (*zōphrosynē*), лад и согласие (*harmonia*), определяющие и позицию древнегреческого полиса в его пространственно-социальном совершенстве, и патриархальную жизнь южнославянской задруги, и идеал либо балканской пастушеской жизни. Но отсюда же и те внезапные рокировки, когда силу берут отталкивание, неприятие, раздор, вражда, жестокость, наконец, гибель. Эта легкая перемена статусов и знаков, постоянное внимание к ситуации и оценка ее возможностей *vis a specie* выбора в ней своей роли и компенсации, отсылают еще к двум важным аспектам *Homo balcanicus* и "балканского" космоса, о которых здесь говорить уже не придется, - о высокой его семиотичности (соответственно - разрешающей силе в знаковой сфере) и о той особой роли, которая отводится в этом космосе и нфорамации (ее получению, хранению, обмену). Без этих двух аспектов трудно понять такую важнейшую черту "балканского" в

"третьем значении", как принципиальную установку на коммуникацию, оптимистический взгляд на осуществимость обмена смыслами и ценностями между разными провинциями имеющего быть единым балканского космоса, уверенность в том, что всё то, в чем есть подлинная нужда, может быть понято и "переведено" для всех, кто испытывает в этом потребность.

6. Обращение к любому "началу", даже чисто символическому и конвенциальному, всегда поучительно - и не только само по себе, но и в связи с тем, что из этого "начала" выросло. Тем более важно такое обращение, когда "начало" (при всей условности этого понятия) - "реальное", т.е. отвечает двум условиям: во-первых, связано с резким (часто лавинообразным) возрастием информации по сравнению с предыдущим периодом (это обычно связано с появлением целой совокупности инноваций, образующих "новый" для данной культуры класс явлений); во-вторых, открывает цепочку культурного преемства с высоким причинно-следственным коэффициентом для любого участка этой цепочки. Именно в этом смысле древнебалкансскую нео-энолитическую цивилизацию (ДБН) можно назвать началом. В определенный момент и в определенном месте она решительно начинает уходить от относительно гомогенной предшествующей культуры в недрах того же неолита, порывая с его "культурными" стереотипами, всё более и более дифференцируясь как в региональном, так и в культурном отношении, развивая новые и разные стили, усложняя свои социально-политические и хозяйствственно-экономические аспекты, кардинально меняя свои демографические характеристики, формы поселений людей, их быт, круг их интересов - как чисто профессиональных, так и сугубо духовных. Начиная с этого "начала", сложившиеся в нем культурные комплексы и навыки передаются во времени (причем достаточно зримо) вплоть до Эгейской цивилизации как важного средостения прошлых культурных эпох и культуры классической Греции.

Открытие ДБН и определение ее пространственно-временных границ сразу заполняет ряд важных лакун в истории Древней Европы. На временной оси ДБН, сохраняя некоторые черты верхнепалеолитических цивилизаций и адаптируя и развивая их применительно к новым условиям, формирует существенно новые тенденции, бесповоротно отделяющие ДБН от всего предыдущего. На другом полюсе этой оси ДБН оказывается тесно связанной с эгейской культурой Ш-П тысячелетия до нашей эры, причем эта связь разнообраз-

нее, богаче и конкретнее связи ДБН с предыдущей эпохой. В пространственном плане ДБН позволяет связать ее ареал с соседними. Впервые устанавливаются надежно доказываемые связи "Запада" и "Востока" и обретает конкретный смысл понятие "евразийских" контактов и соответствующей зоны культурных связей, наращивающих общий набор парадигм, знаний, умений (ср. связи ДБН с Малой Азией и культурами Анатолии, а отчасти – причем в очень важном отношении – и с Месопотамией и – шире – Ближним Востоком, с одной стороны, и с Северным Причерноморьем /ср. "курганную" культуру/, с другой). Отчасти проясняются и "меридиональные" связи (ср. инфильтрацию некоторых черт ДБН к северу от ареалов Лендер-еля и Кукутени, за Карпаты, в верховья Вислы и Эльбы). Показательна аналогия между переносом центра тяжести^в в развитии ДБН на завершающем ее этапе к югу, в Эгейиду, и сходным переносом к югу и востоку в истории неолитической культуры Малой Азии (Чатал-Гююк – Эбла, Двуречье, Египет). Культурный центр и периферия как бы меняются местами и соответственно функциями (в качестве аналогии ср. подобный же перенос центра к востоку в связи с возникновением и утверждением христианства). Связующая роль ДБН и само количество и характер этих связей, известный баланс культурных импортов-экспортов на протяжении эпохи развития ДБН еще более подчеркивают и гомеостатичность этой цивилизации, вписанность ее в культурно-хозяйственную панораму той эпохи, наконец, самодовлеющее значение ее как главной культуры Древней Европы, той ее ветви, которая получила наибольшее развитие и выработала новые формы, удерживавшиеся отчасти вплоть до раннеантичной поры.

Но сказать, что ДБН была главной культурой Европы того времени не значит, пожалуй, сказать главного об этой культуре, о ее внутренних свойствах. "Кажется очевидным, – писал Р.Эрлих, – что топографические, физиографические и экологические факторы постоянно служили изолирующими механизмами в регионализации культуры и что, хотя в периоды нестабильности и передвижения населения они временно как бы прекращали свое действие, все же с течением времени эти механизмы обнаруживали тенденцию к повторному самоутверждению". Эта особенность, определяющая одно из важнейших свойств и условий "балканской" вообще (см. выше), впервые отчетливо опознается на материале ДБН – как в положительной части работы механизмов регионализации и надстраиваемой над ее результатами структуры "свободной федера-

ции" региональных культур, так и в ее отрицательной части, когда ДБН в лице таких ее культур, как Винча, Караново, Кукутени и т.д., около 4000 г. до н.э. подверглась дезинтеграции в результате носителей новой культуры, пришедших из степей Северного Причерноморья.

Другой основной чертой ДБН (уже несколько иного уровня, связанного скорее с некоей телеологической стратегией) следует признать установку на интенсивность, кумулятивность, синтетичность и взаимозаменяемость (принцип компенсации). Все эти свойства-установки предполагают определенные объекты культуры. Но в данном случае, особенно в связи с "синтетичностью", существенно не наличие "старых" элементов, имеющих быть синтезироваными, но выдвижение "новой" альтернативы, становление и осознание соответствующих принципов, благодаря чему ДБН и составляет особую эпоху в развитии культуры. "Интенсивность" в ДБН проявляется прежде всего в новых формах экономической деятельности: акцент с удачи и случая, с застойных вариантов "чистой" эмпиреи переносится на целеполагающую деятельность, на производство (а не захват), т.е. на выведение изнутри во вне (а не извне внутрь), когда приложенные усилия отделены от их плодов определенным временем, - ср. земледелие, скотоводство, ремесла (прежде всего медная металлургия, производство металлических изделий, украшений, гончарное ремесло, строительная деятельность, развитие средств коммуникации, ср. особую роль колеса, повозки и т.п.). С этой установкой на интенсивность связан отказ от "безгранично-широких" пространств (точнее, признание в определенный момент, что они и не нужны, поскольку таят в себе соблазн "экстенсивности", ср. ситуацию Руси в другую эпоху и следствия, вытекающие из принятия этого соблазна) и сужение круга хозяйственной деятельности границами поселения (иногда очень компактно-уплотненного, как в Каранове) и непосредственно прилегающей категории - отдельного изолированно-изолирующего локуса. Не экстенсивные разрозненные пробы и поиски наощупь и вовне становятся принципом, но сосредоточение на внутренней задаче и соответствующее ей порождение задуманного, поставленного перед собою как цель (а не просто искомого, случайного). Кстати, осознанность сути действия "порождения", с одной стороны, выводится из опыта, задаваемого природой и сельскохозяйственной практикой, а с другой, вторично воплощается в образ,

Фигурирующий в религиозных представлениях, ритуале, искусстве ср. известный в ДБН тип "женщины-родительницы"). "Кумулятивность" и "синтетические" тенденции ДБН обнаруживаются как в стремлении к сохранению и развитию наследия предыдущей эпохи (ср. верхнепалеолитическую символику, отчасти, видимо, некоторые формы святилищ), так и в умении усвоить новые "внешние" влияния (ср. культурные импульсы, идущие из Малой Азии, и особенно те, что были связаны с инфильтрацией племен курганной культуры), о чем - применительно к религиозному синтезу в ДБН - писала М.Гимбутас. С указанными особенностями соотносится и известная открытость ДБН и ее относительно мирный характер, органически связанный с расширением круга ремесел, их дифференциацией и развитием специализированных производств внутри отдельных центров, с одной стороны, и, с другой, определяемый ориентацией и на внешние связи, в частности, торговые (в обоих случаях один из самых убедительных примеров - Винча с ее ремеслами и импортами, металлическими и керамическими, охватывающими обширную зону от Альп до Черного моря и от Карпат до Эгейского моря). Мирный характер ДБН, естественно,ителен. Военная специализация также имела место, но она была, кажется, в основном подчинена интересам обеспечения торговых связей, но не целям агрессии. Поэтому крепостные стены в инвентаре фортификационных сооружений обычно отсутствовали, заменяясь системой рвов и палисадов (в Винче, правда, обнаружены каменные и деревянные стены). Явных следов нападений и разорений археологические материалы, видимо, не отмечают. Более того, сам характер поселений - то хаотического типа (как в Лендьеле), то сильно вытянутых (как в Винче или Бутмире) - свидетельствует, пожалуй, о том, что военная функция не была главной, и даже ее оборонительный вариант принадлежал к числу умеренных. Поселение не было крепостью-бургом по преимуществу, а его население едва ли рассматривалось как потенциальное воинство. Предполагаемые некоторыми исследователями матриархат и матрилокальность также скорее говорят в пользу именно такого - мирно-открытого - характера ДБН. Конечно, далек от ясности вопрос о существовании каких-либо форм объединения отдельных поселений в целостные структуры управления, но похоже, что акцент ставился не на (со)подчинении, а на самодостаточности, независимости и, видимо, взаимовыгодности такого рода, но, по сути дела, экономически и культурно связанного

существования. Аналогия с полисом и федерацией полисов (в определенных условиях), которые гармонизируются принципами согласия и равенства в "пропорциональном" измерении, как это было во время Солона, конечно, модернизирует ситуацию в ДБН, но все-таки эта аналогия помогает понять (или во всяком случае представить) *conditio sine qua non* балканских взаимосвязей и ту своеобразную "река balcana", которая не раз в истории региона определяла отношения между частями целого и отдельной частью и целым.

Как эти общие особенности, так и конкретные черты экономического и социального устройства, сферы власти и взаимоотношений с соседями в высокой степени соответствуют и существенно предопределяют исключительный для той эпохи уровень знаковости (и, следовательно, знакового "сознания"), характерный для ДБН. И в этом отношении главным было, видимо, не экспансивное развитие в этой сфере (как в том, что касается тенденции к ориентации на знаки "иконического" типа и институализации именно таких знаков, так и в слабой селективности в выборе путей распространения знаков на внезнаковую сферу, в несколько монотонной постепенности "захвата" знаками новых областей, в тяге к излишней "знаковой" пунктуальности - установка на исчерпание "знаками" всего в пределах данного горизонта и т.п.), но, наоборот, интенсивная знаковая "революция", при которой сам принцип знакового "прорыва" на новый уровень сильно опережает знаковое освоение эмпирии. Отсюда - типичная ситуация: как только начинает вырисовываться принцип, совершается операция перехода по "вертикали" на более высокий (или глубокий) уровень, где снова начинается кристаллизация знакового принципа уже в новых условиях. Именно с этим связаны такие разные явления, как перекодировки, смелые переключения, перескоки (с эллиптическими одушевлениями переходных элементов), создание "моделей" - от "буквенных" (ср. инвентаризацию трехмерных знаков "скульптурного" типа с помощью двумерных знаков на плоскости глиняных конвертов) до "предметных" (ср. модели фигур - человеческих и животных, храмов и святилищ, колесниц и т.п.). Эти явления в совокупности нельзя интерпретировать иначе, как формирование оппозиции "означаемое" - "означающее" и допущение возможности разных типов последнего, что уже является необходимой и достаточной предпосылкой для конструирования сети отождествлений (и различий), соответствий, трансформаций и,

следовательно, для выработки основы идеи "конвенционализма". В этом контексте не должна удивлять исключительная роль в ДБН знаков типа "символ", свидетельствующих об актуализации наиболее глубоких и напряженных "духовых" смыслов. В этой связи показательно появление "предписьменных" знаков на сакральных предметах (в святилищах, сосудах, фигурках и т.п.) - в отличие от цивилизаций, утилизировавших письменность для сугубо прагматических целей (А для низкой жизни были числа, / Как домашний подъяремный скот...).

С открытием "знакового" как особой сферы бытия, осознанием следствий этого открытия и глубоким проникновением в сферу "символического" связана исключительная для своего времени глубина религиозных идей ДБН, их интенсивность и масштабность, проявившаяся в существенном ограничении аспекта "суетерного" (отказ от чрезмерности системы гарантит и оберегов на каждом шагу, от гиперсемиотизации всего возможного множества явлений, от мелочных и непринципиальных уловок, якобы отгораживающих человека от смерти). Но главное состояло не в том, от чего Homo balcanicus эпохи ДБН отказался, а в том новом, что он нашел. А найдено было совсем иное, действительно, новое решение проблемы смерти. Оно заключалось в принятии ее, т.е. в выборе стратегии динамического риска, когда сама смерть включается в цель "жизнь" - "возрождение", т.е. новая усиленная жизнь, обретаемая только прохождением через смерть. Мы узнаём об этом новом решении прежде всего по новым формам, т.е. по "означающему", но глубоко ошибочным было бы считать, что в данном случае речь идет о некоем "техническом" нововведении. Суть религиозной идеи, ее главное содержание не иллюстрировались новыми формами, но творились ими самими и через них. Поэтому лишь условно можно говорить об "отражении" высших духовных ценностей ДБН в фигурах основных персонажей драмы жизни и смерти - двух богинь, трактуемых как "даятельница" и "лишительница", жизнь и смерть, победа и поражение, и мужского божества годового цикла ("пред-Дионис"), совмещающего в себе самое значение обоих членов перечисленных пар. Достаточно развитая символика специализирует эти общие смыслы, предлагая более частные и более конкретные их проекции в сфере означающего. Ср. такие разные символические образы-знаки, как птица, змея, грибы, фаллос, крест, меандр, зигзаг, круглое, прямоугольное (ср. окна-входы в моделях храмов) и т.п., которые "разыгрывают" прежде

всего тему пола и жизни-смерти. Все эти образы и символы так или иначе вовлечены в ритуал, который, видимо, уже понимался как "делание священного", без которого коллектив лишается главной гарантии своей целостности и стабильности. Обращает на себя внимание особая роль ритуала как способа знакового решения "надзаковых" проблем (регуляция конфликтных ситуаций, установление связей между человеческим и божественным, преодоление антитезы жизнь-смерть) и складывающийся изоморфизм образов (и функций) жреца и жертвы, а также - сложнее и менее определенно - жреца-жертвы и Бога. Кажется, есть основания думать о мистериальном характере ритуальных действий в ДБН, по крайней мере, в наиболее развитых ее центрах. В контексте развития подобных религиозных идей находят себе место и объяснение идеи амбивалентности, двойничества-близнечества, матричности (ср. фигуруки, в каждой из которых как бы слиты два персонажа, - две головы при едином туловище и соответствующем числе конечностей; возможно, как антропоморфная перекодировка или, наоборот, предтеча образа мирового дерева в варианте - дерево жизни или жизни и смерти).

ДБН характеризовалась, как было сказано, открытостью, разомкнутостью во времени и в пространстве. Наследие этой эпохи было актуально в своих истоках и в основных своих идеях и смыслах, и на других пространствах и в иных временах. Особая проблема - культурное наследие ДБН в античную эпоху. Ряд аналогий очевиден, но все они нуждаются в более тщательных анализах и доказательствах исторического характера. Поэтому здесь в заключение уместно обозначить как напоминание или как некую правдоподобную перспективу лишь несколько узлов разного типа и даже разных планов. Среди них - роль "глубинных" областей в развитии религиозно-эзотерических идей и образов (Фракия, Фессалия): Дионис, Орфей, Залмоксис, *Нēрōς* и др.; возможно, истоки элевсинских мистерий, пророческо-пророческий компонент; формирование идеи жертвы; "земледельческий" комплекс - Деметра, Персефона, Триптолем; хтонические (в частности, змеиные) темы; исключительная роль - на грани гипертрофии - женских божеств (Гера, Афина, Артемида, Афродита, Деметра, Семела и др.) и статуарного "материнского" права (ср.: Эринии и Орест); роль скульптуры (образ человека, особенно типа кикладских идолов), вазописи, геометрического стиля; символические знаки и ранние формы письма в Эгейиде; полисная система, ее принципы, некоторые

и
особенности социальной организации и структуры власти; типы хо-
зяйства в зависимости от "места" и соответствующие социальные
позиции (ср. в Аттике различение *pediakoi* , жителей равнины,
paralioi жителей морского побережья, *diakrioi* жителей
гор, которые до полисной реформы Клисфена были одновременно и
разными "общественно-партийными" группировками); процесс коло-
низации как отражение принципа открытости, с помощью которого
решаются не только жизненно важные экономические задачи, но и
осуществляется культурная трансплантация, и т.п.

Балканский макроконтекст позволяет полнее, многостороннее
и конкретнее понять, как природа и культура "матрицируют" челове-
ка и типы его жизненной судьбы и опыта. Обратная сторона это-
го явления - интериоризация "человеческого" элемента в сферу
природы и в мир культурных артефактов. Данные ДБН дают много
свидетельств этой двусторонней связи человека, значения образа
человека, процесса антропоморфизаций объектов культуры и при-
родных объектов. Важный аспект этой проблемы - связь образа че-
ловека с храмом и ритуальной утварью (сосудами),
дающая примеры сложных синтезов от ДБН до античности. "Антропо-
морфизация" храма и его атрибутов может быть понята в рамках
архаичной классификации сакральных элементов мира через части
тела человека (ср. образ Пурфи в древнеиндийской мифологии).
Два полюса - "антропоморфная" модель святилища (Породин, 5800-
5600 гг.; крыша и труба - как голова /ср. некоторые инвертиро-
ванные аналогии в архетипических женских изображениях у Тышле-
ра/, шея и грудь богини; сам храм - тело божества; алтарь -
сердце) или головы на углах крыши модели храма из Винчи, во-
первых, и четкое разъединение раннеантичного храма на "архите-
ктурное" (храм) и "человеческое" (скульптуры в храме, человечес-
кие фигурки в святилище, гробнице и т.п.), во-вторых. В этой же
связи следует напомнить о чертах "архитектурности" (иногда да-
же конструктивности и монтажности, как, напр., в скульптурной
фигуре т.наз. "Taker-of-all" /видимо, один из образов смер-
ти/ из Караново VI, ок. 4500-4200 до н.э.) - от кикладских идо-
лов до ранних курсов с их почти архитектурной статуарностью.
Ритуальные сосуды по идеи связаны и с человеком, и с храмом (ср.
"сосудообразные" модели некоторых храмов в ДБН; вазы в виде Боги-
ни-Матери /Мохлос, Маллия, 2400-2000 гг./, лицевые урны, сосуд
как ритуальная постройка /Киклады/, образ человека в вазописи и
известную тенденцию к антропоморфизации некоторых типов ваз).

Но сосуды связаны и с природой, включая ее значимые элементы в свою структуру или в изображения на сосудах. Особое развитие получила "птичья" тема; ср. модель храма как скворешни (ДБН, Румыния); культовую вазу с тремя голубками (Гераклион, 2500-2000 гг.); чашу с птицей (Палеокастро, 2000-1700 гг.); аск как стилизованный образ птицы (с яйцом) и целый ряд других, уже античных параллелей. Таким образом, матрицированность (и, следовательно, как бы производность) человека природой и культурой уравновешивается другой формой выражения той же идеи взаимосвязи – антропоморфической проекцией на природу и культуру. Эта ситуация снова возвращает нас к одной из доминантных идей балканского космоса, особенно отчетливо выступающей, когда этот космос берется в рамках балканского макроконтекста.

О ЯЗЫКОВЫХ, КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ
КОНТАКТАХ НА БАЛКАНАХ

Балканы представляют собой зону (точнее несколько связанных друг с другом зон), благоприятствовавшую контактам этносов, языков и культур, находившихся или хотя бы на протяжении определенного отрезка времени мигрировавших (распространявшихся посредством диффузии) в пределах Балкан. В качестве модели таких процессов уместно рассмотреть те, которые имели место на протяжении последних веков. В этом плане интересным представлялось бы детальное изучение, например, судьбы цыган и цыганского языка на Балканах. В подобных случаях особо обращает на себя внимание существенность модели диаспоры в ее противоположении модели замкнутого существования определенного этноса, языка, культуры в пределах узко очерченной территории. Последнее наблюдается на Балканах в значительно меньшем числе случаев и под явным влиянием факторов, сознательно формирующих искусственное размежевание. Иначе говоря, каждая из двух указанных моделей не остается чисто теоретической, а направляет развитие по одному из соответствующих путей.

Явления языкового союза и других обнаружений ранее действовавших контактов на территории Балкан позволяют ретроспективно восстановить предшествовавшую ситуацию, благоприятствовавшую далеко идущим результатам таким контактов.

В качестве одной из проблем, детально изучавшихся (в частности, румынскими лингвистами на протяжении ряда десятилетий), стоит обратить внимание на восточнороманско-славянские контакты, охватывавшие период примерно полутора тысячелетий. На самом раннем из достижимых для исследования этапов речь могла идти, в частности, о двуязычии, результаты которого (как давно предположил Дж.Бонфанте) оказались в почти полном тождестве таких фрагментов фонологических систем, как вокализм. Интересным и достаточно еще не выясненным вопросом остается и проблема возможного тождества на глубинном уровне славянских конструк-

ций с винительным падежом одушевленных имен существительных и румынских конструкций с предлогом *ре* (хотя наличие типологических параллелей в иберо-романских конструкциях с предлогом *а* позволяет предположить и иное объяснение - сохранением в периферийных областях распространения вульгарной латыни древних конструкций, интерпретируемых как разные виды перекодирования субстратных дороманских). В области лексических влияний интерес представляет примерно одинаковая роль романских и славянских элементов в результирующих текстах: показательны тексты типа румынского перевода заглавия "Razboi și pace", где два слова соответственно славянского и романского происхождения соединены исконным элементом в синтаксической функции. С той же точки зрения представляет интерес соотнесение элементов разного происхождения в текстах разных речевых жанров на других балканских языках (албанском, болгарском и т.п.). Интересны возможности использования разных пластов лексики для создания специальных эффектов (звукопись: *zimbrul sombru și regal* у М.Эминеску при черновых вариантах типа *leul* → *zimbrul* и т.п.).

Культурное единство всего ареала или значительных его частей связано с распространением отдельных мотивов и лексических элементов, их кодирующих (см., например, ряд фольклорных сюжетов, таких, как вампиры и соответствующие обозначения славянского происхождения с фонетическими преобразованиями в отдельных балканских языках). В качестве одного из подобных явлений, допускающих достаточно раннюю датировку судя по его византийским источникам, можно было бы отметить тот строительный обряд с жертвоприношением (первоначально человеческим), который трансформируется в соответствующий фольклорный сюжет, на румынском материале детально изученный М.Элиаде в специальной монографии.

Если часть общебалканских культурных и языковых явлений связана с греческим влиянием, как это часто предполагается, то особый интерес представляет возможность значительного углубления хронологии отдельных явлений этого рода, если они действительно (как это следует из исследований М.Гимбутас о палеобалканском происхождении некоторых элементов древнегреческой символики) через греческие семиотические системы восходят к древнебалканским.

Написано для журнала "Советское славяноведение", публикуется с любезного разрешения редакции.

MODELE DU MONDE ET SA CARCASSE LINGUISTIQUE
(ASPECT BALKANOLOGIQUE)

Le problème abordé ici est lié pour l'auteur avec l'analyse du système grammatical de l'ULB (union linguistique balkanique). Il était supposé que les langues-membres de l'ULB sont soumises à l'opposition semblable/dissemblable. Ça veut dire que les langues balkaniques, avec leurs nombreuses affinités structurales, avec un système grammatical commun, gardent leur pleine individualité. Semblant et dissemblant dans le même temps, les langues balkaniques répandent cette qualité au niveau supérieur, celui de la mentalité. Ainsi, il surgit le problème des relations entre la langue et la mentalité qui se rencontrent dans leur mission de la représentation du tableau du monde.

Les idées de Sapir et de Whorf ont stimulé l'analyse de ce problème du point de vue philosophique, sociologique, sémantique etc., ainsi que du point de vue sémiologique.

Maintenant on possède, d'une côté, une définition élaborée du modèle du monde (MM) et, de l'autre côté, des connaissances approfondies de la structure linguistique et de ses relations avec le monde. Wittgenstein, quand il attribuait au monde une structure logique, supposait une sorte d'harmonie entre la langue et la réalité ainsi que leur correspondance métaphysique. Le terme "structure logique du monde" correspond, dans un certain sens, au terme MM. MM est un schème conceptuel de toute une somme des représentations du monde au dedans de la tradition donnée, c'est une information réglementée sur l'homme et sur son milieu. L'homme est placé au centre du MM, celui-ci devant anthropocentrique.

Il faut souligner que la langue elle aussi est anthropocentrique par excellence: l'homme est une seule créature qui la possède.

MM se réalise sous la forme de divers systèmes des signes ou des codes: astral, végétatif, zoomorphe, culinaire, odoristique.

que, coloristique etc. Ça veut dire qu'au contexte du MM astres, plantes, animaux, odeurs, couleurs etc. sont symboles des concepts caractérisant la mentalité d'une telle ou telle tradition.

Les codes sont divers, mais le monde est seul et unique. MM prévoit la transition d'un code à l'autre, leur traduction réciproque. Mais cette procédure serait impossible sans un code universel qui en sert de coordinateur. C'est la langue.

Seule la langue peut décrire MM tout entier d'une façon la plus détaillée;

seule la langue peut transmettre tous les autres codes du MM;

seule la langue peut décrire non seulement son propre, mais n'importe quel MM.

En d'autres termes, dans les cadres du MM la langue sert de lingua franca, d'un métacode par excellence; elle y acquiert une valeur absolue et devient parfois plus réelle que son signifié. "L'autosuffisance" du signe linguistique (de la parole) révèle le rôle démiurgique de la parole pendant la transition du chaos primordial au cosmos. In principio erat verbum qui a nommé = a appelé à la vie non seulement l'inventaire mais aussi la structure du monde. Ici se produit une ambivalence de la langue: la parole décrit le monde et la parole crée le monde. Alors, au dedans du MM la langue est en même temps un instrument auxiliaire (métacode) et un code indépendant du MM.

Au moins deux propriétés de la langue permettent son fonctionnement en tant que code universel du MM:

1. L'organisation de son système à la base des catégories.

La langue est catégorielle. La composition, l'ensemble des catégories et des grammèmes ainsi que leur extensional se variant d'une langue à l'autre. Ces variations semblent être liées avec la structure du MM correspondant (en ce sens, il serait intéressant de confronter, par exemple, la mentalité anglaise et celle américaine projetées sur l'anglais et sur "american english"). Les catégories linguistiques sont, en même temps, celles sémiologiques et, en vertu de cela, peuvent étre rapprochées des catégories du MM, telles comme temps, espace, nombre, genre etc.

2. L'organisation du lexique. Les relations entre le signe linguistique et son significat appartiennent au niveau sémantique du MM. Par exemple, la tradition mythopoétique balkanique met en premier lieu la catégorie de l'odeur, spécialement celle d'aromat. Le mot neutral pour "sentir" dans les langues de l'ULB tire

son origine du grec myridzō 'oindre, parfumer'. En effet, "l'odeur balkanique", ou, plus précisément, l'aromat (cf. les textes rituels, lyriques etc.) est compact, il se produit comme un obstacle matériel: le héros doit passer à travers ce mur parfumé. [Le folklore roumain présente les fleurs qui sont grondées parce qu'elles ont perdu leur aromat emporté par le vent]

Les interrelations entre le MM et la langue-code déterminent leur "structuration mutuelle": MM définit la structure de son code linguistique et, vice versa, celui-ci définit son MM.

La transition de la compétence à la performance linguistique peut être traitée en tant que réalisation du texte à la base du système. Le système consiste des règles munies par le lexique. Alors, l'opposition langue/parole peut être interprétée comme opposition non-texte/texte. Un problème surgit: est-il possible d'examiner la langue comme un texte particulier. Au cours de son existence la langue accumule une telle énergie (energeia, le terme de Pierce) qu'elle devient un trait constitutif de la culture (et du MM). Le rôle créateur de la langue en tant qu'un des plus importants facteurs de la culture lui permet de modéliser le monde, de le "recréer" (comme un instrument qui change ses fonctions au fur et à mesure de son activité). Dans la pensée mythopoétique la transition de chaos à cosmos, ainsi que la création de la langue sont traitées comme un sorte de synthèse des parties isolées composant une unité. Ainsi, la langue et la culture (MM) sont entremêlées d'une telle façon que "le linguistique" et "le culturel" forment une entité profonde.

Le concept langue-code, langue-texte laisse possible l'établissement de la carcasse linguistique du MM. Ici il s'agit de la confrontation des catégories grammaticales aux oppositions sémiologiques du MM (telles comme interne/externe, haut/bas, masculin/féminin etc.). Bien sûr, il ne s'agit pas de la coïncidence littérale des oppositions linguistiques et sémiologiques. La langue emprunte au MM l'information laquelle elle peut s'approprier le plus effectivement et la transforme à sa guise.

En effet, les autres codes du MM conservent la liaison explicite avec leurs origines "matérielles". Par exemple, l'opposition le cru et le cuit est réalisée dans la pratique culinaire (mais vérifiée par des textes folkloriques, c'est à dire, à l'aide de la langue).

Quant'aux catégories linguistiques, elles sont abstraites, immanentes, d'où vient la possibilité de leur confrontation avec les catégories du MM, c.à d., les oppositions sémiologiques. Ce sont, en premier lieu: masculin/féminin, animé/inanimé; ego/autre (analysé par Benveniste en liaison avec la catégorie des pronoms); oppositions spatio-temporelles/catégories de l'espace et du temps dans la langue etc.

On se borne ici à quelques observations sur le modèle du monde balkanique (MMB). Ce terme peut provoquer des objections. Bien qu'on emploie largement le terme "mentalité balkanique", il n'est pas défini strictement. De plus, des premiers abords on aperçoit une individualité de chaque tradition balkanique. Sans aucun doute, le commun existe, mais existe le différent, lui aussi sans aucun doute. L'opposition semblable/dissemblable dont on a déjà parlé de nouveau entre en jeu comme dans le cas des jumaux: de la première vue ils semblent tout à fait pareils, puis on aperçoit leur différence; cette différence se présente le plus nettement grâce à leur ressemblance.

Cette combinaison paradoxale semble avoir une autre nuance sémantique: ambivalence, versatilité, ambiguïté faisant impossible un choix définitif, implicitent le refus de ce choix. On voit, en somme, une balance entre deux pôles sémantiques. Plusieurs sujets balkaniques "classiques" sont marqués par cette empreinte d'incertitude, par cette tendance à éviter la réponse oui/non.

C'est, par exemple, le mystère du chef -d'œuvre du folklore roumain (balkanique) "Miorița" ou "L'agnelle voyante". [L'étude brillante de Mircea Eliade sur ce sujet est bien connue]. Les deux bergers veulent tuer le troisième. L'agnelle voyante prévient son maître du danger et lui indique le procédé du sauvetage. Mais celui-ci lui donne une réponse remarquable: "Si ce soir je meurs..." et puis il commence à décrire ses "noces mioritiques", c.à d. ses propres obsèques. Il ne sait pas s'il soit tué et le lecteur ne sait pas s'il a été tué. On ne sait non plus pourquoi il ne veut pas se sauver. Cette étrange résignation devant la mort est expliquée par de diverses façons: un rapport particulier entre la vie et la mort caractérisant la mentalité roumaine (ainsi que balkanique), l'héritage mythologique etc. Tout ça, comme dit Eliade, mène à "transmuter un événement malheureux en un sacrement, puisque la mort d'un jeune pâtre in-

connu se transforme en célébrations nuptiales de proportions cosmiques".

Résignation, choix étrange, manque de logique, si on peut dire, marquent d'autres sujets balkaniques: "Femme emmurée" où le héros refuse la chance de sauver sa femme qui, à son tour, se révise devant la mort. "Le frère mort" sort du tombeau pour tenir la parole donnée à sa mère; personne n'est coupable, mais tous les personnages périssent. Pourquoi? Une interprétation précise semble impossible, il en reste toujours un impression d'ambiguïté.

C'est peut-être un raccourcissement, mais des reflets de l'ambivalence, de plusieurs choix et du refus d'un et seul choix semblent exister dans le système de l'ULB. C'est, en premier lieu, une tendance à l'agrammatisme. Il s'agit non seulement de la disparition de la déclinaison, de l'infinitif etc. Les langues balkaniques n'utilisent pas leur propres ressources qui aideraient éviter l'ambiguïté. On préfère l'apposition, la juxtaposition (le terme de Mirambel), mots composés, c.à d., des constructions qui supposent de diverses transformes sémantiques. On peut y ajouter l'emploi pléonastique des citations pronominales, leur variété fonctionnelle qui sont en contraste avec leur pauvreté matérielle qui augmente l'ambiguïté (cf. té albanais: pronom, article, particule verbale; grec moderne pou etc.).

Maintenant on aborde une des oppositions sémiotiques les plus importantes: interne/externe. Une opposition spatiale, transposée dans le code social elle devient l'opposition le sien/d'autrui. On reconnaît l'opposition interne/externe dans d'autres oppositions spatiales, telles comme, par exemple, fermé/ouvert, près/loin, ici/là-bas etc. Elle est liée avec l'orientation dans l'espace, avec l'idée de limite. Le monde humain=le microcosme représente une sorte de l'espace dans l'espace (du macrocosme). Ainsi, le microcosme se trouve au dedans et cette position isolée donne à l'homme une assurance, une conscience de sa sécurité ainsi que la conscience de soi-même, de son ego en tant que son individualité. En effet, l'articulation de l'espace commence à actualiser la catégorie de possession. Dans les cadres de l'opposition bon/mauvais interne, proche (le sien) est positif tandis qu'externe, lointain (d'autrui) est négatif. Cette "moralisation" donne un appui à l'opposition en question.

Il faut souligner que les oppositions spatiales sont subjectives de principe. Les limites de l'espace où l'homme se présente

comme point de repère peuvent se déplacer: s'élargir ou se restreindre. Conformément à cela peuvent varier les limites de la possession: on perd, on acquiert, le sien devient d'autrui et vice versa. Si l'organisation de l'espace clos attribuait au sien une valeur suprême, la variabilité des limites signifiait une approbation du concept d'autrui qui, en ce cas, pourrait transformer en catégorie du sien. Alors le cliche le sien=bon /d'autrui = mauvais perdait sa valeur absolue. Ça concerne et la langue.

Chaque MM présente sa langue comme accumulateur de la culture spirituelle. Quant'au MMB, ici, en vertu des raisons historiques, sociales, géographiques, économiques etc. la langue a acquis une valeur tout à fait particulière. La formation de la mentalité sous l'influence du bi- et polyliguisme ainsi que sous le danger de la perte de sa langue maternelle a défini une attitude presque exceptionnelle envers la langue. D'une côté, la situation de la mosaïque linguistique et ethnique a élaboré une conscience nationale extrêmement aigüe, un patriotisme très actif. Une valeur particulière du sien (moi-même, ma famille, ma maison, mon quartier, mon village etc.) qui incluait, avant tout, ma langue, a fait de cette dernière une réalité presque tangible, un sorte de l'actualisation matérielle de la substance nationale. C'est la langue qui garantit, sûr et certain, la stabilité de mon ego.

De l'autre côté, un étranger (l'autre que moi) était traité non seulement comme ennemi, mais encore comme un partenaire dans les contacts divers et surtout ceux linguistiques. Alors la langue étrangère était traitée comme procédé indispensable de la communication. En ce cas, elle reçoit les droits égaux avec la sienne et, dans certaines conditions (par exemple, les mariages mixtes) peut même devenir la sienne.

Le niveau linguistique du MMB montre une attention particulière à la conservation et au enrichissement de la langue maternelle, la sienne et, en même temps, une certaine bienveillance envers des autres langues (au moins, on "permet" leur existence). Une telle situation exige une définition de la position de l'individu dans l'espace (y compris l'espace du texte) [la stabilité de l'opposition interne/externe (le sien/d'autrui) affirme l'ordre cosmique et le défend du chaos].

Le système grammatical de l'ULB semble élaborer de catégories qui sont liées étroitement avec MMB. C'est, en premier lieu, la catégorie de la deixis qui, selon Benveniste, permet à l'homme

de s'apprivoiser la langue en se désignant comme ego et en se posant comme un point de repère. On voit que la catégorie de la deixis réalise dans le langage la subjectivité, c.à d., la variabilité du point de vue (= de la position dans l'espace).

Le système de l'ULB possède de riches et diverses ressources déictiques: un ensemble complexe des articles (isolé, préposé, postposé (défini), indéfini, zéro; un article "triple" qui "stratifie" l'espace dans le slave balkanique); des clitics pronominales qui forment la reprise pronominale (formes-doubleurs des pronoms accentués), des constructions "préposition + adverbe" pour préciser les significations spatio-temporelles, des particules phatiques, une sorte des apostrophes déictiques (bre, more etc.). Cette condensation de la deixis se révèle et au niveau sintagmatique où s'emploient des ensembles de deux articles, de l'article avec le pronom etc. Les éléments auxiliaires forment des ensembles assez variés et compliqués, des vraies chaînes qui représentent des unités sémantiques et accentuelles, avec des règles rigoureuses de la disposition interne des éléments. L'ordre des mots dans la proposition est déterminée, en fin de compte, par des éléments auxiliaires qui forment une carcasse déictique où s'installent, plus ou moins librement, des éléments autosémantiques.

Encore un exemple de l'auto-orientation dans l'espace: le mode narratif, reported speech - la catégorie laquelle Jakobson a nommée evidential. Cette catégorie (actualisée sous l'influence turque) existe dans le slave balkanique et dans l'albanais. La signification originelle de cette catégorie est seulement une indication de l'assistance: était ou non le sujet parlant témoin de l'événement dont il parle. C'est plus tard qu'elle a reçu des nuances émotionnelles (doute, supposition, admiration, ironie, incrédulité etc.). Mais l'assistance suppose la position du sujet dans l'espace - au niveau linguistique, c'est l'espace du texte: le sujet parlant se pose au dedans ou en dehors du texte. Dans ce dernier cas il s'agit du message dans le message, du texte dans le texte où la catégorie rénarrative sert de cadre. La catégorie rénarrative apparaît souvent dans les zones des contacts linguistiques où l'opposition le sien/d'autrui devient très tendue. Ici l'auto-orientation dans l'espace, la définition des limites, la fixation nette de l'opposition fondamenta-

le ego/autre devient plus et plus actuelle. C'est de nouveau "la subjectivité dans le langage" qui est liée avec la deixis. Ainsi, il semble possible de réunir la catégorie rénarrative avec celle de la deixis et traiter plus largement la catégorie de défini/indéfini qui d'usage est liée avec article et pronom (cf., pourtant, la classification des temps dans le système verbal de l'ULB: déterminés et indéterminés).

* * *

C'était une esquisse, premier tracé du dessin, indiquant seulement les grandes lignes. On voudrait réunir le tableau du monde fixé dans MM avec ce système unique des signes que représente la langue. La langue introduit l'homme dans le monde, l'aide de le comprendre, de le classifier. C'est avec la langue que l'homme s'appripose le monde et y reçoit sa propre place.

L'essence de cette réunion du monde et de la langue (au centre duquel se trouve l'homme) consiste dans leurs relations compliquées qu'on peut définir en termes de forma formans. Ça veut dire qu'on ne peut pas y voir les rapports entre la forme et le contenu: c'est une coopération où le monde influence la langue et la langue influence le monde. C'est la parole qui décrit le tableau du monde et crée par excellence son modèle. Mais c'est MM qui forme sa langue à elle.

Quant'à la situation balkanique, ici tous ces processus reçoivent une réalisation spéciale, très compliquée et très originale, parce qu'il s'agit d'un conglomérat des individualités formant une entité particulière. Et c'était un des buts de cette esquisse: tirer l'attention vers l'unité, vers l'intégrité du monde avec l'interdépendance de tous ses parties -diverses, individuelles...

О ПАМЯТНИКАХ СИДЕТСКОГО ПИСЬМА

Памятники сидетского письма ограничены всего лишь несколькими короткими надписями, из которых самая пространная содержит несколько более сотни знаков и монетными легендами. Основы дешифровки сидетской письменности были заложены Х. Боссертом и получили дальнейшее развитие в публикациях К. Брикса, Г. Ноймана и В. В. Шеворошкина. В процессе дешифровки исследователи более или менее единодушно пришли к выводу о принадлежности сидетского письма к группе малоазийских алфавитов семитского происхождения и, вместе с тем, о генетической близости сидетского языка к хетто-ливийским языкам позднего периода.

Состав сидетского алфавита и фонетические значения букв (иногда существенно отличающихся графически от своего семитского источника и малоазийских аналогов) в целом надежно установлены, что позволяет более или менее уверенно транслитерировать основные надписи. Вместе с тем, наличие сидетско-греческих билингв и присутствие в сидетском достаточно очевидных греческих заимствований во многих случаях позволяет осуществить деление текста на слова и выдвинуть правдоподобные предположения о примерном значении надписей.

Ниже мы приводим пять основных сидетских надписей в транслитерации. Однако предварительно следует остановиться на некоторых деталях их фонетической интерпретации. В составе сидетского алфавита имеется два знака для сибилянтов, имеющих вид I и N. В транслитерации Боссера для I было принято обозначение ε, для N - ё. Однако позже Бриксом было предложено трактовать I как z (по Шеворошкину - ё), оставив транслитерацию ε за знаком N. Действительно, такаяreinterpretация объяснима, если учесть, что знак I генетически тождествен обозначениям "дзеты", в частности, ликийскому, карийскому и греческому I = z, в то время как N исторически продолжает семитский знак для ε и, далее, связан с греческой и карийской "сигмой". Условно мы принимаем далее транслитерацию Брикса. Единичный знак, сходный по форме с южносемитской и греческой "сигмой", открытой

влево, мы - также условно - передаем как 2. Два варианта глухого дентального, имеющие форму перевернутого Г и Т, транслитерируются ниже как т и Т соответственно. Наконец, мы сохраняем знак ф, фонетическое значение которого неясно (межзубный спирант или аффриката?).

Несмотря на ограниченный объем надписей, в них обнаруживаются некоторые закономерности, позволяющие более точно установить фонологический строй сидетского языка. Это касается, в частности, сидетских дентальных т, т и ф, использование которых в текстах подчиняется достаточно прозрачному дополнительному распределению. Как можно видеть, при основном знаке для глухого дентального - т, знак ф используется только в тех случаях, когда за ним следуют группы -an- и -am- (а в заимствованной основе анафема- также -em-). Это прямо указывает на то, что о является аллофоном [t] в позиции после группы а + носовой, и, косвенным образом, на то, что реально группа а + носовой служила обозначением назализированного гласного а с последующим носовым согласным. Употребление ф в анафема-, вероятно, обусловлено заимствованным характером слова; иначе написание ф ожидалось бы также и в artmon < artemon "Артемон". Аллофоном [t], вероятно, является и знак Т, оба раза появляющийся в надписях перед сонантами [w] (графически - u) и [y].

По-видимому, в дополнительном распределении находятся также з и с. За вычетом двух исключений (masaras и Znekars) с всегда находится в инлауте, притом - только после а и перед а, е. Это обстоятельство, естественно, вызывает желание найти подходящие конъектуры для masaras и Znekars. Действительно, уже В.В.Шеворошкин предложил чтение masaras<e>, которое необходимо принять. Возможно, что и Znekars представляет собой "консонантное" написание Znekar<a>-s<e>. Заметим, что выявленное распределение позволяет с достаточной определенностью интерпретировать знак 3.18 в надписи 3 как о, а не как а (вопреки ранее предлагавшимся чтениям).

В приводимых ниже надписях (читающихся справа налево) словораздел обозначен только в тех случаях, когда он мотивирован вычленением заимствований или другими вескими комбинаторными соображениями.

Надпись 1: (1) deaθana artmon θanpiwz (2) mal walaz

Надпись 2: poloniw pordorz poloniwaz masara Tuem[...]

Надпись 3: (1) weyase akase iztr[a---e]waz za weyase masara-s<e> (2) darbey diunezi waz meyabaz iztratag eyz abo (3) pekiwase

Znekar<а>s<е> ab [o]za ab ozad anaθemataz

Надпись 4: (1) bua[r--e].[-]tθam[i] (2) xorz θando[r]z iztr[a]
(3) tag ozad yozbiwi (4) anaθemataz

Надпись 5: (1) artmon ukaTyoroz (2) uka[.]yoroz

Отказываясь от того, чтобы слепо принимать на веру в целом правдоподобную гипотезу хетто-лавийской принадлежности сидетского языка, мы попытаемся ниже дать последовательный лингвистический комментарий к приведенным надписям, используя и дополняя работу, уже проделанную нашими предшественниками.

Надпись 1.

deaθana - уже Боссерт думал здесь о членении dea θana, причем в θana предлагалось видеть передачу имени Афины, что фонетически может подтверждаться афереозой начального а- перед взрывными в других случаях (ср. надпись 2). В таком случае, dea - собственно сидетское слово со значением 'богиня' < и.-е. *dei^uā. В плане формы естественно предполагать здесь dat.sg. а-основ.

artmon - имя посвятителя (ср. надпись 5), собственно. Артемон, в "полуконсонантной" записи - с опущением -е- на стыке т с группой согласных. Очевидно, nom.sg.

θanpiwz - gen.sg. на -z < *-v(1) личного имени, видимо, представляющего собой композит, к 1-й части которого ср. θana < греч. Athānā, Athēna. 2-й компонент сложения может быть сопоставлен с греч. país 'ребенок, мальчик' < *prawis, фрак. -raus, -ru(1)s (как элемент сложных личных имён), ср. в структурном плане эпитет Аполлона греч. Diópais, собственно 'дитя Зевса'. Отсутствие тематического гласного имеет, как и в artmon, графический характер.

mal - nom.sg. о-основы. Видимо, апеллатив, соответствующий лик. mla 'отприск, род', с приблизительно тем же значением.

walaz - gen.sg. (вероятно, от а-основы) личного имени с богатыми связями в малоазийской ономастике (ср. хетт. Walluwa-, лид. valve-, кар. uλo-), где имена с -wal(1)a- восходят в конечном счете к walla- 'восхвалять' (а частично, видимо, и к walli- 'нестовый'). Не исключена, однако, и возможность трактовки malwalaz как единого личного имени - композита.

Перевод: "Богине Афине (посвятил) Артемон. (сын) Атанопива, отприск Валы".

Надпись 2.

poloniw - nom.sg. о-основы. Личное имя, заимствованное из греческого, собственно - Аполлоний.

poloniwaz - gen.sg. того же имени.

pordorz - gen.sg. о-основы. Личное имя Аполлодор. Форма *pordorz* вместо ожидаемого *poldorz* может объясняться дистантной асимиляцией.

masara - dat.sg.pl. (?) на -a < *-ai(s) от хорошо известной в хетто-лувиjsком основе *mas(a)r-*/*masn-* 'бог'. Наличие двух разных наименований божества в сидетском (*dea* и *masara*) не должно вызывать удивления - аналогичную ситуацию, связанную со сложной семантической дифференциацией, мы наблюдаем и во фригийском.

Tuem[...] - вероятно, 3 sg.praet. со значением 'восславил, возвышил'. Хотя конец слова не читается, что препятствует точному определению грамматической формы, основа, к счастью, сохранилась. Ее точное соответствие обнаруживается в ст.-фриг. *tvemes* (безаугментный 3 sg.aor.) в следующем контексте: *midas s materan tvemes eneparkes* "Мидас эту (богиню-)Мать восславил (и) возвышил" (M-01d).

Перевод: "Аполлоний, (сын) Аполлодора, (сына) Аполлония богов восслав(ил)".

Надпись 3.

weyave - dat.-acc.pl. о-основы. Эпитет с позитивным значением?

akave - dat.-acc.pl. о-основы. Напрашивается предполагаемое В.В.Шеворошкиным сопоставление с хетт. *akk-* 'умирать', лик. В есе 'мертвые'. Отсюда предположительный перевод - 'умершие, мертвые, предки'.

iztr[a--] - nom.sg. титула 'стратег', заимствованного из греческого (с протетическим 1-).

[e]waz - 3 sg.praes. глагола (с -z < *-ti). Вероятно, также с позитивным значением ('благословляет'?). Заслуживает внимания сравнение с фригийской глагольной основой *ewuo-* < **euiuo-* "принести благо, благословлять", засвидетельствованной только в форме 3 sg.aor. *iviyes* (с начальным 1- из продленного **ē-* < **e-e-*) в P-ob:ios *iviyes eun* "кто сделал благо". Альтернативное объяснение может быть основано на сопоставление [e]waz с ст.-фриг. *aw-* 'оставлять' (B-03). Весьма ненадежно.

za - сочинительный союз или, что не менее вероятно, местоименная энклитика.

masaras<e> - dat.-acc.pl. от основы *masara-* (см. надпись 2).

darbey - скорее всего, nom.sg. личного имени, имеющего разнообразные параллели в хетто-лувиjsкой ономастике (при исходной основе в анат. **tarp-*). С другой стороны, не исключены и другие воз-

можности, в частности, сравнение *darbey* с хетт. *tarp-i* - '(злой) демон' (в конечном счете, к той же анатолийской основе?).

diunezi - едва ли приемлемо видеть здесь имя Дионисия. Историко-фонетически *diunezi* образует разительную параллель к новофригийской форме *diounsin* в N-88: *pour cuanaktan ke curanion isgeiket diounsin*, где *diounsin* может быть достоверно интерпретировано как *dat.-loc.pl.* от основы со значением 'небеса' .

waz - орфографический вариант к [e]waz с аферезой e-.

meyabaz - *gen.sg.* личного имени или, учитывая грамматический контекст, названия местности. В любом случае, вероятно анатолийское происхождение основы *meyaba-*, вероятно, представляющего собой композит, из 2-й части которого ср. лик. -*bu*-, кар. -*bu* в составе имен собственных.

euz - 3 *sg.praes.verb.subst.* Глагольная основа, как и во фригийском, продолжает и.-е. *ei- 'идти', а сама форма *euz* точно соответствует и.-Фриг. *eiti* 'ест' в N-99: *me ke oi totoss eiti bas bekos*.

abopekiwase - вычленение *ab* 'он' (с очевидными анатолийскими связями) соблазнительно, но, строго говоря, не обязательно. В исходе данной последовательности в любом случае находится форма *dat.* или *acc.pl.*, с которой согласуется следующее слово. Вместе с тем, не исключена возможность выделения *ore* как отдельного служебного слова (ср. и.-Фриг. *ore* 'на' с дальнейшими индоевропейскими соответствиями последнего).

Znekars<a>s<e> - совершенно неясно. Возможно, следует принимать чтение *Znekras<e>*. Учитывая совершенно неизвестное фонетическое значение Z (назализованный гласный? ñ?), можно предположить, что это в данном случае особое служебное слово, в то время как *nekras<e>* - форма от основы *nekra-*, в конечном счете, возможно, идентичной греч. *nekros*. В пользу этого предположения может указывать начальное надписи.

ab - см. выше.

[o]za ozad - возможно, *figura etymologica*, содержащая, согласно предположению А.А.Королева, глагол в *praet.* (очевидно, с -d того же происхождения, что и лик. -de/-te/-ta). Если здесь действительно содержится глагол, он может трактоваться и как *imperat.*

anathemataz - как предполагают, оформленный туземным -z греческий pl. *anathemata*. Допустимо, одноко, и членение *anathema taz*, при котором *taz* может трактоваться как глагол в 3 *sg.praes.* (или *aor.*),

предположительно - от основы *dhē- 'ставить, класть'.

Перевод: "Достойным предкам стратег добро творит (и) достойным богам в небесах Дарбей добро творит. Стратег Мейавбы он. Для (?) ... и мертвых (?) ... он посвятительный дар возлагает (?)".

Надпись 4.

buaf[r--e] - видимо, личное имя.

†əam[1]xorz - gen.sg. личного имени.

əandorz - gen.sg. личного имени Афинадор.

iztratas - см. выше.

ozad - см. выше.

yozbiwi - dat.sg. о-основы. Личное имя или теоним.

anaθemataz - см. выше.

Перевод: "Б., (сын) -тамихора. (сына) Афинадора, стратег, ... посвятительный дар возлагает (?)".

Надпись 5.

artmon - см. надпись 1.

ukatuyoroz - nom.sg. личного имени.

Перевод: "Артемон, (сын) Укатиор, (сына) Укатиора".

Bosser H. Die sidetisch-griechischen Bilinguen.- Belleten,
Bd. XIV., 1950.

Neumann G. Zur Entzifferung der Sidetischen Inschriften.-
Kadmos, Bd. VII, Heft 1, 1968; Brixhe C. Un nouveau document
épichorique de Sidé.- Kadmos, Bd. VIII, Heft 2, 1969: Idem.
L'alphabet épichorique de Sidé.- Kadmos, Bd. VIII, Heft 1.
1969; [Шеворощин В.В.] Сидетское письмо.- В кн.: Тайны дре-
вних письмен. М., 1976, с. 328-330.

Барн Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как историчес-
кий источник. I.- Вестник древней истории. 1988, N 1.

Барн Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как историчес-
кий источник. II.- Вестник древней истории. 1988, N 4.

РОИЕМА-POIESIS:
К ГЕНЕЗИСУ ПОНЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

На протяжении всей античности противостоят два подхода к анализу литературного, и прежде всего поэтического, произведения. Сторонники одного из них давали нравственную оценку поэзии, доверяя ее моралью; другие, напротив, считали поэзию искусством, существующим по своим собственным законам, а потому, по их мнению, при разборе литературного произведения главенствовать должны критерии эстетические. Среди критиков-«моралистов» — Ксенофан, предъявивший суровые претензии творцу «Илиады» и «Одиссеи» и возглавивший целую плеяду «хулителей Гомера», и Платон, именно по соображениям нравственного порядка изгнавший поэтов из своего идеального государства. Формально-эстетический подход был характерен прежде всего для греческой риторики со временем софистов и вплоть до Дионисия Галикарнасского и автора трактата «О возвышенном». Он сформировался позже подхода нравственно- utilitarianного, но затем постепенно стал преобладать — правда, в последующей традиции произошла и некоторая контаминация этих противоположных точек зрения, достаточно вспомнить хотя бы горациево *«miserere utile dulci»*. Однако очевидно, что в той же *Ars poetica* на первом плане — стиль, форма, а не нравственная значимость поэзии. Одна система ценностей сменяет другую, «эстетика подчиняет этику» — и это не случайно. Моралистическая традиция связана с архаичным мифологическим сознанием, в котором поэзия, еще не потеряв своего первоначального ритуально-сакрального ореола, не отделена от действительности, а потому бытийные категории (правда — ложь, добро — зло и т.п.) применимы к литературе; понимание же самоценности и самодостаточности искусства приходит с «цивилизованным мышлением» (недаром эстетическая критика берет начало в школе софистов, чье учение — свидетельство принципиального идеологического сдвига в коллективном сознании древних). Категории бытия неадекватны такому подходу, их должны сменить понятия, определяющие предмет

исследования из него самого, имманентные искусству.

Выработка такой системы понятий и явилась одной из задач, которую ставили перед собой авторы греко-римских "Поэтик" – античных руководств в поэтическом искусстве. В законченном виде до нас дошли лишь *Ars poetica* Горация, и изыскания в области древних "Поэтик" зачастую сводились к анализу содержания и композиционного строя именно этого произведения¹. Впрочем, этот анализ по необходимости предполагал учет традиции предшественников Горация, среди которых еще первый комментатор *Ars poetica* Порфирион особо выделил Неоптолема, чья *technē poiēticē* стала во многом прообразом "Послания к Пизонам" (*Porphyrionis ad artem poeticam*, I). Поэтому целым событием в современном поэтиковедении явилась публикация Хр. Йенсеном реконструированного текста пятой книги "О поэтических произведениях" эпикурейца Филодема из Гадары², в которой содержится критика целого ряда "Поэтик" его предшественников и в том числе Неоптолема. Немногие положения трактата Неоптолема, сохраненные Филодемом, тем не менее весьма показательны. "Существуют три раздела (*eidē*) поэтического творчества: *poiēsis*, примыкающее к ней *poiēma*, а также еще и тот *poiētēs*-Н.Г., кто наделен искусством и поэтической способностью (*dynamis*) и благодаря ей творит. К *poiēsis* относится лишь основание (*hypothesis*), к *poiēma* – сочетание слов (*synthesis tēs lexeōs*), а вовсе не мысли, деяния и изображения характеров; а вот поэту принадлежит все это и при том и основание, и сочетание слов... Из разделов же на первом месте стоит *poiēmata*³. Триада категорий – *poiēma* = *poiēsis* = *poiētēs* – присутствовала не только у Неоптолема; судя по сохранившимся у Филодема, да и у других авторов фрагментам – часть из них мы упомянем в дальнейшем – она вообще составляла принципиальную основу античных "Поэтик". При этом относительно значения первых двух терминов (категория *poiētēs* особых разногласий не вызывала) существует целый ряд толкований⁴. Однако применительно к данному фрагменту Неоптолема практически все исследователи сходились на том, что здесь *poiēma* и *poiēsis* противопоставлены друг другу как "Форма" и "содержание". В подтверждение производились сходные определения этих понятий стоиком Посидонием (*Diog. Laert. УП 60*) и Варроном (fr. 398 В *Menippaeagum saturagum*). Гораздо большие споры породила последняя фраза фрагмента: *tōn de eidōn proteuei ta poēmata*. Возможна двоякая интерпретация: среди разделов поэтического искусства *poiēma* принад-

лежит первое по значению или первое по порядку место. О неясности этого тезиса Неоптолема пишет сам Филодем, правда, он считает, что понимай так или иначе, – все равно получается явная нелепица (*Phil. XII 26–XIII 1*). Некоторые из современных исследователей полагали, что здесь речь идет о должном расположении материала внутри поэтики: раздел о *poiēma* предшествует главе о *poiēsis*⁵ или больше его по объему⁶. Другие просто заключали, что "*poiēma* по времени, а также предметно-логически предшествует *poiēsis*"⁷. Так или иначе ученые старались не приписывать Неоптолему понимания *poiēma* как "первого по значению" раздела поэтического искусства, видимо, чтобы избавить его от упреков в "формализме". Пожалуй, лишь автор наиболее полного из существующих комментариев к *Ars poetica* Горация Ч.Бринк настаивал именно на такой интерпретации, ссылаясь на ту важную роль, которую придавал "стилю" (*lexis*) Аристотель, называя его "от природы первым", а ведь *lexis* характеризовался им почти так же, как *poiēma* у Неоптолема – "сочетание слов" (*synthesis tōn onomatōn*)⁸. Можно, правда, возразить, что у Аристотеля нет строгой терминологической определенности, понятия взаимозаменяемы и т.п. Однако "формалистическое" понимание тезиса Неоптолема оказывается подкрепленным не только Аристотелем, но и последующей традицией. Обратимся еще к одному фрагменту, относящемуся, вероятно, ко второй книге трактата Филодема, в котором речь идет об учении одного из основателей пергамской грамматической школы Кратета Маллосского: HV² IV 200 = Kol. CIV = fr. 67 Haurath⁹: "... согласно Кратету, первенство отдается словам, *poiēsis* чувствами пользуется как союзниками, а поэта, как и Андromенид, он полагал, наряду с *poiēma* и *poiēsis*, частью (*eidos*) искусства".

Показательно, что, сохранив неоптолемову трактовку "разделов искусства", Кратет и поэта рассматривает как "часть *technē*", в то время как Филодем, да и вся последующая традиция выносит его за рамки *ars*. Уже Йенсен подчеркивал эту зависимость Кратета от периплатетической школы, к которой принадлежал Неоптолем¹⁰. В таком случае утверждение, что Кратет "первенство отдавал словам" (*hēgemonian didosthai tois epeisin*), проясняет теорию Неоптолема: очевидно, что этому прямо соответствует "из разделов первое место принадлежит *poiēma*", ведь именно *poiēma* означало у Неоптолема "речевой склад", словесное выражение.

Что касается термина *poiēsis*, определяемого Неоптолемом как некая "основа" – *hypothesis*, то, как уже говорилось, приня-

тая его интерпретация – "содержание". Однако, если это и так, то "содержание" весьма отличное от того, что мы традиционно обозначаем этим термином: Неоптолем не включает в него ни "мысли" (*dia-noiai*), ни "действия" (*praxeis*), ни "изображения характеров" (*prosōpopoiai*). Все это Неоптолем не подчиняет понятию *hypothesis*, а напротив, наряду с *hypothesis* и *synthesis* относит к сфере "поэта": *tu de poiētu kai dē kai ē hypothesis kai ē synthesis metechei*. Hypothesis скорее следует понимать как нечто вроде "сюжетной связи", "композиционного строения произведения", наподобие *hypotheseis* трагедий: ведь в них излагалось, строго говоря, не содержание, а "строение сюжета": начало – середина – конец. Для сравнения приведем позднейшее определение *poiēsis* в сколях к Дионисию Фракийскому (449, 23 Hilgard): *poiēsis de kyriōs ē dia metrōn entelēs hypothesis, echusa archas kai mesa kai perata*, – в котором опять-таки подчеркивается идея разви-тия, последовательности, взаимозависимости частей (*archai* – ме-са – ре-gata).

В *poiēsis* тем самым оказывается воплощен принцип внутрен-него единства произведения, его целостности, сформулированный еще Аристотелем в его "Поэтике" (*hen kai holon* – I450^a 26, I451^a I). Интересно, что Филодем, споря с определением *poiēma* и *poiēsis* у Неоптолема, выдвигает свой вариант толкования этих категорий, где в *poiēsis* тем не менее сохраняется идея строения произведения, а не просто его содержательной основы: "Лучше бы было сказать так: *poiēsis* – это расположение (*diathesis*), а еще лучше: *poēmata* – это творения (*erga*), *poiēsis* – что-то вроде сети (*hyphē*), а уж поэт – это тот, кто обладает способностью и творит благодаря ей". Итак, *poiēma* – "творение", продукт твор-чества, поэтический текст в его конкретной данности, *poiēsis* – "сплетение", "сеть", своего рода структура этого текста, без которой единым он быть не может. И далее Филодем поясняет: "Вот "Илиада", например, и *poiēma*, и *poiēsis* а первые ее тридцать строк – только *poiēma*, но никак не *poiēsi*". И действительно, и 30 строк "Илиады", и вся "Илиада" – текст, но законченной структурой (*hyphē*) обладает лишь вся "Илиада", поэтому лишь она – *poiēsis*¹².

В грамматической литературе этот пример с "Илиадой" стал очень популярен. Сходное место находим у Луцилия (fr. 339 Marx): *prima hoc quod dicimus esse poema / pars est parva poesis/ epistula item quaevis non magna poema est/ illa poesis opus to-*

tum ut tota Ilias una est/ una thesis sunt Annales Enni - atque opus unum / et maius multo quam quod dicimus ante poēma, - или, скажем, у Диомеда (*Grammatici Latini*, I, 473, 16 : *poēma pars operis ... poēsis contextus et corpus totius operis effecti*, ut *Ilias Odyssea Aeneis*). Однако здесь мы сталкиваемся с несколько упрощенным толкованием мысли Филодема: понятие "структуры произведения" (залог его целостности) заменяется на более конкретное "целостное произведение" (*opus totum*), "*Илиада*" тем самым оказывается только *poēsis*, а за *poēma* закрепляется значение "малого произведения" или "части текста" (*pars poēsis*).

Если предположить, что схожие примеры имеют и общий источник – некую "протопоэтику", то чисто логически следует заключить, что у Филодема мы имеем дело с более адекватной его передачей, а у Луцилия и других – с его переинтерпретацией. В таком случае в этой протопоэтике¹² понимание терминов *poēma* и *poēsis* было скорее всего таким, как у Филодема: *ergon* – *hypē*, творение – сеть, текст – структура текста. По сути дела, и определение Неоптолема восходит к той же традиции: ведь *hypothesis* в том значении, которое мы предложили выше, тяготеет к тому же понятию "структуры", а *synthesis tēs lexeōs* (*poēma*) – "соположение слов", "связная" поэтическая речь и составляет поэтическое творение, *ergon*, в его, так сказать, "внешней" dannosti.

Таким образом, формализация эстетического подхода к поэтическому творчеству, поэтическому языку привела к образованию категорий, одна из которых определяет этот язык как текстовую целостность, континуум знаков, а другая – как внутреннюю структуру, обеспечивающую эту целостность, упорядочивающую нерасчлененный континуум. *Poēma* – синтез (*synthesis*) на уровне означающего, *poēsis* – то же на уровне означаемого¹³. Такое понимание этих терминов может оказаться плодотворным как с точки зрения изучения особенностей собственно античной филологии, так и процесса формирования категориального языка науки (от принципиальной нечленимости понятий к разложению их на составляющие, а затем к синтезу этих составляющих элементов). Кроме того, очевидна связь этих терминов с современным учением о языковом тексте и структуре текста, составившим одно из самых перспективных направлений в лингвистике. Примечательно, что для исследователей именно этого направления была присуща, особенно на начальном этапе формирования "лингвистики текста", характеристика текста как своего рода "надфразового синтаксиса" (ср. *synthesis tēs*

лексеbs Неоптолема). Поскольку "лингвистика текста" стремится связать нынешнее свое бытие с определенной историко-филологической традицией¹⁴, теоретические и терминологические параллели в трудах античных грамматиков, безусловно, могут расширить наши представления о генезисе этой семиотической дисциплины.

- ¹ См., например, Гаспаров М.Л. Композиция "Поэтики" Горация. - В сб.: Очерки истории римской литературной критики. М., 1963, стр. 97-151 - с подробным обзором литературы вопроса.
- ² Philodemus. Über die Gedichte V.Buch. Griech. Text mit Übersetzung und Erläuterung von Chr.Jensen. Berlin, 1923. В дальнейшем все ссылки на Филодема будут даваться по этому изданию.
- ³ В трактате Филодема эти положения идут вперемешку с их критикой. Поэтому в данном случае мы воспользовались своего рода "выжимкой" из текста, сделанной Г.Метте в его статье о Неоптолеме в *Realencyclopädie Pauly - Wissowa* (RE XVI 2468).
- ⁴ См. по этому поводу Ardizzone A. Poiēma. Ricercche sulla teoria del linguaggio poetica nell' antichità. Bari, 1953; Gigante M. Sēmantikon poiēma. Contributo alla storia dell'estetica antica. - "Parola del passato", v.XVI, fasc. 76, Napoli, 1961, pp. 40-53; Greenberg N.A. The use of poiēma and poiēsis. - "Harvard Studies in Classical Philology", v. LXV (1961), pp. 263-289.
- ⁵ Boyancé P. A propos de l' Art Poétique d'Horace. - "Revue de philologie", N 10, 1936, pp. 20-36.
- ⁶ Jensen Chr. Neoptolemos und Horaz. In: Philodemus. Über die Gedichte... SS. 93-128.
- ⁷ Dahlmann H. Varros Schrift "de poematis" und die hellenistische-römische Poetik. - "Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur im Mainz", Wiesbaden, 1953, N 3.
- ⁸ Brink C.O. Horace on Poetry. Prolegomena to the literary Epistles. Cambridge, 1963, p.73.
- ⁹ Philodemi Peri Poiēmatōn Libri Secundi quae Videntur

Fragmenta. Ed. A. Hausrath. - "Jahrbuch für classische Philologie", Supplementband 17, 1890.

- 10 Jensen Chr. Zur Poetik des Krates von Pergamon. - Op.cit., SS. 152-154. О зависимости стоической доктрины от учения перипатетиков см. также Lacy Ph. de Stoic Views of Poetry. - "American Journal of Philology", v. 69 (1948), pp. 241-273.
- 11 Буэйансэ считал, что противопоставление здесь чисто количественное (Boyançé P. Op. cit.). Однако уже Дальманн подчеркнул значимость идеи "конституирующего единства", заключенного в *poiēsis* (Dahlmann H. Op.cit., S. 121). Бринк писал, что "poesis означает всякое стихотворное произведение, в особенности объемное..., но одновременно и то, что делает такое произведение отличным от поэма т.е. его сюжет и структуру (Brink C.O. Cicero's "Orator" and Horace's "Ars Poetica". - Atti del II colloquium Tullianum. Roma, 1975. p.102)
- 12 Некоторые исследователи (см. например, Gudeman A. Aristoteles Poetik. Berlin, 1934, S. 57) полагали, что автором такой формализованной "протопоэтики" с четкой классификацией ключевых понятий мог быть Феофраст. Если учесть, что у Аристотеля, как мы уже говорили, терминологической строгости нет (*poiēma* и *poiēsis* у него порой равнозначны), а у Неоптолема основная категориальная триада поэтики уже точно определена, то хронологически эта гипотеза выглядит вполне оправданной.
- 13 Примечательно, что, по-видимому, с течением времени иерархия этих понятий менялась. У Неоптолема, как мы постарались показать, на первом месте -*poiēma*, сам текст. Филодем же подчиняет текст структуре: "к *poiēsis* относится и *poiēma*, и все остальное" (Phil. XI, 29-31). Очевидно постепенное углубление анализа: центр тяжести переносится с внешнего на внутреннее.
- 14 См., например: Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to text linguistics. New York, 1981.

СЛАВЯНСКОЕ КОЙНЕ В ВЕНГРИИ АРПАДОВ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНО-ВЕНГЕРСКИХ ТОПОНИМОВ В ТРАНСИЛЬВАНИИ

Вряд ли можно предполагать, что славянское население, которое венгры застали на рубеже IX-X вв. в Карпатском бассейне, было полностью однородным в диалектном отношении. Позднепреставянский континуум в этом регионе мог сохранять исходные различия, соотносящиеся с двумя волнами славянской колонизации Подунавья и Балкан – восточной и западной, а также включать различия между начавшими формироваться новыми диалектными зонами.

В то же время оказывается практически невозможным дифференцировать ранние (проникшие не позднее XII–XIII вв.) славянские заимствования в венгерском языке, равно как и мадьяризованные в ту же эпоху топонимы славянского происхождения на территории исторической Венгрии¹, с точки зрения фонетических особенностей их славянских прототипов. Тождественными являются и механизмы фонетической адаптации ранних славянизмов венгерским языком. При этом речь идет об отражении в апеллятивах и топонимах целого комплекса отнюдь не универсальных для славянского мира фонетических признаков: рефлексы типа *TɔrT* > *TraT* и *oΓT* > *roT*; группы ^{*}*bj* > *bl'* и ^{*}*d1* > *l1*; сохранение квантитативной оппозиции между ^{*}*a* и ^{*}*o*, ^{*}*ɛ* и ^{*}*e*, ^{*}*u* и ^{*}*ъ*, ^{*}*i* и ^{*}*ъ*; сохранение различий между ^{*}*ь* и ^{*}*ъ* в сильной позиции и в первом слоге; постепенное развитие *косослогичных* гласных ^{*}*ɔ*, ^{*}*e* в гласные *u*, *ü* (еще сохраняющие долготу); узкое произношение яти и др.² Даже тот фонетический признак, по которому традиционно противопоставляются усвоенные венгерским языком заимствования "болгарского" типа (с венг. *st*, *zsd* на месте слав. ^{*}*tj*, ^{*}*dj*: *mostoha* "мачеха", *rozsda* "ржавчина") и "хорватско-словенского" типа (с венг. *ty*, *gy* на месте этих групп: *kutyta* "хижина", *szégye* "закол для ловли рыбы"), не обязательно обладает дифференцирующими свойствами. Двойственность рефлексов может быть объяснена из однородной в фонетическом отношении славянской системы с рефлексами ^{*}*tj* > ^š*t'*, ^{*}*dj* > ^ž*d'*,³ которые при адаптации венгерским языком трактовались бифонемно (особенно в положении после краткого гласного) или монофонемно (особенно в

положении после долгого гласного)⁴.

Трудности с дифференциацией – и, соответственно, диалектной атрибуцией – славянских прототипов обусловили безрезультатность многих попыток отождествить с тем или иным славянским этносом население южной и центральной частей Трансильвании, которое оставило в память о себе многочисленные топонимы, засвидетельствованные впервые еще в документах X–XIII вв. (эпоха Арпадов).

Достаточно естественным выглядело предположение о том, что славяне в этом регионе говорили на одном из древнеболгарских диалектов. "Da Siebenbürgen vor der Landnahme (имеется в виду завоевание венграми Карпатского бассейна – Е.Х.) dem bulgarischen Reich angehörte, ja nach den ungarischen Chroniken von Bulgangaren und Slawen bewohnt war, ist es wahrscheinlich, daß diese Slawen von bulgarischem Charakter waren", – отмечает И.Книежа в своем известном историко-топонимическом исследовании "Народности Венгрии в XI веке"⁵. Заметим, что в подобной формулировке предположение выглядит довольно спорным: вряд ли можно всерьез считать, что подданными государства тюрков-протоболгар становились те и только те славяне, которые произносили ёт и ёд на месте славянских *tj, *dj и вообще находились в ближайшем этноязыковом родстве со славянами собственно Болгарии. Скорее в пользу этого предположения говорят относительная географическая близость Трансильвании к Болгарии и наличие несомненно болгарских черт в славянских заимствованиях румынского языка. Как бы то ни было, продолжением высказывания И.Книежи служит обескураживающая констатация: "Hierfür können jedoch keinerlei sprachwissenschaftliche Beweise angeführt werden, da unter den Namen kein einziger von zweifellos bulgarischem Charakter zu finden ist"⁶.

Более того, топонимия Трансильвании содержит некоторые древние элементы славянского происхождения, противоречащие версии о болгарском характере диалекта-источника. Ср., например, в южной части региона топонимы Gesztrágy (I359: Gestrag; рум. Gastrade, ныне Straja) из слав. *Gostiradъ, с явно не болгарским рефлексом сочетания *dj, а также Kis Mutnok (I371: Muthnuk; рум. Mutnicul Mic) из слав. *Mo²tъni³kъ, где обнаруживается также чуждое болгарскому языку развитие *q > ū⁷.

Правда, Я.Мелих в свое время уделил специальное внимание на-
званию н.п. Zalatna (I338: Zalathna; рум. Zlatna, нем. Golden-
markt) близ Алба-Юлии и пришел к выводу, что этот топоним, отра-

жающий слав. *Zlatъna, "занимствован из такого южнославянского языка, где после 1 гласный а был кратким. В IX-XI вв. таким южнославянским языком был болгарский"⁸. Недавно И. Тот опровергнул к этому выводу Я. Мелиха как к свидетельству наличия в средневенгерской Трансильвании болгаро-славянского населения⁹. Однако можно убедиться, что в действительности топоним *Zalatna* не дает никаких указаний ни на краткость гласного первого слога в *Zlatъna, ни на какие-либо иные диалектологически релевантные признаки славянского источника. Обычно слав. *а отражается в ранних заимствованиях венгерского языка в виде долгого ā, и с этой точкой зрения соотношение в паре слав. *Zl-tъna (*zoltъna) : венг. *Zalatna* отличается от соотношения в таких парах, как слав. *kračunъ (*korčunъ) : венг. *karácsony* "рождество" или слав. *brazda (*borzda) : венг. *barázda* "борозда". Но на общее правило венгерской рефлексации слав. *а накладываются дополнительные позиционные закономерности, связанные, очевидно, не с особенностями звучания славянских слов-источников, а с процессами, происходившими в самом венгерском языке, в особенности с редукционными процессами в срединных слогах трехсложных и многосложных слов¹⁰. Один из таких процессов – сокращение á > a в положении перед сочетаниями согласных dn, tn (и некоторыми другими), отразившееся не только в трансильванских топонимах *Zalatna* и *Gladna* (рум. *Gladna Română*; из слав. *Gladъna < *gol-dъna), но и в топониме *Garadna* (из слав. *Gradъna < *gordъna) в медье Боршод-Абауй-Земплен близ венгерско- словацкой границы, где славяно-болгарское влияние можно считать исключенным¹¹.

Трудно обнаружить специфические болгарские (или же восточнославянские, сербские, словацкие) черты и в других славянских топонимах Трансильвании, например, в гидронимии, которая включает такие характерные элементы, как *Rebra* (слав. *rebro), *Szalva* (слав. *solva "соловая"?), *Ilva* (слав. *jъlova), *Ilosva* (слав. *jъlyšova, *jъlyšava), *Beszterce* (слав. *bystrica), *Lekence* (слав. *lъknica; трижды), *Týr* (слав. *turъ; дважды), *Turč* (слав. *tuгоуъсь), *Deberke* (слав. *dъbryka/**dъbryčka*), *Bisztra* (слав. *bystra; трижды), *Torockó* (слав. *truskova, *Truskava), *Orbó* (слав. *vъrbova), *Cserna* (слав. *cъrna; дважды), *Kászon* (слав. *kvasъnъ), *Kovászna* (слав. *kvasъna) и др.¹². В соотношении современных венгерских, старовенгерских и праславянских форм этих названий прослеживаются в точности те же нормы рефлексии

и адаптации, что и во всем корпусе ранних апеллятивных славянских заимствований венгерского языка. Об этом же свидетельствует наличие многочисленных случаев, когда идентичные по своему облику топонимы славянского происхождения отмечаются в различных, чьорой диаметрально противоположных точках венгерской языковой территории: например, топоним Beszterce известен не только в Трансильвании, но также в медье Баранья (на границе с Югославией) и в Словакии, топоним Battyán (из слав. *botъjanъ "аист") – в Трансильвании и в медье Баранья, Файер и Ваш.

С примерами типа Gesztrágy или Kis Mutnok соседствуют случаи, когда, например, в венгерских формах (особенно ранних) словацких топонимов обнаруживаются несловацкие фонетические черты. Ср. Zemplén (ок. I200: Zemlin; слвц. Zemplín, Требиштовский окр.) из слав. *Zemlъnъ или *Zeml'any; I323: Riblyen из слав. *Rybъl'any (совр. венг. Ribény и слвц. Rybany, Топольчанский окр. отражают слав. *Rybъl'any); I276: Hleulan из слав. *Xlěvъl'any (совр. венг. Helvénny и слвц. Chlievany, Топольчанский окр. отражают слав. *Xlěvъl'any). В этих трех случаях мы находим нехарактерный для словацкого языка 1' в праславянских сочетаниях губного с j¹³. Аналогичным образом, обнаруживаются невосточнославянские черты в ранней венгерской топонимии Закарпатья. Так, современное венгерское название н.п. Береги (бывший центр комитата) – Bereg отражает восточнославянскую форму, однако памятники фиксируют написания Bereyg (I233), Bereegh (I323, I327), то есть форму Be-rég, которая может восходить только к слав. *Brěgy (или *Brěgъ).

С фонетической гомогенностью славянской топонимии исторической Венгрии согласуется и гомогенность ранней венгерской антропонимии славянского происхождения. Для нее, в частности, характерно безраздельное господство типа славянских имен на -měrъ, а не -mirъ: Bagamér (слав. Bogoměrъ), Budmér и Bodmér (слав. Budiměrъ и, возможно, Bodiměrъ), Ladomér (слав. Ladiměrъ), Mutmér (слав. Mötiměrъ, ср. Const. Porph. Μουντιμῆρος), Tihamér (слав. Tixoměrъ), Velemér (слав. Veleměrъ), Zelemér (слав. Zěloměrъ). Направив, на всех соседних славянских территориях архаичный тип личных имен на -měrъ уже начиная с древнейших памятников сильно потеснен образованиями на -mirъ.

За пределами фонетики, однако, легче обнаружить следы дифференцированности славянских диалектов-источников в заимствованном венгерским языком материале. Некоторые проходящие через славянские

вянский континуум лексические и лексико-семантические изоглоссы находят непосредственное продолжение в изоглоссах, отражающих распространение соответствующих славянских заимствований на венгерской языковой территории. Так, из двух общеславянских обозначенных ярма, *јагъмъ и *јъго, второе преобладает главным образом на словенской и чешской языковых территориях, в то время как болгарские, македонские, сербохорватские, словацкие диалекты отдают предпочтение первому. Оба славянских слова известны, в качестве ранних заимствований, и венгерскому языку – венг. járom, iga, причем областью преимущественного распространения слова iga являются венгерские диалекты к западу от оз. Балатон (т.е. расположенные между Чехией и Словенией), в то время как на остальной территории исторической Венгрии употребительно слово járom, как свидетельствует карта 173 в "Атласе венгерских диалектов"¹⁴.

"Парадоксальное" отсутствие в топонимии и антропонимии окраинных регионов исторической Венгрии фонетических признаков славянских диалектов соответствующих регионов (и наличие чуждых им признаков) особенно заметно в материале из письменных памятников эпохи Арпадов, тогда как современные венгерские формы могут нередко отражать вторичное влияние этих славянских диалектов, если они сохранились или сохранялись достаточно долго.

Изучение заимствованной в ранний период апеллятивной лексики славянского происхождения позволяет заключить, что в венгерский язык она проникла главным образом из славянских диалектов Паннонии (Задунавья) – области с наиболее густым на конец IX в. славянским населением и зоной наиболее активного славяно-венгерского языкового контактирования в эпоху Арпадов¹⁵. Комплекс перечислившихся выше фонетических особенностей славянских слов-источников был свойствен диалекту (языку) паннонских славян. Факты же ономастики заставляют думать, что этот диалект использовался и в качестве славянского койне (интердиалекта) на всей территории Венгрии Арпадов.

В условиях массового венгерско-славянского двуязычия (к XI веку "150-летний славяно-венгерский симбиоз привел к тому, что и владетельный господин, и воин, и слуга – все хотя бы немного понимали славянскую речь"¹⁶) носителями этого койне были не только и даже не столько славяне, сколько отличавшиеся существенно большей мобильностью в пределах государства венгры. Это обеспечило койне почти монопольную позицию при заимствовании в

венгерский язык славянских слов, в том числе и чисто локальных топонимов. Различия между славянскими диалектами (языками) на территории Венгрии были в данный период достаточно невелики, чтобы не препятствовать автоматическому "пересчету" диалектных форм в интердиалектные.

Поскольку кийне паннонского происхождения несомненно могло использоваться в сношениях Венгрии и венгров с соседними славянскими государствами, то и заимствования из соседних славянских языков должны были в течение определенного времени проникать в венгерский язык в аналогичном "пересчете". Учет этого фактора позволяет разрешить отдельные противоречия между фонетическими, с одной стороны, и лингвогеографическими или культурно-историческими, с другой стороны, критериями при трактовке славянских заимствований в венгерском языке.

В гипотетическом порядке можно предположить, что функционирование кийне могло начаться еще до прихода в Карпатский бассейн венгров: потребность в нем могла возникнуть еще в государстве аваров, и особенно в процессе интенсивной языковой ассимиляции аваров славянами в VIII-IX вв. Свое существование кийне должно было прекратить, очевидно, с завершением перехода основной массы славянского населения в центральных районах Венгрии на венгерскую речь.

¹ Помимо современной Венгрии, историческая Венгрия, в основном совпадающая с максимальным ареалом распространения венгерского языка, включает Трансильванию, Закарпатье, Словакию, часть Бургенланда, северные районы Югославии.

² Хелимский Е.А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии. – В кн.: X Международный съезд славистов. Славянское языкознание: Доклады советской делегации. Москва, 1988, с. 354–359.

³ Через такую промежуточную стадию должны были, видимо, пройти и диалекты болгарского типа.

⁴ Хелимский Е.А. Указ. соч., с. 359–360.

⁵ Kniezsa I. Ungarns Völkerschaften im XI. Jahrhundert. – Archivum Europae Centro-Orientalis, t. IV, fasc. 1–3. Budapest, 1938, S. 325.

⁶ Ibid., s. 325–326.

⁷ Kniezsa I. Keletmagyarország helynevei. – In: Magyarok

- és románok, 1. köt. Budapest, 1943, 119., 227., 232. l.
- 8 Melich J. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925-1929, 247. l.
- 9 H.Tóth I. Adalékok a korai magyar-szláv egyházi és kulturális kapcsolatok kérdéséhez. - In: Fejezetek a régebbi magyar történelemből. Budapest, 1985, 63. l.
- 10 Хелимский Е.А. Указ. соч., с. 357.
- 11 Cm.: Kniezsa I. Keletmagyarország helynevei, 232. l.; Kniezsa I. Ungarns Völkerschaften..., S. 305; Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára, I. köt. Budapest, 1988, 491-492. 497. l.
- 12 Kniezsa I. Erdély víznevei. Kolozsvár, 1942, NN 211, 212, 221.1, 214, 222.2, 222.3/254.1/612, 254/614.5, 254, 261, 313/624.1/813, 614.2, 615, 626/818, 721.1, 721.2.
- 13 Kniezsa I. Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittelslowakischen. - Etudes slaves et roumaines, т. 1. Budapest, 1948, S. 143.
- 14 A magyar nyelvjárások atlasza, I.-VI. köt. Budapest.
- 15 Cs.Sós A. Magyarország szláv népessége (VI-XIII század). - In: Szláv népek és nyelvek. Budapest, 1967, 77-221. l.
- 16 Magyarország története: Előzmények és magyar történet 1242-ig, 1. köt. Budapest, 1984, 731. l.

НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЕ КОЙНЕ РАЙОНА СРЕДНЕЙ СТАРОЙ ПЛАННЫ
КАК ОСНОВА КНИЖНОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ХУП ВЕКА

1. В истории словесности балканских народов и истории их литературных языков особое место занимает период, для которого характерны глубокие типологические сходства многих историко-культурных и общественных процессов и тенденций развития, обусловленные сходством исторических и экономических условий жизни в порабощенных балканских землях. Это – период конца XVI–середины XVII вв., предшествующий формированию современных балканских литературных языков с его тенденцией к отказу от используемого как инструмент культурного общения непонятного или уже мало понятного простому народу традиционного литературного языка: древнеболгарского языка среднеболгарского типа в Болгарии, Валахии, Трансильвании, Молдавии, отчасти Албании, классического языка византийской эпохи в Греции, латинского, арабского в Албании – и к созданию новых книжных языков на народной основе, претендующих на роль литературных.

Обзору общих тенденций развития литературных языков балканских народов в конце XVI–XVII вв., типологической характеристике вновь создаваемых в этот предвзрожденческий период книжных языков на народной основе, манифестирующих феномен "литературный язык", был посвящен мой доклад на III Международном конгрессе по изучению стран Ильго-Восточной Европы¹. В качестве одной из типологических тенденций в нем оценивался тот факт, что у всех балканских народов новые типы книжного языка формировались на основе живой народной речи, обычно – народно-разговорных койне городского населения во исполнение единого принципа – создания письменности, понятной простому народу. Это был этап дивергентного развития, возникновения все новых и новых книжно-литературных идиомов, которые различались между собой своей соотнесенностью с той или иной региональной территориально-социальной общностью, для которой этот язык создавался, а также своим различным отношением к старой книжной традиции. В докладе на настоящем конгрессе хотелось бы подробнее остановиться на тезисе

о народно-разговорных койне определенных ареалов как основе книжно-литературных идиомов рассматриваемого периода. Попытаемся обосновать его на материале книжного болгарского языка ХУП в. на народной основе, отраженного в письменности новоболгарских дамаскинов ХУП в. – сборников поучительных рассказов, апокрифов, проповедей, восходящих к ранее осуществленному переводу на традиционный болгарский литературный язык "Сокровища" греческого писателя ХУ в. Дамаскина Студита и иным, славянским, источникам. При этом мы опираемся на данные проведенного в нашей трехтомной монографии² комплексного филологического исследования этой письменности, в частности, на материал специального изучения проблемы диалектной базы языка первооригинала новоболгарского текста ХУП в.

Исходная языковая ситуация в балканских землях в XVI–ХУШ вв. во многом различалась. Так, если в Болгарии и Греции традиционный литературный язык являлся одной из форм существования р о д н о г о языка, отразившей в своей субстанции и структуре более ранний этап его развития – этап синтетического грамматического строя, уже не соответствовавший аналитическому грамматическому строю и обновленному словарю живого языка нового времени, то в Румынии и Албании традиционно употреблявшиеся литературные языки базировались на н е р о д н о й субстанции и структуре. Поэтому здесь практически не вставала в полном своем объеме остшая для других балканских народов проблема соотношения во вновь создаваемых литературных языках элементов традиции и народной основы. История возникновения каждого из новых книжно-литературных идиомов, безусловно, нуждается в самостоятельном изучении. Тем не менее, предлагаемое в данном докладе рассмотрение вопроса о характере народной основы одного из вновь возникших в ХУП в. болгарских книжно-литературных идиомов в силу сходства исторической и историко-культурной ситуации в балканских странах и общих для них в предвозрожденческий период тенденций развития может представить определенный интерес в общебалканистическом аспекте, а также внести свой вклад в решение одного из наиболее дискуссионных вопросов истории формирования современных литературных языков, в частности, болгарского – вопроса о характере "народной основы" и о потенциальной роли каких-то видов койне в этом процессе.

Как известно, некоторые современные болгаристы склонны считать, что "возникновение новоболгарского литературного языка

произошло на основе прямой связи диалект /диалекты/ как исходная система – литературный язык как конечный результат; или, точнее, литературно-языковые проявления, подготовившие почву для оформления общенационального литературного языка, имели прямую связь с конкретным диалектом".³ Диаметральная точка зрения исходит из того, что "в течение первой половины XIX в. шел очень интенсивный процесс формирования общеболгарского разговорного койне, – конечно, с какими-то диалектными вариантами, – на основе которого в дальнейшем сформировался болгарский литературный язык".⁴ В более умеренных высказываниях, связывающих народную основу современного литературного языка не непосредственно с конкретными территориальными говорами, а с наддиалектными образованиями, говорится о разговорном культурном койне городского населения как междиалектном культурном языке (С.Б.Бернштейн, 1963), о различных вариантах городского койне, носителем которого были различные прослойки буржуазии (К.Гуттмидт, 1973), о междиалектном – сначала софийско-рыльском, затем тырновско-котленском койне (Н.И.Толстой, 1963). Среди болгарских лингвистов популярно введенное Л.Андрейчиным (1973) понятие "городские говоры" – например, тырновский говор, шуменский городской говор –, в принципе близкое к понятию городское койне, хотя те, кто придерживается этого термина (М.Виденов, 1977, Р.Русинов, 1978, К.Вачкова, 1983), отрицают наличие разговорных болгарских койне. Плохая изученность южнославянских городских койне XX в., не говоря уже о XIX, "затрудняет работу исследователя и толкает его на путь догадок".⁵ Поэтому предпринятая нами попытка путем применения специальной методики лингвогеографической интерпретации данных новоболгарского текста ХУП в. реконструировать стоящую за симбиозом отраженных в его языке традиционных книжных и народных выразительных средств реальную коммуникативную единицу, легшую в основу этого языка, имеет как познавательное, так и собственно методологическое значение.

2. Подход к решению вопроса о характере "народной основы" языка новоболгарского текста непосредственно зависит от понимания самого механизма создания книжного болгарского языка ХУП в., отраженного в письменности новоболгарских дамаскинов. Согласно получившему широкое признание в славянской филологии мнению Л. Милетича,⁶ язык болгарских дамаскинов ХУП в. сложился постепенно, в результате стихийного, усиливавшегося от списка к списку в процессе их движения с запада на восток проникновения разнодиа-

лентных народных элементов в первоначальный западноболгарский перевод с греческого оригинала на традиционный литературный – "церковный" – язык произведений Дамаскина Студита. Естественно, что при такой постановке вопроса о "народной" основе языка дошедшего до нас новоболгарского текста можно говорить лишь в самом общем виде: как о постепенно проникавшем в исходный текст на "церковном" языке синтетического строя отражении несвойственных традиционной письменности – "народных" – выразительных средств. Она предстает как смешанная, гетерогенная на диалектном уровне, как результат спонтанного напластования особенностей широкого ареала западных и восточных болгарских говоров.

Как показывают данные проведенного нами лингвотекстологического исследования, новоболгарский текст ХУП в. возник в результате специально предпринятого перевода или переложения исходного текста произведений Дамаскина Студита и других церковных авторов на традиционном болгарском литературном языке ресавской правописной редакции, причем у осуществивших этот опыт книжников, по всей вероятности, не было образцов, на которые они могли бы ориентироваться. Во всяком случае, такие тексты неизвестны науке. Поэтому формирование вновь создаваемого книжного языка на народной основе мы представляем себе как ряд последовательно принимавшихся в процессе перевода в итоге выбора между традиционными книжными и народными выразительными средствами решений. Оно условно может быть сведено к следующей модели: /1/ порождение письменных высказываний при ориентации одновременно на систему выразительных средств и узус традиционного литературного и народного языков, накопление в процессе отбора однотипных решений; /2/ принятие данных письменных высказываний за образец и закрепление их особенностей на уровне письменного языка как системы; /3/ порождение новых письменных высказываний при ориентации на уже принятые особенности реализации письменного языка как системы.⁷ Оценка деятельности книжников начала ХУП в. как акта сознательного создания нового общедоступного языка письменности позволяет поставить вопрос о том, к какой реально функционировавшей в ХУП в. устной коммуникативной единице они при этом обращались.

3. Решение этого вопроса весьма осложняется не только позднейшими напластованиями на исходный текст, возникшими под рукой конкретных переписчиков, но и тем, что перед нами книжный, литературный язык, поскольку "литературный язык, подчиняющий

иным условиям существования, нежели народный язык (то есть язык естественный) наславивается на этот последний и заслоняет его от нас".⁸ Необходима разработка такой методики исследования, которая позволила бы "отсеять" разного рода наслонения, воссоздать диалектные особенности исходной "народной" системы и определить ее статус в кругу форм существования диасистемы "болгарский язык". С этой целью мы обратились к данным современной лингвогеографии, выраженным в фундаментальном Болгарском диалектном атласе и в других студиях лингвогеографического характера, пытаясь соотнести материал новоболгарского текста, расписанный нами по программе упомянутых исследований, с изоглоссами основных диалектных различий. При этом в первую очередь учитывался материал двучленных или представленных как таковые в итоге дихотомизации диалектных различий, выделяющих на современных лингвогеографических картах достаточно обширные и компактные ареалы, изоглоссы которых входят в общий цочек с изоглоссой по ъ и, следовательно, сложились до ХУП в.

Проведенный анализ выявил неординарную картину. Оказалось, что в тех случаях, когда то или иное двучленное диалектное различие представлено своим восточноболгарским вариантом, этот вариант последовательно проведен по всему новоболгарскому тексту. Столь же последовательно проведены в нем западноболгарские варианты диалектных различий. Такая картина, безусловно, не могла сложиться случайно, в итоге несогласованных усилий отдельных писцов в процессе движения текста по спискам с запада на восток. Можно предположить, что отраженные в книжном болгарском языке ХУП в. на народной основе варианты рассмотренных диалектных различий были присущи ему изначально и отражали языковую ситуацию определенного ареала. Процедура последовательного исключения территории, представленной иным, чем в новоболгарском тексте вариантом каждого из этих диалектных различий в отдельности, а затем наложения составленных по этому критерию карт, действительно, позволила выделить район, где могли существовать все отмеченные варианты диалектных различий. Им оказался ареал говоров района Етрополе–Тетевен–Луковит в составе бывшей Ловечской епархии у границы по ъ. По этому ареалу проходят и те немногие изоглоссы диалектных различий, которые представлены в новоболгарском тексте разными вариантами соответственных явлений. Дальнейший анализ показал, что для этого ареала характерно значительное количество отмеченных в книжном

болгарском языке ХУП в. вариантов фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических диалектных различий. В то же время ни один из говоров этого ареала в отдельности не обладает всей совокупностью этих черт.

Район бывшей Ловечской епархии, подчиненной тирновскому митрополиту, был в ХУП в. центром оживленной книжно-литературной деятельности. Здесь находилось значительное число скрипториев, среди которых выделяется Етропольский монастырь Варовитец. Район Средней Старой Планины был уже в ХУП в. довольно развитым в экономическом отношении. Здесь велась разработка рудных месторождений, процветали ремесла, торговля. Сетью важных дорог он был связан с другими балканскими и подбалканскими городами. Население епархии пользовалось определенными привилегиями турецких властей. В горной местности было довольно чистое болгарское население. Эллинизм не смог здесь пустить корни. Богослужение велось на славянском языке. Болгарским, по всей вероятности, было и килийное обучение. Активно развивалось гайдукское движение. Все это дает основание полагать, что в этом экономически развитом, объединенном торговыми и культурными связями районе уже в ХУП в. существовало наддиалектное народно-разговорное койне, которым пользовалось в своем общении образованное население городов и примыкающих к ним монастырей. Оно сочетало в себе черты, характерные для центральных балканских говоров района Средней Старой Планины у границы по б. Именно оно и легло в основу книжного болгарского языка ХУП в.

Возможность существования наддиалектных койне на Балканах и их роль в истории литературных языков уже отмечалась. Так, по мнению А.В.Десницкой, в преднациональный период истории албанского народа при отсутствии единого экономического, политического и культурного центров движение к языковой концентрации длительное время осуществлялось путем создания региональных народно-разговорных и устно-поэтических койне, явившихся основой региональных вариантов письменно-литературного языка⁹.

4. Реконструируемому на основании лингвогеографической интерпретации данных новоболгарского текста народно-разговорному койне района Средней Старой Планины, безусловно, был присущ целый ряд общих для болгарского языка ХУП в. особенностей грамматического строя и словаря наряду с дифференциирующими территориальные говоры языковыми явлениями. Описание последних, т.е. того, каким своим вариантом, каким соотносительным членом пред-

ставлены в этом койне соответственные явления, образующие то или иное диалектное различие, видимо, более релевантно для его краткой типологической характеристики. Назовем некоторые из этих особенностей на разных уровнях языковой системы в том виде, как они отражены в новоболгарском тексте¹⁰.

Диалектное различие в судьбе [q] в корне слова под ударением представлено вариантом [ъ]. Ср., например, написания: пъть, дъбъ, съдъ, зъби, мъжъ, мъка, оръжіе, мъдра, събота, скъпо, заръча, стъпки, бъде, лъкъ, къща, въбель, лъгъ, къпе, раскъса, скътать, йспъди, тръбы, гъбата, гъсто, съши, въглица. Диалектное различие в судьбе дроб. ъ в корне слова по ударением вариантом [ъ]: бъчва, сънь, тъждъ, вънь, тъкъмо, йсъхнатъ, потъна, потъчъ, пъприщъ, лъжно. Ср. тот же рефлекс в других позициях: лъжа, ка-къвъ, такъвъзи, момъкъ, петъкъ, добитъкъ, въздвижене, събрахъ, съсъ. Рефлексы дроб. ъ представлены вариантами, отраженными в написаниях типа: тъмно, тънъки, дошъль, леко, дѣнь, котель, болень, гладень; рефлексы дроб. ъ в позиции под ударением после мягкого согласного и перед твердым слогом или твердым согласным вариантами типа: гълъамъ, омръаль, лъакъ и брѣгъ, мѣсто, голѣмо. Приведем также, для краткости их не формулируя, следующие варианты фонетических диалектных различий, отраженные в написаниях типа: дъно, жънеше; ножове, ключове и ключеве; на-ше, ваше, коѣ; чаши; пїнани; чакамъ; нейлъя, ключъ, лотъ; агне; аблькѣ и аболькѣ; свѣщи, къща; сѫхѫждамъ; чёрвей, чёркова, чѣ-ръна; жълтъ, жълчъ; стомна, помни и пѣвни; нокъте, лакъте, вѣкъе и вечѣ; вѣтре; дълбокъ и гълъбокъ; дъщеря, единъ; мнѣшго; но-сътъ, ноль; нѣма; сѫгънъ; зaborави; чловѣкъ и чилѣкъ.

На уровне морфологии внимание привлекают такие изученные в лингвогеографическом аспекте особенности реконструируемого койне, как, например, окончания -и и не -и в формах I лица ед. числа настоящего времени бесприставочных и приставочных глаголов I и II спряжений: пѣста - пѣстимъ, тръпа - тръпимъ, довръша - довръшимъ; окончания -и и -ме в формах I лица мн. числа настоящего времени тех же глаголов: тѣримъ и тѣриме, вѣвѣдемъ и вѣвѣдеме; словоформы мн. числа имен существительных мужского рода типа: сынове, градшве, врагшве; конѣ; днѣ; блъгаре, граждане, хайдите; корабе, пироне, гѣрване, раслане; вѣжёта; кольне; членная морфема существительных мужского рода ед. числа после твердого согласного -ът: омътъ, домътъ; женского рода ед. чис-

ла на согласный -та: съмрт'та, крыв'та; мн. числа -те: рогове-те, волшвете, мъховёте; колынете; наличие счетной формы мн. числа: два сна, два мбжа, но три бъссе-ве, три цар'е; формы личных местоимений: а́зъ; той, н-его, н-емъ, го, мъ; т-я, н-е-на, н-е-и, я, и; т-о, н-его, н-емъ, го, мъ; ные, на^с, намъ; в-е, ва^с, вамъ; т-е, тъхъ, тъмъ, имъ; формы относительных местоимений д-то, где-то, ш-то, ч-то, к-то с морфемой -то и без нее; употребление наречия места где, де, где-то, д-то в функции относительного местоимения 'который' (-ая, -ое, -ие); формы указательных местоимений м. рода ед. числа т-изи, он-изи и т-я, он-я (общий падеж), выступающие также в функции им. падежа в рамках системы противопоставления т-изи (им.) - тог-ози (род-вин. и общий косвенный падеж) - том-ози (дат.), аналогично: он-изи - оног-ози - оном-ози, т-я - тог-ова - том-ова, он-я - оног-ова - оном-ова; формы указательных местоимений ж. рода ед. числа т-ази, он-ази и тъзи, онъ-зи; ср. рода това, онова; мн. числа т-я, он-я и тъзизи, онъзизи; формы притяжательных местоимений тъхъны (-а, -о, -и); окончания действительных причастий прошедшего времени мн. числа: бил-е, до-ше, рек-ле, стори-ле, нахрани-ле; форма страдательного причастия прошедшего времени глагола женя: нежен-ень; формы повелительного наклонения типа: стани, пази, погледни, ид-те, паз-те, починь-те, остань-те; описательная форма повелительного наклонения, обозначающая запрещение производить действие типа: нед-ей потай, нед-ий закле и др.

Из синтаксических особенностей, входящих в состав диалектных различий, отметим такие как место краткой местоименной формы в составе отрицательной конструкции с простым временем: ни-кай го не вид-ыше и в конструкции с перфектом: т-а ги съмъ азъ быть-милъ; употребление при субъекте в 3 лице в составе посессивной конструкции: притяжатель объекта обладания тождествен действующему лицу-субъекту высказывания-притяжательных местоимений свой и негов - обриса гы съ свойте космы, а ан-тих-рость тог-ива ш-да пасти свойте слоги д-авслете по сич'ката земл-я. и по сич'ките н-еговы град-шве, а также краткой притяжательной формы си - и връна се при жен-та си, и паднъ на лиц-то си.

На лексико-семантическом уровне характерно употребление таких соотносительных вариантов дву- и многочленных диалектных различий как: риза 'нижняя одежда, которая надевается прямо на тело'; нога и крак; дъщеря 'дочь'; добитьк 'домашний скот'; ток и гумно 'место для молотьбы', синор 'межа'; пирон 'гвоздь'; дим

'дым' ; псе /мн.ч. псета/ 'собака' ; косъм 'волос' ; рало 'деревянное орудие для вспахивания земли' ; котел; кладенец и въбел 'выкопанный глубокий выложенный камнями источник воды' ; мотика 'орудие для копания земли'; гореш 'горячий' ; сладък 'сладкий' и 'вкусный'; чест 'частый, повторяющийся много раз через небольшие интервалы времени'; чувам и пазя 'беречь' ; найда и намеря 'найти' ; викам 'громко кричать' и 'призывать, звать' ; иша, ща, искам 'хотеть' ; неща 'не хотеть' ; хоротя 'говорить, разговаривать'; суча 'сосать молоко из женской груди' ; отривам 'вытираять'; глагол заходи в словосочетании слънцето заходи: коги заходи слънце; скчите, сички 'все' ; камо 'куда', ср. также в составе союзной конструкции а камо ли; предлог низ и др.; словообразовательный вариант камик 'камень' .

Важно отметить, что названные соотносительные члены фонетических, грамматических, лексико-семантических и словообразовательных диалектных различий, характерные для указанного района Средней Старой Планины в целом, но не присущие во всей своей совокупности ни одному из конкретных говоров, последовательно проведены по всему новоболгарскому тексту. Это подтверждает мнение о их принадлежности системе конкретного народного идиома как живой коммуникативной единице наддиалектного характера, к которой обратились создатели книжного болгарского языка ХУП в.

5. Итак, народной основой книжного болгарского языка ХУП в. явилась реальная коммуникативная единица (койне), обслуживающая живое общение определенных групп населения, а именно, образованного населения городов и примыкавших к ним монастырей в составе бывшей Ловечской епархии. Она сложилась на основе интерференции центральных балканских говоров района Средней Старой Планины у границы по ъ, в основном, говоров ареала Етрополе-Тетевен - Луковит, путем "стирания" их узколокальных диалектных черт при допущении в то же время определенного числа вариантов.

Возможно, определенную роль в ее формировании сыграло народно-поэтическое койне, язык устного народного творчества, средства народной поэтики.¹⁴ Исследователи отмечают широкое развитие устного поэтического творчества в период ХУ-ХУШ вв., откуда идет огромная часть дошедших до нас юнацких, исторических и гайдушких песен.¹⁵ Другим механизмом ее образования, возможно, была неугасшая в среде образованных книжников, духовенства, учителей, даскалов, богатых ремесленников и торговцев связь с книжной традицией. Невольное или осознанное следование ей могло слу-

жить своеобразным ориентиром при отказе от узколокальных диалектных черт, способствовать утверждению в языке культурного общения традиционных выразительных средств. При решении этого вопроса приходится в общем идти путем догадок и предположений, но, безусловно, основания для самой подобной постановки вопроса есть. Вот только один из примеров возможного влияния книжной традиции. В новоболгарском тексте в этимологических позициях последовательно употребляется согласный х, хотя в говорах района Средней Старой Планины, легших в основу народно-разговорного койне, картина неоднозначная. Конечно, можно думать, что мы имеем здесь дело с влиянием традиционной орфографии. Но та последовательность, с какой эта особенность отражена во всех списках, распространявшихся в районе Средней Старой Планины и Средней Горы, позволяет поставить вопрос о том, не была ли эта закрепившаяся под влиянием книжного языка черта особенностью живого произношения образованных носителей самого народно-разговорного койне ХУП в. То же можно сказать об употреблении возвратно-притяжательного местоимения свой в описанном выше типе посессивной конструкции, отмеченном только в нескольких пунктах интересующего нас ареала. Более определенно можно говорить о проникновении в народно-разговорное койне ХУП в. целого пласта традиционных лексических средств, связанных с обозначением реалий и понятий повседневного религиозного быта, христианским учением, религиозной моралью, церковным обрядом.

Если наша гипотеза о том, что в основу книжного болгарского языка ХУП в. было положено народно-разговорное койне, распространенное среди образованного населения городов и крупных монастырей в пределах бывшей Ловечской епархии и впитавшее в себя черты, характерные для говоров района Етрополе-Тетевен-Луковит, верна (а данные анализа конкретного материала позволяют нам с уверенностью полагать это), то тем самым сделан определенный шаг в обнаружении одной из исторических реальностей.¹³ Это может бросить свет на ситуацию формирования литературно-языковых идиомов на этапе дивергентного развития болгарского литературно-языкового языка в XVII – первой четверти XIX в. Возникает вопрос и о том, не объясняется ли совпадение ряда важных языковых особенностей современного литературного языка и книжного языка ХУП в. на народной основе, как и известный факт сосуществования в СБЛЯ восточноболгарских и западноболгарских диалектных особенностей, не сменой западноболгарской основы на восточноболгарскую при

его формировании, как это нередко полагают, а влиянием народно-разговорного койне ареала у границы по ъ, совмещающего в себе особенности восточных и западных говоров.

Примечания

- 1 Демина Е.И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков.- Доклады и сообщения советской делегации. III международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974 /отд. брошюра/. Сокращенный текст см. в кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 284-291.
- 2 Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов нов.; ч. II. Палеографическое описание и текст; ч. III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка ХУП в. на народной основе. София, 1968, 1971, 1985.
- 3 Георгиева Е. Опит за интерпретация на книжните прояви при изграждане на новобългарския книжовен език през периода на българското възраждане. -Български език, 1980, кн. I, с. 19.
- 4 Бернштейн С.Б. Выступление на Ю съезде славистов. - В кн.: IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, М., 1962, с. 63.
- 5 Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, с. 163.
- 6 Милетич Ј. Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от ХУП в. - Български старини, кн. II, София, 1908, с. У-Х.
- 7 Демина Е.И. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка ХУП в. на народной основе. - В кн.: Славянское языкознание. УП международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1972, с. 118-141.
- 8 Соссюр Ф. де. Труды по языкоzнанию. М., 1977, с. 173.
- 9 Десницкая А.В. Роль устных койне в истории образования албанского литературного языка.--Доклады и сообщения советской делегации. III международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974 /отд. брошюра/, с. I-3.
- 10 Полный материал см.: Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин..., ч. III, глава III.
- 11 Ср. в этом отношении: Демина Е.И. "Житие Петки" Евдимиya Търновского в новоболгарской письменности.- В кн.: Търновска книжовна школа, т. II. София, 1980, с. 183-192.
- 12 Динеков П. Фолклор и литература. София, 1968, с. II.
- 13 "Если наша наука должна быть исторической, она должна обнаруживать исторические реальности" Лизани В. К индоевропейской проблеме. - Вопросы языкоzнания, 1966, № 4, с. 57.

ВОСТОЧНОРОМАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ВНУТРИ И ВНЕ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА(БЯС)

Настоящий доклад содержит по необходимости краткое изложение некоторых соображений теоретического характера, важных для изучения проблематики восточнороманского влияния в балкано-карпатском(=БК) языковом пространстве.

I. Целесообразно, по крайней мере, на современной стадии развития балканского языкознания(=БЯ), рассматривать понятие "языковой союз"(=ЯС), в том числе БЯС, в конвенциональном смысле, что позволяет отвести сомнения в возможности сближения языков на основании типологических критериев, и далее - описывать системы отдельных языков(причисляемых к БЯС) в отношении друг к другу и к общей системе ЯС¹, выступающей в функции "мета-языка".

2. Восточнороманские языки (resp. румынский и его аналоги на Балканском п-ве², а также молдавский³) занимают среди языков БЯС особое положение. Оно определяется их лингвистической принадлежностью БЯС - по ряду структурных(синтаксических и др.) черт, хотя по иным признакам они могут быть включены и во множество "языки карпатского ареала"(например, на основании фонда лексико-семантических параллелей, отражающих единство исторических судеб народов карпатского региона, специфику типов хозяйствования, духовной культуры и под.), - и пространственным дистанцированием от балканской(=Б) зоны (так, дакорумынский ареал относится к географической области Карпат). Эта двойная характеристика, на наш взгляд, повышает интерес к проблеме восточнороманского влияния внутри БЯС и вне его - в карпатской(=К) зоне.

3. Лингвистическая и этно-культурная самостоятельность Б-зоны и К-зоны несомненна. В то же время исследования последних двух десятилетий(например, по программам МККБ⁴) убедительно подтверждают предположение, базировавшееся вначале на научной интуиции, о тесной связи обеих зон. Более того: диалектологическое описание БК-макрозоны, реализованное в "Общекарпатском диалектологическом атласе"(ОКДА)⁵ и в трудах, анализирующих его ма-

териалы, позволяют приступить к каталогизации значительного числа синхронно зафиксированных лексико-семантических тождеств и типологических сходств в пределах указанного макроареала. Эти данные - важный аргумент в пользу существования диалектного континуума, имеющего статус "языковой общности" конвергентного типа, в которой интегрированы генетически гетерогенные компоненты. Ставление ее - результат длительных и интенсивных этно-лингвистических контактов, осуществлявшихся в масштабах всего БЖ-пространства, начиная с конца I тыс. н.э. Представляется допустимым в известных случаях интерпретировать связь Б-зоны и К-зоны в макророзоне как отношение "центра" ~ "периферии"⁶. Это кажется вполне оправданным, в частности, при изучении обширного пласта лексики (различного происхождения!), именуемого в карпатистике "балканализмами"⁷ и вошедшего в языки и диалекты карпатского ареала в ходе средневековых миграций значительных масс населения Балканского п-ва на север и северо-запад Карпатской горной области и в Прикарпатье (= "валашская пастушеская колонизация"⁸). Вместе с тем очевидно, что для БЖ-макророзоны в целом (и для К-зоны - как ее периферии) можно говорить о такой языковой общности, которая реализуется лишь на лексико-семантическом уровне; в Б-зоне функционирует языковая общность принципиально иного типа - для нее характерно большое число разноуровневых сходств, и прежде всего - на уровне грамматики (синтаксиса), что и соответствует сущности понятия ЯС.

4. В современной балканистике для уровня грамматики (синтаксиса) сформулирована идея отказа от установления источника и объекта заимствования - как основания и причины возникновения обще-балканских черт (собственно балканлизмов - см. выше); это означает отказ и от понятия "влияния" одних языков на другие, от поисков "балканализмопроизводящих" языков (в том числе - от "субстрата", понимаемого к тому же неоднозначно). В соответствии с этим допускается, что на общую модель структуры (=на "диасистему") БЯС, имеющую, подобно самому БЯС, конвенциональный характер, жестко ориентируются структуры отдельных балканских языков; следовательно, любые изменения в их структуре "есть прежде всего результат воздействия на них модели БЯС, а не контакта с другими языками"⁹. Указанная модель реализуется в двух аспектах: I) как схема грамматической структуры ЯС, описывающая определенный временной срез (=страт) и учитывающая некоторые прошлые состояния,

и 2) как механизм становления и функционирования ЯС, действующий в любой точке пространственной и временной оси и осуществляющий потребности коммуникации в максимально затрудненных условиях – разноязычие и под.¹⁰

5. Напротив, при изучении лексики(также семантики) понятие "влияния" одних языков на другие – в масштабах макрозоны и ее составляющих – необходимо. При этом установление источника заимствования (=центра иррадиации) определенной лексемы с некоторой суммой значений (и далее – траектория ее миграции в макрозоне и, возможно, за ее пределами) не тождественно определению происхождения (=генетического источника, этимологии). Ср. в этой связи важный тезис, сформулированный и развитый в карпатском языкоznании, о том, что элементы, специфические для языковой общности конвергентного типа, прошли в БК-макрозоне сложный путь многоступенчатых преобразований и многократных перекрестных заимствований, поэтому прямолинейное распределение этих элементов по различным языкам на основании лишь этимологического анализа в ряде случаев затмняет истинную картину взаимодействия языков¹¹. Следовательно, и восточнороманскоe влияние в БК-пространстве в целом(а также в Б-зоне и К-зоне) реально может быть представлено как исконно романскими элементами, так и элементами иного происхождения (албанского, славянского и др.), для которых восточнороманскоe посредство, в том числе как одно из звеньев в цепи опосредований, между источником и объектом заимствования устанавливается весьма точно. В данном случае мера(и специфика) этого влияния внутри и вне БЯС исчисляется путем ареалогического и исторического анализа рядов лексем, зафиксированных в масштабах всей макрозоны или в каждой из ее "подзон".

Сходной, но более сложной является процедура определения восточнороманского влияния в сфере семантики, поскольку здесь обнаруживаются различные виды взаимодействий и интерференции; следует учитывать и возможность семантического развития вне связи с иноязычным влиянием и допускать интерпретации в духе "семантических универсалий"¹².

Ниже изучаются некоторые восточнороманизмы, распространявшиеся в БК-макрозоне с начала формирования балкано-карпатской языковой общности; не рассматриваются более ранние – латинские – заимствования, которые ныне известны далеко на север от зоны Карпат.¹³ С другой стороны, анализируются прежде всего те заимствования, ареалы которых достаточно обширны, что, по-видимому, мо-

жет служить важным свидетельством относительно давнего времени проникновения; поэтому не учитываются локализмы, бытующие в микророзонах, которые примыкают к восточнороманской языковой территории (или к соответствующим анклавам), в ситуации непосредственного этно-лингвистического контактирования и, следовательно, билингвизма (полилингвизма) различных типов, ср.: Буковина, Марамуреш, Банат и под.¹⁴ Базой исследования являются данные лингвогеографии (в том числе ОКДА). Анализ рассмотренных далее трех типов изоглосс (каждый из которых обнаруживает значительную вариативность своих конфигураций) позволяет представить сложность и неоднозначность трактовки картины языковых взаимодействий и взаимовлияний в БК-макрозоне, включающей области внутри и вне БЯС.

I. Элементы, зафиксированные в БК-макрозоне.

¹⁴ guša (:лат.geusiae [галльск.] 'kehle', ит.диал.gogio, göši и др. 'болезнь' - M.Lübke № 3750, "балканский"; говорят и о неустановленной этимологии: Skok; MNyTESz и под.) - хорошо отражен в К-зонах: рум. guşa 'горло', 'зоб', 'подбородок', 'зоб(болезнь)', 'ангина' (ALRMЦ 86,89; DLR), молд. 'gușă' 'шея', 'зоб(птицы)', 'болезнь' - ОКДА; Прилози I40 (также gușă 'опухоль', 'комок шерсти' - ДД I,276; ДМР; Скуорт); из восточнороманского перешло в другие языки зоны (Rosetti.ILR. I,II4; IY-YI,I29; Niță-Armăș 87 и др.): к.-укр. 'guša', 'guš'i' 'опухоль, шишка' (довольно широко; "устар". - Вост.Словакия); 'зоб(болезнь)', 'зоб птицы' (Буков.), 'ангина' (Прикарп.) - реже (ОКДА; КДА № 110; Vrabie I47; Гринч.; ЕСУМ), мор., слц. (с.-зап.) 'guča' 'шишка, опухоль', 'нарост на дереве' (ОКДА; Matejčík.1972, 200; Ripka 91; SSJ ; ср.: guňža - Lipták ; также: Bartoš ; ср.: Machek), венг.(с XVIII в.) gusa 'шея', 'зоб', 'кадык' и др. (MNyTESz - считается заимствованием из рум. или с.-х.). На Балканах - ср. арум. gușe 'шея', 'горло' и под. (Papahagi), далее - заимствование в славянские языки: (БЕР; Skok ; однако словен. gúša, по-видимому, не связано с рассматриваемыми формами - см.: Bezlaj): с.-х. guša 'опухоль', 'зоб', 'горло', 'зоб птицы' (ОКДА; gúša 'то же' и др. - PCA; ср. и: RJA), мак. 'guša' 'опухоль', 'зоб' (ОКДА; ср.: PMJ), болг. гуша 'шея', 'горло', 'зоб(болезнь)' (с.-зап., Банат, Троян, Плевен, Карлово, Никопол, Ген.Тошево, Преслав, Пещера, Гюмюрджина, Крумовград; также р-н Кастроции), реже - 'зоб птицы' (Банат, Михайловград, Гюмюрджина) (БД I, III, IV, VI, VII, IX; Стойко; Млад.; арх. Млад.; ср. и: Геров, БТР, РСБКЕ, РББ и др.); так же, вероятно, и алб. 'guša' 'зоб(болезнь)' (ОКДА; ср. guše 'шея', 'зоб птицы' - Meyer ; gushë - Fjalor), ср. н.-гр. γκούσα (дим.) 'опухоль на горле', 'зоб

птицы' (Dimitrakos 2,1627) (из рум. или болг.- Skok).

*bešiga - исконнороманский элемент (:лат. vessica - M.-Lübke № 9276 и 9277, как в.-роман. в < *v- и порт. bixiga, анкон. bišika, венец. bešiga и др.- там же; Puşcariu № 189; Candrea № 141; также - Cioranescu ; Rosetti.ILR I,989; как отражение "балканской латыни" - Skok ; далее: Скуорт), широко представлен в К-зоне: рум.диал. besică, băsică, besică 'пузырь(на языке)', (ALRM I, и глагол - [să băsică limba] и др.), băsică'опухоль', 'пузырь', besică (Молдова, Транс.) 'то же' (PLR), молд.диал. be'siki 'мочевой пузырь', 'нарыв', 'опухоль' (ОКДА; бешика 'кисет', 'графин' - ДД I,128;ср.:ДМР). О заимствовании лексемы в славянские языки: Rosetti.ILR IY-UI,121,126; Crângală 230; Niță-Armăș 75; Vrabie 131; ECUM и др.); наличие в польском удостоверяют словари (Karlo-wicz ; SW), хорошо представлено в карпатоукраинских диалектах - be's'ega, by'syga 'воспаление кожи, рожа', 'нарыв', 'лихорадка (на губе)', и под. (ОКДА; ср. бойк. bišixa 'вид тифа' - СЛ 78; буков. bešiha 'воспаление', bešidžitisi 'опухать' - МСБГ I,26; и: Гринч.), неясны пути распространения в русском, ср.: bešixa 'болезнь рожа' (смол., Иссык-Куль), 'опухоль, флюс' (донск.), bešišnik 'вид растения' (перм.); все - СРНГ; Даль - нет; ср.: Фасмер). В Б-зоне: арум. bisică 'пузырь' (Papahagi), мегл. bišoca 'то же' (Candrea; Cioranescu); как заимствование из румынского (Niță-Armăș и др.): с.-х. be'sika '(мочевой)пузырь' (ОКДА; 'то же' - в РСА, и 'мешочек из высушенного пузыря'; RJA: первая фиксация - XV в. , из иных словарей - лишь Караджич), мак. be'sika 'мочевой пузырь' (ОКДА; РМЖ - нет); о наличии слова в болг. можно судить по косвенным данным (см. упоминание в: Rosetti.ILR IY-UI,126) - при отсутствии в словарях. В албанском: mbišik, mešike pësike 'Blase', šik 'шелковый кокон' (Meyer) - сопоставляется непосредственно с лат. vesica, ср. и: mešikëz 'прыщ, нарыв, пузырь' (Fjalor); согласно иной точке зрения, эти формы восходят к "балканской латыни" (Skok; M.-Scărătoiu 105).

+ spuza-элемент, соотносящийся с лат. spodium (греч.) 'горячий пепел' (M.-Lübke № 8166, ср.др.-гр. εποδίς, εποδία 'то же' - Andriotis.Lex.; также - <spodia<spodium - Скуорт; ср.: Skok ; иной вариант - из лат. spudza <spodium + pruna - Papahagi ; другие версии: Младенов). В К-зоне: рум. (повсеместно) spuză, spúžă 'пепел' (ALRM II,334,335; ALR sn IY,1073; ср.: DLMLC), молд.диал. !spuzum, spuzы 'то же', 'множество', 'пена' и под. (везде, кроме ю.-запа-

да МССР - ОКДА), ср. спудзы 'сажа' (ДД IУ, 150; см. и: ДМР). Заимствовано в славянские языки зоны: (Niță-Armăș 96; Vrabie 172; Crânaia 352; Прилози 140 и др.): пол. 'spuża 'горячий пепел, угли', 'пепна' (редко - ОКДА), с.-слц. 'spuža 'пыль' (редко - ОКДА), 'очаг' (!) (Земплин - Lipták), к.-укр. 'spuza', 'spuža', 'spurza 'горячий пепел, угли', 'сажа', 'пыль', 'грязь' (почти повсеместно в Прикарпатье и Закарпатье - ОКДА; ЛАЗГ № 138; АГВ № 17; севернее р. Днестр, р-н Залещики - Dejna 124 и др.; ср.: Гринч.). В Б-зоне: арум. spudză 'пепел, жар' (Papahagi); заимствовано в балканославянские языки: болг. спуза 'горячий пепел' (Геров; как «нар» - РСБКЕ; ср.: ПРОДД), 'вода с пеплом' («обр» - БТР), диал. спуза 'горячий пепел' (Пирдоп - БД IУ), 'пепел с мелкими углями' (Видин - Млад. 280, и: спузъниꙗ 'толпа'), мак. 'spuza, 'puza' 'пепел, жар, зола' (ОКДА; ср. и: РМЈ); алб. диал. 'spuza 'пепел' (ОКДА, в словарях - shpuzë 'то же' (Fjalor; Leotti), которое сопоставляется с лат. spodium (Capidan.Alb.-rum. 549). Наконец, в новогреческом хорошо отражены презентанты др.-гр. εποδὸς, εποδίᾳ : εποδός, εποδίᾳ (дим.) 'пепел, зола' и 'прах' (Dimitrakos 8, 6636), диал. εποδὸς, εποίᾳ (εποδίᾳ) (цакон.), επούδα (Серес) 'то же' (Andrioticis.Lex.)

⁺ Zestra (:лат. dexter 'правый', ср. фриул. ȝestri 'то же', также рум. zestre 'приданое' [?] - M.-Lübke № 2618; Pușcariu № 181; Cioranescu ; Скуорт и под.) - почти повсеместно в южнорумынском (кроме Баната): рум. диал. zestreia, zăstre, ȝăstri и др. 'приданое' (ILR II, № 167), литер. zestre (DLILC), молд. диал. 'ȝestră, zestre, zestră' 'то же' (ОКДА; ср. и: ДД II, 99), литер. зестре 'то же' (ДМР); далее заимствовано в диалекты К-зоны (Niță-Armăș 100; Vrabie ; ЕСУМ II, 58; Прилози 141 и т.д.), слц. диал. (с.-вост.) 'ȝajstra 'то же' (ОКДА), ȝajstra (Земплин - Lipták), d'ajstra (р-н Попрад - Норехроние I, 21; Michálek 232), также к.-укр. 'ȝais'tr'a, 'zestra, 'zastry' (Вост. Словакия, Буков., сев. МССР - ОКДА; ОЛА 1968 , с. 102-103; МСБГ; также - Гринч: ср. и: зястра - Желех.). В Б-зоне: арум. zestră 'то же' (Papahagi - определено как заимствование из болгарского [!], что вряд ли приемлемо), болг. зестра 'то же' считается румынизмом (Niță-Armăș ; Rosetti. ILR IУ-УІ, 126; ср.: БТР), лексема отмечается (иногда с пометами «нар.», «разг.») во всех словарях (Геров; РСБКЕ, РБФ и др.), в диалектах фиксируется довольно редко, ср.: зестра (нов.) (Ихтиман - БД III), зестъръ (Гюмюрджина - БД УІ), зестра (устар.) 'приданое - надел земли' (МССР - СМБД 8, 82; Зеленина 71), мак. зестра (диал.) 'приданое' (РМЈ).

⁺ plek(a) = (:лат. applicāre 'anfügen, landen, beugen' и под., лишь рум. a se apleca 'sich niederbeugen', 'säugen' - M.-Lübke № 548,ср. plīcāre 'falten, beugen' и др. - там же № 660; о рум. a [a] pleca - Candrea № 1402-3; Pușcariu № 97; Cioranescu № 29, и: Скуорт); формы с a= и без него хорошо представлены на дакорумынской территории: рум. a(se)apleca ~ a pleca 'склонять(ся), наклонять(ся)' и под., также - 'кормить грудью, давать сосать(человека, животном)' (DLR ; также: DLR LC), по данным ALRM sn (III, № 1208 'согнутый', 'склоненный'), формы без a= зафиксированы в Молдове, Вост.Марамуреше, Центр.Трансильвании ; молд.диал. ap'ljak (3 sg.) 'кормит сосунка(теленка и др.)' (Буков., Закарпатье, МССР - ОКДА;ср.: ДД I, 83; также - ДМР); из восточнороманского заимствовано в диалекты К-зоны (Niță-Armăș 82; Vrabie 166; Lukasik 204; Machek 373 и др.), ср.пол.(Подгалье) plekať še 'кормить(сосунка, ребенка)', 'сосать(о маленьком животном, грудном ребенке)' (Henniczek-Morozowa II-III, 146; Karłowicz ; ОКДА; ср.: SW), мор. plekac, pl'ekat 'кормить(сосунка)', '~ (ребенка грудью)' (редко) (ОКДА; Bartoš), слц.(диал.) 'pl'ekat', 'pl'agat', 'plekac' 'то же' (ОКДА; ср.и: pl'ekat' 'кормить сосунка' (Новоград - Matejčík 1972, 353), pl'agat' (юг Ср.Словакии, Ревуца, Теков и др. - Palkovič. Výskum , I4 .), также литер. plekat' 'кормить материнским молоком' (SSJ) к.-укр. ple'katy 'кормить(сосунка, грудного ребенка)' (Прикарпатье - ОКДА; Гринч.: 'кормить грудью' [Угор.] и 'холить' [у Головацкого]). В Б-зоне: арум. aplec¹ 'кормить молоком' (при aplec² 'стягивать, склонять' и др.) (Papahagi ; см.и: plec), мегл. plec (Ciołanescu); точное соответствие восточнороманским формам см. в македонском - диал. pl'aka 'кормить грудью' (ОКДА - возможно, ложеклизм, из арум. aplec¹), напротив, с.-х.диал. (босн., черногр., ю. с.) plékat se, 'plekat имеет иное значение - 'вмешиваться в чужие дела; путаться под ногами', которое также, повидимому, восходит к восточнороманскому источнику и отражает круг значений с инвариантом 'склонять(ся)' и под. (в RJA отсутствует!).

Число изоглосс подобного типа может быть увеличено, например, за счет некоторых иных лексем(которые были предметом специального изучения). Ср.: ⁺ kolastra 'молозиво' - карпато-балкано-альпийская параллель¹⁵ (:лат. colastra и т.д.), в.-роман. colastră, корасла, коластра 'то же', откуда вошло в языки К-зоны; тот же источник - для болг. коластра (с.-х. ko[u]nastra, kulizdra, алб. koloshtëk и др., - возможно, из итальянского), н.-гр. κολαστρα, κολαστρια и др. могут иметь различные источники(как восточнороман-

ский, так и албанский . + StrunGa (< ?) (обзор этимологических версий и материал - Кл.ОЛА.1972) - в.-роман. strungă, струнгэ "загон", "проход", "промежуток" и др., откуда - пол.straga, stronga, мор., слц. strunga, к.-укр.струнг(к)а, венг.esztrengá и под. (также ОКДА); в Б-зоне: арум., мегл.(и истр.) strungă, заимствовано в болг.срунгъ(Силистра;МССР), с.-х.диал.стронга(Банат), струнга(Черногория и т.д.) - "загон, проход", сюда же и.-гр.stronga 'то же' (важен учет и представителей ю.-слав. *strog-a:стърга/стръга, строга, строга, струга, и современных балканских форм strunga); для алб. shtrungë предполагается общий с рум.strungă источник¹⁶: + urda 'вид творога' ([< ?] - Кл.Этимология.1966; согласно новым данным, источник - раннеалб. *urdža < [il] urdhë < и.-е. *χερ- (Орел.АКД, сн.17) ; помимо обычно высказываемого предположения о восточнороманском центре иррадиации лексемы в К-зоне (и несколько севернее) и на Балканах, существует версия (В.Э.Орел - Указ. соч.) о возможности калькирования семантики: urda ~ славянские дериваты с корнем *=var- (ср. болг.извара, отвара, проводара, мак. извара, с.-х.проводара, [далее - словен. zvara], пол.zwarnica, слц.zvaraka, nevarka, к.-укр.зварка, неварка и др.- материал:Кл.СПТ 238).

Специального комментария требует современный ареал такой лексемы, как + k()rAčun-. В К-зоне: рум. crăciun 'рождество' (посовместно) (ALR sn, № 1761 ; DLR, там же - Craciunul Mic 'день Св.Василия', crăciun, creciun 'рождественский калач', но и:'год', 'декабрь' = craciuni и т.д.;ср.и: DLR LC ; отмечаются топонимы - Petrovici 248; антропонимы ХУ-ХVI вв. - Dicț. 57); молд.диал. kre'-š'un, krə'-š'un 'рождество' (ОКДА;ср.: ДД П,266;ДМР); несомненно, заимствовано в славянские диалекты зоны (Cioranescu ; Niță-Armăș 88; Vrabie 156; Machek): в.-слц.'kraču:n'рождество' (ОКДА; SSJ), ср.и:диал. 'krajču:n', 'kračun 'вид рождественского хлеба' (Ср., Вост.Словакия - ОКДА), к.-укр. ker'čun, kre'čun, kre's'un, gre'čun и ke'rečun, kara'čun 'то же' (Бойк., Закарпатье - ОКДА; и: КДО 382; Желех.); возможно, особое положение у венг. 'kərga:čon' и под. 'рождество' (ОКДА; см.: karágcsóny 'то же' и 'Новый год' в: MNyTESz). Далее обычно приводятся в качестве параллелей рус.(и бел.) корочун, карачун 'солнцеворот', 'святочный обряд', также 'незапная смерть', 'злой дух', и др. (ЭССЯ 11,56; см.также: Козлова - Этимология.1982). В Б-зоне: арум. crăciun(cîrčiun) 'рождество' и 'пень(который сжигают на рождество)' (Papahagi), мегл. cărciun. Словари с.-х. языка фиксируют крачун 'засов' и под.(PCA; ср. -

иной этимологии: RJA ; слово заимствовано и в словенский: kratčun 'то же' - Pleteršnik); однако отмечены топонимы и антропонимы (Крачун, Крачуниште и под. - РСА; Даничић ; RJA), которые, вероятно, сопоставимы с восточнороманскими формами (скок); фиксации соответствующих апеллативов в болгарском редки, ср. диал. крачун 'праздник...' (БЕР), крачон 'рождество' (Шклифов 184), ср. и: крачун 'то же' (Младенов), крачёнъ, крачунецъ 'народный праздник...' (Геров), также антропонимы: Крачун, Крачунов и др. (Илчев), ср. и топонимы, например, Крачуна (р-н Лом - Дуриданов 144, 76). В албанском - kərtsu-ni, =ri 'пень' (Meyer), kərtšu=r1, =ni 'то же' (Селищев 158), и: kërcu, =ri, =n1, kërgçer 'пень', ср. kërci, kërgçik 'берцовая кость' (Fjalor). Проблема продвижения рассмотренного выше слова в БК-макрозоне, по-видимому, пока не может быть решена окончательно, поскольку существует ряд этимологических версий - I. романская (resp."балканолатинская"), исходящая из лат. creatio > ю.-слав. kratčun > рум. crăciun - Rosetti ; Скуорт); II. славянская (предлагается рассматривать *korčun как девербатив от *korčiti 'шагать' и др. - ЭССЯ); III. албанская (исходный пункт - алб. kergcun= 'пень, чурбан' < др.-алб. *karç-un < *kar-s- < и.-е.* [s] ker : * [s] kor 'резать, рубить' и под. - Çabej , Десницкая; Орел¹⁸). Важно учитывать идею А. Розетти¹⁹ (выше), предлагавшего видеть несколько центров иррадиации данного лексического элемента, что позволяет некоторые конкретные наблюдения и полученные выводы использовать для построения Фрагментов истории его миграции, - прежде всего в БК-макрозоне. В соответствии с нашими задачами, судьба рус., бел. карачун и др. не рассматривается здесь; что касается форм, зафиксированных в К-зоне, то несомненно: наличие I, III (и даже II) версий происхождения этимона не мешает видеть в в.-роман. crăciun (кракун) источник соответствующих слов в слц. и к.-укр. кракун и др., при том, что отдельные варианты, например, ke'rečun , могли возникнуть под венгерским влиянием; для венгерского же, вероятно, справедливо суждение о достаточно старом происхождении слова karácsom из (южно)слав. kratčun (NyTlSz - с XII в.); напротив, для балканославянской зоны можно допустить возможность сохранения реликтов старого заимствования из "балканской латыни", но также и - значительно более позднее - румынское влияние на болгарский (ср., например, сферу топономистики - Илчев и т.п.).

II. Элементы, зафиксированные лишь в Б-зоне. Этот тип изоглосс более труден для изучения, поскольку лингвогеографические данные в достаточном объеме представлены только в восточнороманском ареале (карты ALR); для остальных языков БЯС могут быть использованы материалы словарей, диалектологических описаний и др. Полное и систематическое описание зоны в интересующем нас аспекте будет возможно в результате создания "Балканского лингвистического атласа"¹⁹.

+b(a)laUr= - балканизм (< ?; в результате специальных разысканий предложена идея: источник данного слова усматривать в [ранне] алб. *bëllaur, восходящем к [вост.] балканскому диалектизму и.-е. происхождения *b(h)el-laur= 'мифологическое чудовище, змей' : [ранне] алб.*bëllaur > рум.[=в.-роман.] bălaur 'то же' - В.Орел. Вестник МГУ.1982, с.72 и сл.;ср.: zfBalk. ХVIII/2). Ныне хорошо отражено в румынском: bălaur 'дракон, чудовище' (Транс., Молдова), 'название созвездия', также - 'название некоторых растений': lăur-bălaur (Транс.) (DLR ; там же: bălăur, bălăoană, bălăurel и др.;ср.и: 'обшивка из досок вокруг корабля' - Долж; см.и:DLRLC), в значении 'змей - детская игрушка' - Транс., Банат, Молдова(реже) - bălăur, bălăurie, bălăkorie (ALR sn Y, № 1303); в молдавском: балаур, балаор, бэлаур, балăур и др. 'змей' (Буковина, сев., вост., ю.-зап.МССР - ДД I, 107;ДМР). В Б-зоне - сомнительно наличие в арумынском(отмечено у: M.-Scărătoiu 101); алб. bullăr (Fjalor;Mann); как признанное заимствование из румынского(Niță-Armăș 74; Орел;M.-Scărătoiu и под.) - с.-х. балаур, балаура, блăвор, блаор, блăббр, главор и др. 'вид змеи(=полоз)', и: 'вид черепахи', ' ~ морской рыбы' (Черногория, Герцеговина, Дубровник), уничтожительное прозвище(Сербия)(PCA I, 268, 596, 657;ср.RJA); словен. blávor, babor, mlavor 'сказочная змея', moláver 'болезнь змей' (Bezljaj ; Plet.); может быть, сюда же - и н.-гр. μόλωρος 'вид змеи', μόλωρες 'вид кузнеца'(Dimitrakos).

+buZa - балканский элемент (< ?; считается компонентом общего албано-румынского лексического фонда: Rosetti.ILR II, III; в последнее время в качестве источника предложен албанский язык [=генетически близкий к фрако- дакийскому], ср. алб. buzë < и.-е. *bhudh-i= - Калуж.155; база глубинной этимологии в: Топоров. 1976, с.3; Топоров.1978, с.135 и сл.); алб. buzë 'губа', 'конец, край; берег; обломок скалы, вершина', 'рыло' и др.(Fjalor; Mann; Meyer), в восточнороманском - из (ранне)албанского(="субст -

рат"; ср.: *Skok*; БКР); рум.диал.búză, búfa 'губа' (везде - ALRM II, № 29, 30, 32), búză, búfa, búzale 'нос лодки' (Транс., Банат - ALR sn III, 841), búză, búzale sănii 'передок саней' (там же - ALR sn II, 359), ср. buză и 'край сосуда', 'острие, вершина' и др. (DLR; DLR LC); молд.диал.'buză', 'buză' 'губа' (ОКДА), buză, budză 'то же', 'край котла', '~ проруби', 'передняя часть саней' (ДД I, 171; ДМР). В Б-зонах: арум.budză 'губа, край' (и дериваты - *Papahagi*), мегл.buză 'то же' (*Cioranescu*). В северославянских языках соответствия ^{+bu-}za в перечисленных значениях не отмечены (формы типа пол.buzia 'ротик, лицико', укр.buzя [детск.] 'то же' и под. являются, вероятно, звукоподражательными, ср. нем.Buss, и здесь не рассматриваются, подробнее: Калуж.); в балканославянских языках: с.-х.búza, búdza 'губа', 'рот' (Банат- РСА), buză 'край котла' (Косово - Елец.), buzat 'губатый' (Лесковац - Митровић; но хорв. buză 'яма' < ит.bubo - *Jurišić*), мак.диал.buză 'губа' (ОКДА; РМУ), ср. и buză 'то же' (и дериваты - Костур - БД УШ); обычно для болгарского: búza 'щека' (о филиации 'щека' ← 'край, берег' - Калуж.), в словарях: Геров; БТР; РСБКЕ; РБК; диал.búza 'то же' (центр., родоп., с.-зап., обл. Странджа, р-н Пирот СФЮ - БДА I, № 244, III № 274, IV № 341, V № 329; в БДА II № 248 - некоторые пп. в р-не Котел, Севлиево) и лишь в р-не Силистры búzi 'губы' (БДА II, № 247). Ряд исследователей для славянских форм предполагает заимствование из (ранне)албанского (см. выше); с другой стороны, допускается влияние румынского на болгарский (*Nită-Armăș* 77; Rosetti. ILR IУ-УІ, 126; ср. в этом отношении семантику 'губы'), на сербский (M.-Scărătoiu 107); упомянем и венг.диал.buză, сакс.buze 'то же' (CPP - цит. по: Калуж.). Вопрос о роли (и периодах) восточнонемецкого (resp. румынского) влияния, применительно к данной лексеме, может быть решен в результате специальных исследований, в том числе лингвогеографических.

^{+furka} (:лат. furca 'вилка', ср.ит. forca, энгад. fuorka и т.д. - M-Lübke № 3593) - рум. furcă 'вилы' (и 'часть плуга', 'мельницы', 'виселица' и под.) и 'прялка' (DLR; DLR LC), диал. fúrcă, fúrcă 'прялка' (зап. Транс., Молдова - ALR sn № 440), и: furcă, furcuță, furculită 'вилка' (ALRM sn № 843; см. также № 852), молд. фуркэ - те же значения (ДМР; Скуорт; подробно о семантике фуркы, фуркэ см.: ДД У, 74-75); арум. furcă 'прялка' (и furculită 'вилка' - *Papahagi*), мегл. furcă (*Candrea* № 693). О локализации - укр. (лемк.) фурка 'прялка' - см.: Гринч.; также: *Vrabie* 143). Может быть, сюда же и венг.furkó 'Streitkolben', 'Knotenstock' и

др. (<лат.furca [?]- MNyTESz). Как восточнороманизм в Б-зоне (см. Niță-Armăș 85; Rosetti ILR II-III, 125; Candrea и др.) - болг. хурка 'прялка' (и фурка «обл.» - БТР; и: Геров; РСБКЕ; Младенов),ср. диал. (ф.)урка 'то же' (Ихтиман - БД III), урка, уркъ (Родопы, Карлово, Пирдоп, Гюмюрджина - БД II, IV, VI, VII), фурка (р-н София - БД II; ср. и: Костур - БД VIII), однокоренное - фъркулица 'вилка' ('обл.' - БТР; диал. фуркулица, фркулица - БД III-VI и т.д.); мак. фурка 'прялка' (PMJ ; р-н Гостивар - Поповски, карта № 9); с.-х. furka 'большой округлый кусок дерева' (RJA - считается заимствованным из венгерского, см. выше: furkó). Как заимствование из латинского рассматривается алб. furke 'прялка' (Meyer ; и как < рум. furcă - Candrea), ср. и: furkë 'то же', 'палка для собирания плодов', 'поддерживания ветвей с плодами' (и furkëz) (Fjalor); н.-гр. φούρκα, φούρκη (дим.) 'вилообразный кол, палка; брус' (< лат. - Dimitrakos 9, 7689; там же φούρκα < тур. 'узкое место').

III. Элементы, зафиксированные лишь в К-зоне.

⁺feREG= (:лат. filex, filice 'Farnkraut' - M-Lübke № 3294 и filicaria 'то же' - № 3298; Candrea № 577; Cioranescu; Скурт), слово фиксируется лишь в К-зоне: рум. диал. férică, féregă, férecă, ferice 'папоротник' (Марамуреш, Транс., зап. Олтения), félíga 'то же' (Прахова, Вранча) (ALRM sn II, 446), féregă 'то же' и Spirea Filipendula, ferice, feregă, ~ alba 'aglică', ferecea 'Tanacetum vulg.' (DLR; DLRLC); молд. диал. (Буковина, Закарпатье) 'feriku' 'папоротник' (ОКДА; ДМР); из восточнороманского вошло в славянские диалекты К-зоны (Niță-Armăș 85; Crângala 258; Machek и т. д.): пол. 'feręcyna', ferecyna, floracyna, pereczyna и под. (ОКДА; Цешин, Подгалье, Живец, Орава - AJPP № 296; Karłowicz; Łukasik ; также: Herniczek-L.orozowa II-III, 102), ср. floraczyna 'куст ежевики' (Н. Сонч, Бескиды - Herniczek-Morozowa), мор. fere'č'ina, 'feračka', 'peračyna' 'папоротник' (ОКДА; Bartoš), слц. диал. (с.-зап.) 'feračina' 'то же' (ОКДА; см. и: SSJ). В Б-зоне лексема зафиксирована в арумынском: fearică 'папоротник' (Papahagi) и мегл. férică 'то же' (ALRM sn).

⁺pac(i)= - исконный элемент (:лат. patire 'страдать, терпеть' - M-Lübke № 6294; и * patium 'страдание' - № 6295); ср.: Candrea; Скурт и под.), рум. (везде): pătăsc, pătesc 'страдать', 'терпеть' (ALR sn V, 1392; см.: DLR; DLRLC), молд. диал. о ре - 'сыт' 'попал в беду' и др. (ОКДА; ДМР), помимо этого, отмечено значение 'случиться - о чем-то неожиданном, неприятном' (DLRLC) ;

заимствовано в некоторые славянские (и иные) говоры зоны: к.-урф. (буков., гуцул.) 'ra'suty 'терпеть, страдать', 'попасть в беду' - ОКДА (и: Vrabie I65; Желех.; Гринч. и др.), о существовании глагола в польских и саксонских говорах (в СРР) - Vrabie ; венг. диал. (Закарпатье) ra:csan van 'попасть в беду', 'страдать' (ОКДА), демонстрирует возможность сближения лексического элемента нероманского происхождения (ср. венг. pácol 'травить; солить', также pács [~ ban van] 'быть в затруднительном положении' и под. - из бавар.-австр. paissen, нем. литер. beizen 'протравливать' и т.д. - MNyTESz III, 52, для которого есть прямые соответствия: укр. pac, pácovat, слц. páč, с.-х. pácati и т.д. - Macheck) с презентантами в.-роман. ⁺pac(i)- и усвоение их семантики (= 'страдать'). Существование значения 'попасть в трудное положение' в венгерском, молдавском и др. требует специального объяснения. В Б-зоне - арум. pat, păfăscu 'страдать, терпеть', 'случаться, происходить' (Papahagi). Следует иметь в виду, что в славянских языках зоны представлен глагол того же корня, но заимствованный в иной форме, ср.: с.-х. pátit 'страдать' (< лат. patitor - Skok ; RJA ; на о. Сусак, Вргада - Jurišić I50), болг. пáти 'то же' (Геров; БГР; РСБКЕ) и диал. пáта 'то же' (Банат - Стойков ; Ихтиман, Плевен - БД III, VI; Костур - БД УШ), пáтим (Н. Село - Млад. 263; Самоков - БД III), пáт'ъ (Гюмюрджина - БД VI), пáтам (Родопы - БД II).

⁺afin- 'растение черника' элемент неясного происхождения (наиболее полный разбор версий - Кравчук. КДО I29 ; см.: Cioranescu ; DLR ; MNyTESz) : рум. afin, afină, диал. (зап.) afiră (DLR), молд. диал. афин (ДМР; ОКДА; Скуорт); однако в диалекты иных языков зоны, несомненно, вошел через восточнороманское посредство (Níță-Armăș 72; Vrabie I27;), ср.: к.-урф. афина, афины 'то же' (растение, плод) (и дериваты - Гринч.; ср.: ОКДА; Закревская. ОЛА. I985-I987; AGB № 59; ; МСБГ I, II; ЕСУМ и др.), пол. afyna, afuga, jafera 'то же' (AJPP № 297; ОКДА; Łukasik 208; Sławski ; SW и под.) мор. hafera 'то же' (ОКДА; Закревская; Bartoš), слц. jafura, hafera (ОКДА; ASJ IУ, П, № 6; SSJ ; Macheck); венг. áfonya (с XVIII в.), áfanya, áfinya 'то же' (MNyTESz). В Б-зоне с большим сомнением может быть указано арум. afingă 'то же' (< ? - Papahagi), которое, по-видимому, корреспондирует с мак. диал. ofinka 'то же' (Титово - Reiter); однако отношение

данных форм к рассмотренным выше – неясно, ср., например, возведение мак. ofinka к гр. ὄπιον 'опиум' (в свою очередь объясняемое влиянием тур. afyon 'то же' – Reiter 178).

Можно упомянуть здесь и некоторые другие, специально изучавшиеся изоглоссы, которые увеличивают число карпатизмов, иррадиированных восточнороманским. ⁺albi= (:лат.alveus и albeus 'Trog'; ср.ит.диал.albi, arbi,abio и др.– М.-Lübke № 392) – в.-роман. albie,албие(диал.'alg'i ji') 'корыто' и под. > пол.'hal'bija, 'xa-l'b'ia,val'bija, мор.'hal'b'ija, 'hal'vija', слц.'hal'bil'a,val-bija, к.-укр.'val'biika и др.'то же' (ОКДА; Прилози 141; см. и: Кл.1982, с.76 и сл.); ⁺žEntica (' в.-роман.'jintiža,жинтица < слав.*že[t]= + =ica < *žeta syrovatka – см.:Petrovici Sl.*žeti-ca; также:Niță-Armăș 88; Vrabie 181; Cioranescu ; Скуорт; MNyTESz; подробно: Кл.СНТ,124) – рум.'jintiža (jintižă и др.) 'виды сыворотки', молд.'жинтица(диал.'žyntică и др.) 'то же' (ОКДА; ДД П, 72) > пол.'ž' yńč'ica, zei'tysca и др., мор.'žynčysca, слц.'žincica, 'žint'i-ca, к.-укр.'žyn'tyc'a, 'žentyc'a, венг.'žendice и др.'то же' (все – ОКДА; Кл.СНТ). В Б-зоне лексема (в романизированной форме) не зафиксирована.

В рамках данного типа важно и изучение изоглосс, репрезентирующих более сложные ситуации, – например, когда на первый взгляд единый БК-ареал может быть интерпретирован как результат суммирования влияний, исходивших из разных центров иррадиации, при этом восточнороманское языковое пространство является одним из них, а пути миграции конкретных лексических элементов достаточно четко локализуются в пределах К-зоны. ⁺kopil= 'ребенок', 'незаконный ~' – фиксируется в БК-зоне (анализируется здесь в рамках "балканской" этимологической версии, согласно которой источник – албанский язык, ср.: [ново] алб.'kopil < *ko=pil , где ko= [< *k^uo-] – приставка, =pil= – причастие от *pel=no [ср. алб. pjell'рождаться'] подробнее: Kutsos 124; Hubschmid 66; Орел.СБЯ 204; иные версии и литература – ЭССЯ II, 32 и сл.). В К-зоне: в.-роман. cópil копил 'ребенок', 'мальчик', 'сын', 'незаконный ребенок', 'сирота' (и 'побег растений', иначе – ЭССЯ), о географии лексемы и дериватов – ALR sn 1584, 1626, 1682 и др., ALR П, 91, 136, 146, ALR I, 263; ДД П, 221, 239; ОКДА; DLR и под.; далее – заимствовано в иные языки и диалекты ареала (Cioranescu; Niță-Armăș 82; Machek и др.): пол. диал.'koruż, ko'r'yrn'ak 'внебрачный ребенок' (редко; ОКДА), слц. диал.'kopil, 'kopilec, ko'pirdan (ОКДА), к.-укр. 'ко'rýl, koru'l'a 'то же' (ОКДА; КДА № 65; AGB № 181; Гринч. и др.). В Б-зоне: с.-х.

копилē (и дериваты) 'внебрачный ребенок' (PCA; RJA) и диал. копиле, копил'ак 'то же' (ОКДА), мак.диал.'копил', 'ко'pile', 'кopele' 'то же' (ОКДА; см.и: Кл.1987; см.также: РМ J), болг.диал.кóпеле и кóпиле(на большей территории) 'внебрачный ребенок' и 'мальчик, парень' (Родопы, Странджа БД I, II ; Сев.Добруджа), в словарях: кóпеле - в обоих значениях («разг.»- БТР; также Геров; РСБКЕ и др.) Алб. копил 'внебрачный ребенок', но и 'рабочий на тяжелых работах', 'слуга', также 'хитрец' (Fjalor ; Fjalor.1981Mann) , кроме того 'мальчик, юноша' (Leotti) и дериваты,ср.диал. ко'пил 'ребенок', 'внебрачный ~ ' (ОКДА - Косово); арум. сбрил,сбрилă 'внебрачный ребенок', со-релă 'девушка', 'незаконная дочь' (Papahagi), мегл. сбрил 'внебрачный ребенок' (Capidan .III, 77); н.-гр.(дим.) κοπέλλι,κοπέλλα 'слуга, служанка' (Dimitrakos 5, 4036), ср.-гр.κόπελος 'внебрачный ребенок', κοπέλη 'юноша', κοπέλα 'девушка' (Hubschmid). На Балканах основным центром иррадиации, по-видимому, является албанский язык (ср.: Meyer ; Hubschmid 66; Skok); другой источник влияния - греческий, что отражается, вероятно, в существовании форм с е в корне, а также в расширении семантического объема соответствующих лексем (в направлении нейтрализации пейоративности) (см.: Филиппова-Байрова.БЕз 16.1966, с.320 - для болгарского; Papahagi 305 - в арумынском; ср. и новоалбанские формы). Восточнороманское влияние в Б-зоне, представляется незначительным, о нем можно говорить, прежде всего, применительно к зонам непосредственного контактирования(и билингвизма), ср., например, в славянских анклавах СРР - с.Х. сопилаši 'побочные побеги кукурузы', болг. сбрелета 'то же' (ALR sn ,103; также: СбНУ LI 43) и под.

* * *

Анализ ареалов ряда лексем, которые (в соответствии с предварительным изучением) квалифицированы как "восточнороманизмы" разных типов, позволяет выявить достаточно сложную картину пространственного соотношения указанных элементов в масштабах всей БК-макрозоны и ее частей - зоны БЯС и зоны вне БЯС, и таким образом, установить топостратификацию интересующих нас заимствований. Дальнейшие исследования, по-видимому, должны быть направлены на установление степени семантической дифференциации данного региона; полученная в результате лингвогеографическая проекция филиации значений заимствованных из восточнороманского лексем может быть интерпретирована в плане диахронии²⁰ , что, несомненно, будет способствовать уточнению (и детализации) путей и самого

характера их миграций в макроареале (например, возможно разграничение "прямых" и "опосредованных" проникновений и под.).

Вероятно, следующий круг задач изучения восточнороманского пласта в лексике языков БЯС и К-зоны - установление временных соотношений (=хроностратификация) элементов, проникавших в языки БК-макрозоны в различные периоды взаимодействия восточнороманского и славянского, греческого, албанского и иных этносов, а также - описание специфических особенностей Б-зоны, где, как известно, восточнороманское влияние фиксируется в течение значительно более длительного (по сравнению с К-зоной) времени, - начиная с УІ-УІІ вв.н.э., когда предки южных славян, пришедшие на Балканский п-в, вступили в интенсивные контакты с многочисленным романизованным населением, говорившим на формировавшихся в тот период восточнороманских языках²¹, и до наших дней.

СНОСКИ

- 1 Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, с.5.
- 2 арумынский, мегленорумынский языковые идиомы (см.: Rosetti. ILR. ІІ-ІІІ, р.17-18 и сл.)
- 3 понимаемого как в определенном смысле социолингвистический феномен.
- 4 подробнее о МККБ (=Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и Балкан) см.в: Carpatobalcanica. XV. Bratislava, 1985.
- 5 Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1988, с.9 и сл. (далее - ОКДА).
- 6 Клепикова Г.П. К проблеме взаимоотношения языков центральной и периферийной зон балкано-карпатского ареала//ОЛА. 1982. М., 1985, с.74, 77 (далее - Кл.1982).
- 7 Подробнее о "балканизмах" и "карпатизмах" в карпатском языкоизании впервые см.в: Бернштейн С.Б. Карпатский диалектологический атлас//ВЯ. 1963. № 4. с.79; он же// Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; также: Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П. Лингвогеографическое изучение карпатской (карпато-балканской) и проблема диахронической интерпретации "карпатизмов"// ОЛА. 1985-1987. М., 1989; о "балканизмах" в балканистике, трактуемых как "изменения (явления), проходящие по всем языкам или группе языков БЯС (и даже в каждом отдельном языке)" - см.: Цивьян Т. В. Указ. соч., с.272.
- 8 Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с. 22 (далее - Кл.СПТ).
- 9 Цивьян Т.В. Указ. соч., с.273-275. Отметим также следующее. Сказанное не означает, что в языках БЯС отсутствуют заимствования на грамматическом (и словообразовательном) уровне; однако они, как можно убедиться, нерелевантны для общей структуры БЯС, т.к. остаются индивидуальными чертами соответствующих языков

- (манифестируя "непохожесть" его членов - на фоне несомненного сходства). Ср. существование в восточнороманских языках вocationa на =o (< слав.=o) (Rosetti.ILR III, p.51)
- 10 Цивьян Т.В. Указ. соч., с.275, 279, 294.
- 11 Бернштейн С. Б., Клепикова Г.П. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Итоги. Перспективы // Славянское языкознание. VIII Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с.29 ; они же. Лингвогеографическое изучение...
- 12 Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. У. 1970, с.25; Вайнрайх У. О семантической структуре языка, там же, с.163 и сл.
- 13 Десницкая А.В. Типы лексических взаимосвязей и вопросы образования балканского языкового союза // Славянское языкознание. X Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988; там же - литература.
- 14 В настоящее время известно большое число работ румынских славистов, изучавших данную проблему применительно к украинским говорам (Э.Врабие, И.Любук, И.Робчук, К.Регуш и др.); ср. и фундаментальный труд Ст.Стойкова, посвященный лексике болгарского анклава в Банате и под.
- 15 подробнее: Клепикова Г.П. - В: ОЛА. 1980. М., 1982.
- 16 подробнее: Клепикова Г.П. - ОЛА. 1972. М., 1974.
- 17 Щабей Е. Статьи. - SCL XII, 1961 ; Десницкая А.В. К вопросу о раннеисторических языковых связях восточных славян с Балканским лингвистическим ареалом // Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 88; там же - литература ; Орел В.Э. Состав и характеристика субстратного appellативного фонда балканских языков. АКД. М., 1984, с.8.
- 18 Rosetti A. Статьи. - RS IV, 1960, p.65.
- 19 См. некоторые опубликованные концепции Атласа, принадлежащие Т.В. Цивьян (СС 1966, № 3), М.Младенову и др. (Balk. XX, 1977) и под.
- 20 Ср. известное положение лингвогеографии о возможности переосмысления пространственных (=синхронных) отношений как времен - ий (=диахронических), реализующее более общий принцип организации языка - сочетание "статики" и "динамики", из чего следует: "диахроническое развитие языка как бы запечатлено на синхронном уровне" - см.: Судник Т.М., Цивьян Т.В. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия // Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с.203.
- 21 Десницкая А.В. Типы..., с.138. Кстати, именно ситуация в Б-зоне доказывает необходимость понимать термин "восточнороманские языки" как обозначающий не только родовое понятие, по отношению к которому "румынский", "молдавский" и иные идиомы представляют пойнты видовые, но и как некоторое общее состояние (унаследованное от народно-разговорной латыни на Балканах = «балканской латыни»), исторически предшествующее конституированию отдельных романских идиомов в БК-пространстве.

* * *

Сокращения

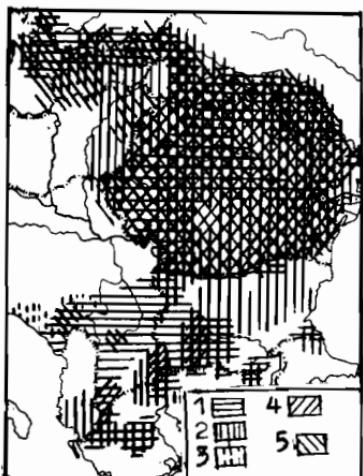
БЛА - Български диалектен атлас. I-IV. С., 1964-1978; ДД - Дикционар диалектал. I-У. Кишинэу, 1985-1986; ДМР - Дикционар молдовенеско-рускеск. Кишинэу, 1961; Дуриданов - Дуриданов И. Местните названия от Ломско. С., 1952; Елез. = Елезовић; ЕСУМ - Етимологичний словник української мови. Київ, I, II, 1982; Зеленина - В: БД Х, 1981; Ільчев - Ільчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите. С., 1969; Калуж. - В: СБЯ. М., 1983; КДО - Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972; Кл. 1987 - В: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987; Кравчук. КДО - В: КДО; ЛАЗГ - Дзендерівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. Ужгород. I, II. 1958, 1960; Лизанец - Лизанец П. Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976; Млад. - Младенов М. Говорът на Ново село. С., 1969; арх. Млад - архив М. Младенова; МСБГ - Матеріали до словника буковинських говірок. I- . Чернівці, 1971- ; Прилози - Прилози - МАНУ. III. Скопје 1988; Орел - В: СБЯ. М., 1983; РБЕ - Речник на българския език. I- . С., 1977; РМЈ - Речник на македонскиот јазик. I-III. Скопје, 1961-1966; РРОДД - Речник РОДД; РСБКЕ - Речник на съвременния български книжовен език. I-Ш. С., 1954-1959; С. - София; СБЯ - Славянское и балканское языкознание. М.; Скурт - Скурт дикционар етимологичик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978; СЛ - Славянская лексикология и лексикография. М., 1966; СМБД - Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М.; СРНГ - Филин; СС - "Сов. славяноведение". М.; Стойков - Стойков С. Лексиката на башатския говор. С., 1968; Топоров. 1976 - В: Этимология. 1974. М., 1976; Топоров. 1978 - В: Этимология. 1976. М., 1978; Шклифов - Шклифов Б. Долнопрестанският говор. С., 1979; АГВ - Atlas gwar bojkowskich. I-. Warszawa, 1980- ; АГРП - Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934; ALR (sn) - Atlasul lingvistic român I; II. Buc., 1938-1940; sn - I-VII, 1956- ; ALRM (sn) - Micul atlas lingvistic român. I; II; Buc., 1938-1940; sn - I-III, 1956-1967; Andriotis. Lex. - Andriotis N. Lexikon der Archaismen in Neugriechischen Dialekten. Wien, 1976; ASJ - Atlas slovenského jazyka. Bratislav., IV, 1987 ; Bern. - Berneker; Bratislav. - Bratislava; Buc. - Bucureşti; Candrea - Candrea I., Densusianu O. Dictionarul etimologic al limbii române. I. Buc., 1914; Capidan. Alb.-rom. - B: "Dacoromania". II. Buc., 1922; Capidan - Capidan T. Meglenoromanii. III. Buc., 1935 ; Cioranescu - Cioranescu A. Diccionario etimológico rumano. I-. Tenerif, 1958- ; Crâncală - Crâncală D. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. Praha, 1938; Dejna - Dejna K. Leksykalnie zróžnicowania gwar w Zaleszczyckim. Lódz, 1959; Dict. - Dictionarul elementelor românesti din documentele slavo-române. 1374-1600. Buc., 1981; Dimitrakos - Δημητράκος Δ. Μεγάλεξικόν διῆγης τῆς ελληνικῆς γλώσσης. Αθήνα. 1-. 1939- ; DLR - Dictionatul limbii române. I-. Buc., 1913- ; DLRIC - Dictionarul limbii române literare contemporane. I-III. Buc., 1955-1957; Fjalor - Fjalor i gjuhës shqipe. Tirane, 1954; Fjalor. 1981. - Fjalor i gjuhes shqipe. Prishtine, 1981; Herniczek-Morozowa - Herniczek-Morozowa W. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. II-III. Wrocław..., 1976; Horehronie - Horehronie. Bratislava, 1969; Hubenschmid - Hubschmid J. B: ZfBalk. XVI, 1980; Jurišić - Jurišić B. Rječnik govora o. Vrgade. II. Zagreb, 1973; Karas - Karas M. Studia nad dialektologią ukraińska i polska. Kraków, 1975; Leotti - Leotti D. Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937; Lipták - рукоп.; Mann - Mann S. An Historical Albanian-English Dictionary. London, 1948; Matejčík - Matejčík J. Slovník východonovohradského náre-

cia Banska-Bystrica.1972; MNyTESz - A Magyar nyelv történeti etimológiai szótára I-III.Budapest,1967-1976; N.-Scărătoiu - B:RESEE 1972,1973; Nutsoş - B : Balkan Studies.1969-1970; Nită-Armăş - B: RS XVI 1968; Palkovič.Výskum - рукопись (Filozofická fakulta UK.Bratislava,1976; Papahagi - Papahagi T.Dictionarul dialectal aromân general și etimologic.Buc.,1963; Petrovici - Petrovici E.Studiile de dialectologie și toponimie.Buc.,1970; Petrovici Sl.*Zetică - B : Studia Universitatis Babes-Bolyai.Filologia.Cluj,1960; Puşcariu - Puşcariu S.Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache.I.Heidelberg,1905; Reichenkron - Reichenkron G.Das Dakische.Heidelberg,1966; Reiter - Reiter N.Der Dialekt von Titovo-Veles.Berlin,1964; Ripka - Ripka I.Vecny slovník dolnotrenčian - ských nárečí.Brat.,1981; Rosetti - B: RS IV,1960; Rosetti ILR - Rosetti A:Istoria limbii române.I-VI.Buc.,1964-1966; RS - Romanoslavica.Buc.; SCL - Studii și cercetări lingvistice.Buc.;SJP₁ - Doroszewski; SW - Варшавский словарь ; Vrabie - Vrabie E.B: RS XIV,1967; ZfBalk. - Zeitschrift für Balkanologie.Wiesbaden.

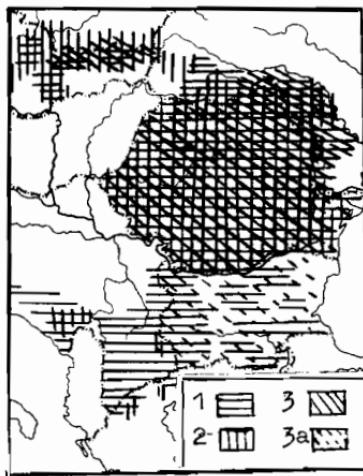
Остальные сокращения см.в издании Ин-та русского языка АН СССР "Этимология".

* * *

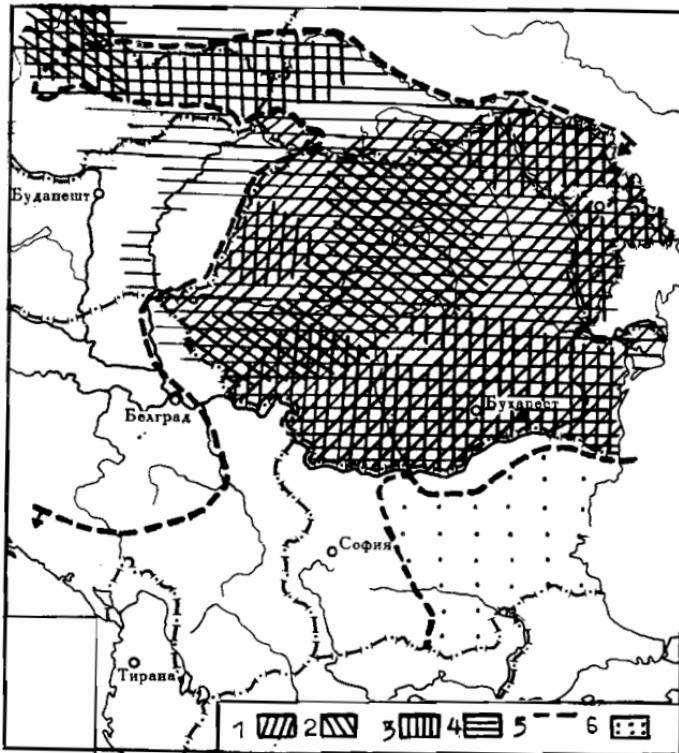
Карты изоглосс I-III.

Карта изоглосс I

Карта изоглосс II

Карта изоглосс III.

Легенды:

Карта I: 1. ⁺urda, 2. ⁺kOlastera, 3. ko[u]nastra, kulizdra и под.; 4. ⁺spuza, 5. ⁺StrunGa.

Карта II: 1. ⁺guša, 2. ⁺plek(a)-, 3. ⁺Zestra, 3а ⁺zestra (по недиалектологическим источникам).

Карта III: 1. ⁺pac(i), 2. ⁺feREG-, 3. ⁺albi-, 4. ⁺Zentica, 5. ⁺ko-pil, 6. ⁺kopl (по недиалектологическим источникам).

Л.А.ГИНДИН
И.А.КАЛУЖСКАЯ

БАЛКАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТСКОГО
АРЕАЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Карпатский ареально-этимологический словарь (КАЭС), создаваемый в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, посвящен диахронической интерпретации изоглосс, образующих языковое пространство карпатского ареала. В этот многомерный хронологический и разнородный по составу языков ареал на синхронном срезе входят: диалекты близкородственных славянских языков (польского, чешского, словацкого, украинского), отдаленно родственных на уровне индоевропейских подсемей (восточнороманские) и, наконец, диалекты венгерского языка, принадлежащего иной языковой семье. Диахронически в карпатскую зону включаются и южнославянские языки, история которых связана с более или менее длительным пребыванием предков южных славян в районе Карпат и близлежащих территорий. Сюда же могут быть приурочены местные диалекты ассимилированного восточнороманским и венгерским этносами славянского населения, так называемые "дакославянский" и "паннонославянский".

Все перечисленные языки и диалекты появились в карпатской контактной зоне не одновременно, пройдя совершенно особый путь развития в процессе своего генезиса и вступили в перекрестные отношения на различных хронологических этапах. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на всю гетерогенность лексических единиц, образующих многомерное карпатское языковое пространство, карпатистика в целом имеет славистическую направленность, так как все разнообразие интерференционных процессов в этой зоне исследуется прежде всего по отношению к славянским языкам и диалектам, будь то взаимодействие их между собой (от позднепраславянского состояния до современности, при этом отправным пунктом исследования оказывается наличие карптоукраинско-южнославянских лексических тождеств на фоне региональных карпатских позднепраславянских изоглосс в целом) или отношения с неславянскими языками. С другой стороны, особый статус южнославянских языков (географически – Балканы, лингвистически – принадлежность части из них к балканскому языковому союзу) тесным образом увязывает собственно

карпатскую и балканскую проблематику.

Следует отметить, что карпатская ареальная общность приобрела относительно законченную форму довольно поздно (по сравнению с близкой ей территориально балканской), главным образом в результате массовых миграций балканского населения в левобережье Дуная, а также под влиянием так называемой "валашской колонизации", вследствие чего образовалась сеть изоглосс, возникших по миграционному принципу *Wörter und Sachen* в связи с распространением в указанном районе наиболее эффективных для того времени и потому доминирующих способов и частных приемов производственной деятельности. Все это обусловило перекрестное взаимопроникновение лексем вместе с соответствующими реалиями (прежде всего в сфере пастушества, строительства и т.п.).

На основании ряда соображений представляется возможным предложить следующие хронологические ориентиры становления карпатской языковой общности: 1) позднепраславянская диалектная общность в пределах Северных Карпат и Прикарпатья в период, предшествующий транскарпатской миграции славян; 2) контакты славянского и восточнороманского населения в левобережье Дуная (с начала VI в.н.э.), 3) начало процесса славянизации Балкан (первая четверть VI в.), 4) приход венгров в Паннонскую низменность, окончательно разорвавший сохранившееся здесь культурные и языковые связи северо- и южнославянских диалектов (конец IX в.) (необходимо также учитывать, что Венгерская котловина была в течение IV – третьей четверти V в. во владении гуннов, а затем с начала VI в. по рубеж VIII-IX вв. принадлежала аварам, что не могло не оказать известного влияния на развитие праславянских диалектов в пределах Карпат), 5) болгарская государственность в северодунайских областях (IX-X и XI вв.), 6) валашская колонизация (с XIII в.), 7) миграции балканского населения в левобережье Дуная после османского завоевания.

Подлежащий изучению в КАЭС изоглоссный пласт в достаточно схематичном представлении состоит из нескольких компонентов:
I. Славянский компонент (а) сепаратные карпатоукраинско-(и -шире – карпатославянско-)южнославянские изолексы, (б) карпатославянско-южнославянские изолексы, характеризующиеся сдвигом значения по отношению к праславянскому (оба вида явлений обычно связывают с "карпатской миграцией славян" в позднепраславянский период^I), (в) изолексы, образовавшиеся в результате более позднего регионального контактирования славянских

диалектов севернокарпатской зоны – польских, чешских, словацких, украинских. П. Миграционный компонент (а) восточнороманизмы, (б) унгаризмы, (в) южнославянизмы, (г) тюркизмы, чаще всего проникавшие опосредованно. Отметим, что восточнороманизмы и унгаризмы квалифицируются в качестве таковых независимо от их более глубокой этимологии, которая, в свою очередь, может быть субстратной, романской, угорской, тюркской, славянской и пр.). В соответствии с названными двумя компонентами КАЭС будет состоять из двух частей. В основу словника I части положен вопросник КДА и его карты², II части – вопросник ОКДА³.

Работа над КАЭС базируется на принципах современной этимологической науки, предусматривающей как одну из исследовательских процедур ареальный анализ этимологизируемого слова, а также восстановление по возможности полной истории лексемы в данном ареале с особым вниманием к так называемой ближней этимологии и к семаническим особенностям лексемы на фоне остальных родственных языков (последнее относится прежде всего к славянскому компоненту КАЭС).

В качестве примера ниже приводятся 2 пробные статьи, иллюстрирующие разные аспекты второй части КАЭС⁴.

+car(V)k

Польск. carek m. 'отгороженное место в сарае'; 'клетка под печью для кур' (SJP I, 255); 'курятник, огороженное место в хлеву для гусей, коз' (р-н Кракова – Kicza I34); 'огороженное место на поляне, в лесу, где зимой ставят копны сена для серн' (р-н Живца – Raniut 5); corek 'маленькая загородка в доме, хлеву, подвале' (также carek – AJPP №63), 'небольшая загородка, огороженное место в здании или кошаре, предназначенное для молодняка' (р-н Чешина, Новы-Тарга, Новы-Сонча, также cárak, р-н Живца, Новы-Тарга – Herniczek-Morozowa I, 46), carnik m. 'огороженный угол в комнате крестьянина' (Lukasik I93).

Чеш. (мор.) cárek m. 'загородка в хлеву для теленка (валаш.) 'уголок в доме (для кур)' (Bartoš 34), 'загородка в хлеву для телят, кур; загородка для кормов над печной лежанкой' (Kott 32); côrek m. 'загородка в хлеву для телят, овец, гусей'; 'загород-

⁺ В статьях использован материал картотек, составлявшихся помимо авторов также Г.П.Клепиковой, Е.Н.Овчинниковой, Т.Ф.Семеновой, Е.А.Хелимским. В связи с ограниченным объемом доклада диалектный материал дается с сокращениями.

ка в подвале для картофеля' (Kellner П, I4I).

Слвц. carok диал. 'огороженное место в хлеву' (ssj I, I56); 'огороженное место для телят, ягнят; загородка для скота вообще', 'оплетенное место для...подстилки в хлеву или поблизости; место, предназначенное для корма скоту', 'отдельное огороженное место в хлеву для телят или свиней' (верхнее течение р.Грон - Morehronie I, I62; П, 70); 'загородка для больных овец или ягнят на пастушеской стоянке' (Podolák I99); 'огороженное место для хранения картофеля в сарае'; 'место, выделенное для телят или поросят' (р-н Новограда - Matejčík I23); 'выгороженное в хлеву место для сечки корма (для телят, кур)' (Kálal 5I-52).

Укр. царок м. 'вообще огороженное место, например, для телят', 'загороженное место под печью или под полом хаты, где держат домашнюю птицу' (Гринченко IУ, 423); 'отгороженная часть хлева (или хаты), где помещают теленка, ягненка или поросенка' (прикарп., закарп., гуцул., буков.), 'курятник, насест' (бойк., закарп., прикарп.), 'клетка, в которой везут живность на рынок' (р-н Городенки), 'огороженная часть погреба, хаты, хлева, где насыпают картофель' (бойк., закарп., прикарп., гуцул., буков.), 'отгороженная часть хаты, где складывают что-либо, кладовая' (гуцул., закарп., буков.), 'небольшой шкафчик, часть посудной полки' (прикарп., гуцул.) - (КДА I89-I90, №I27); цárók 'небольшое огороженное в хате, хлеву, погребе место для кур, живности' (р-н Турка - Karaš 38); carok, carek м. 'место, загороженное для ягнят, телят, овец, свиней (в избе, хлеву)', 'место загороженное для картофеля' (ю.-вост. Польша, р-н Турки), 'место загороженное для кур, курятник', 'загородка вообще' (ю.-вост. Польша, с.-вост. Словакия) - (AGB 40, №20); 'sarok' место, где курица высиживает яйца' (р-н Леско в ПНР, 'carok - р-н Турки, Сколе - AGB 41, №21).

Рум. tarc ср. 'ограда из ивовых прутьев, в которой хранят сено и солому, держат овец и других домашних животных' (Tiktin III, I56I); 'загон для ягнят' (ALRes П, №402), 'стойло' (ibid., П, №392), 'загон для овец на пастушеской стоянке' (Вост.Карпаты - Vuia I50), 'загон, чтобы отделить ягнят от овец' (сев. и южн. Олтения - ALROlt IУ, №777), 'огороженное место для хранения сена' (массив Кэлиман, р-н Брашова - Vuia I22, I43, 97; Брад, Хацег, Сибиу, Зап. Румынские горы, Вранча, Сербский Банат - Клепикова. СПТ 203, прим. 67 с лит.), 'ларь в винном прессе' (Tiktin III, I56I).

Молд. царк ср. 'огород (возле дома)' (центр. и зап. Молдавия - АЛМ П/2, № 953); 'огороженный загон для овец', 'гумно, ток'

(ДМР 710).

Болг. царк м. 'помещение, где складывают кукурузу' (р-н Силистры - Кочев 100).

Алб. thark M. 'огороженное место для скота и свиней', 'огороженное место, где приготовляют молочные продукты', 'огороженное место на земле для хранения зерна', 'помет (детеныши домашних животных)' (Fjalar 582), также 'амбар для кукурузы, стог кукурузы' (WAD 587), 'свинярник', 'силосная яма' (Mann 532).

Н.-греч. ὅπερκος 'загон, где содержатся ягнята или козлята, пока овцы или козы пасутся' (Dimitrakos IX, 7324).

Территория распространения лексемы ^{+t}car(V)k включает практически все языки и диалекты карпатского ареала, кроме венгерского: карпатоукраинские диалекты, надсанские говоры (Пшепюрска 71), южнопольские (до линии Мишана, Дрогомышль, Буловице, Завоя, Неджведж, Тыльмонаса, Крулик, Волоски - Йukasik 193), "распространение слова cárok в Словакии совпадает с областями валашской колонизации" (Horehronie I, 162), ср. его квалификацию в качестве "пастушеского слова карпатской культуры" (Machek 81). За пределами Карпат лексема встречается в украинском Полесье: цáрак 'помещение для сена, соломы', оцáрок 'отгороженное в хлеву место для овец и телят', 'отгороженное место возле хлева' (Куриленко. - Полесск. этнолингв. сборник 195-196), также оцáрок в районе Миргорода (Габинский. - Вост.слав.-молд. языковые отношения. 1967, 142-143). На Балканах зона распространения лексемы ограничена албанским, новогреческими диалектами в Эпире, куда слово проникло от арумын (Murnu 45) и локальной фиксацией в болгарском диалекте Силистры (< рум.).

Источником иррадиации слова, несомненно, является рум. țarc (Niță-Armăș e.a. - RomSL XI, 98; Йukasik 193; Machek 81; Habovštiač 341 и др.). На славянской почве произошла морфологическая адаптация, при которой исход слова был трансформирован в соответствии с продуктивными славянскими морфологическими моделями на -ok, -ek в укр., польск. и слвц., а также -nik в польск. и укр. Вопрос о происхождении рум. țarc (если исключить фонетически неприемлемые версии: из лат. circus - Cihač I, 50; Machek 81; Niță-Armăș e.a., ibid.; из иран.: перс. čarx, čerk 'оборот, круг', осет. calxi пр. - Densusianu. - GS I, 245-248) обычно рассматривается в связи с алб. thark. В последнем усматривают либо родственное слово, продолжающее тот же самый субстратный источ-

ник (Poghirc I969, 35I; Russu I970, 208-209; Brâncuș I983, I22-I24), либо непосредственный источник рум. țarc (Barić I9I9, II, I04; Capidan. - DR I, 5II-5I2; idem. - DR II, 552: из алб. конструкции со связующим артиклем *të + sark /<đark/ > *tsark, однако в подобной конструкции существительное после артикла должно стоять в род.п. и иметь соотв. показатель).

Исходя из реалий, обозначаемых алб. thark, а именно пле-тенных загородок, загонов и под., представляется наиболее перспективным сближение его внутри албанского с глаголом thur 'ограждать плетнем; плести; изготавливать плетеные изделия' (Meyer EWA 92, ср. толкование thark как 'vend i thurur' - Fjalor 582). Однако дальнейшее сближение Мейером алб. thur с лат. crā-tis 'плетенка', греч. κυρτίς то же, κύρτη, κύρτος 'верша, клетка', κάρταλ(λ)ος 'корзина', гот. haurðs 'дверь' и пр. наталкивается на фонетические трудности, поскольку предположению о палatalном характере анлаутного k противоречат такие факты как: др.-инд. káta (< *kíta) 'цыновка', др.-prusск. corto 'огороженный участок леса' - все к и.-е. *kert-, *ker(ə)t-, *krat- 'drehen, zusammendrehen, vielfach vom Biegen und Verflechten von Ästen zu Flechtwerk' (Pokorny 584, далее, возможно, к *(s)ker- 'вращать, сгибать' - ibid. 935). В этой ситуации более приемлемым выглядит сопоставление алб. thur, thuer (< *thor < *kér-ō) и thark (< *kor-ko-s) с арм. sari-kı Pl. 'веревки, путы' и греч. κατρός (< κέριος) 'концы нитей в ткацком станке, к которым прикрепляют нити основы', κατρώμα то же, также 'ткань', κατρώνω 'натягивать основу; кесрίс (полная ступень) 'веревки, натянутые на кровати', христианск. 'саван' < и.-е. *ker- 'веревка; плести, вязать' (Cimochowski. - LP V, I94; принято Pokorny 577, также Frisk I, 756, 8I0; Джакян 1982, 37). Заметим, что алб. thur может быть объяснено и из ступени редукции *k̥-iō. Неприемлемо, несмотря на смысловую близость, сопоставление рум. и алб. слов с греч. ἔρκος 'ограда, забор, сеть', δρκάνη 'ограда, стена', лат. sarcina 'связка, тюк, узел' < и.-е. *serk- 'плести, огораживать' (Reichenkron I966, I65; Poghirc I969, 35I), поскольку достоверные рефлексы и.-е. *s в алб. th прослеживаются только в двух случаях: алб. thi 'свинья' < *sūs и thaj 'сушить' < *saus-n-iō, объясняемых диссимиляцией (Pedersen. - KZ 36, 283). Таким образом, рум. țarc следует рассматривать как довольно раннее заимствование из албанского (точнее древнеалбанского), на том этапе, когда промежуточным звеном в развитии и.-е. *k̥ в алб. th была

аффриката *ts, отразившаяся в рум. *ț* (Pedersen. - KZ 36, 340; подробно см.: Калужская. - Античная балканстика. М., 1987, 56-57).

[†]gVrVnda (*greda)

Польск. *gerenda*, *gerynda*, *meštigrent* 'главная балка под потолком' (Польское Подкарпатье, редко - AJPP I, №45; р-н Наместував ЧССР - MAGP I, №7).

Слвц. *gerenda* 'брус, бревно' (Kálal I47); 'главная балка, поддерживающая потолок (сарай) (р-н Новограда - Matejčík I24, I73; р-н Оравы - Havovštiaik II6).

Укр. *гөрендá* ж. 'продольная балка в деревянном потолке дома', 'одна из (3-4) поперечных балок в деревянном потолке дома' (Закарпатье - Lizanec I45-I46, №10-II); *ге́рэнда* (подбóжна), *гё́рэнда* (подбóжна), *мéште́рgéрэнда* 'продольная балка, которая поддерживает потолок дома', *ге́рэнда* (поперéчна), *гё́рэнда* (поперéчна) 'название одной из (3-4) поперечных балок в потолке дома' (Закарпатье - Дзендз. ЛАЗГ №130-131), *géyrénda*, *géyréndá* 'главная балка под потолком' (Закарпатье - AGB 27, №4).

Венг. *gerenda* 'балка, обработанное толстое бревно' (также *gérénda*, *girinda*, *garanda*, *görönda* - MNyTESz I, I050: с XI в.); 'бревно' (также *gérénda* Самошхат - Csúri. SzamSz I, 328; *girindá*, чанго Молдовы - Wichmann 49); 'потолок' (Шегешвар - MTSz, по Kniezsa I9I); *gérénda* 'толстое обструженное бревно с 4 гранями, используемое в строительстве' (лит. - MNyESz II, I0I7); 'толстый горизонтальный столб, поддерживающий груз' (Сегед - Bálint. SzegSz I, 505); *gerendá* 'балка, подпорка, стропило (в потолке, на чердаке и пр.)' (чанго Хетфалу - Wichmann 49).

Территория распространения лексемы [†]gVrVnda в карпатском ареале достаточно компактна и ограничена четырьмя диалектными зонами: венгерской - зона иррадиации, южнопольской (Подкарпатье и говоры на территории ЧССР), словацкой (сев. и ср.-слвц. диалекты, юго-западноукраинской (Закарпатье) - везде в значении строительного термина (Kálal I47; ЕСУМ I, 499).

Согласно общепринятыму мнению, венг. *gerenda* заимствовано из слав. *greda 'бревно, балка, брус' (Miklosich 77; Berneker I, 348; Skok I, 614; Bezlař I, 173; Kniezsa I9I-I92; MNyTESz I, I050-I05I), причем данное проникновение можно датировать промежутком между исторически фиксированной датой прихода венгров в Среднее Подунавье в 896 г. и утратой ринезма в славянских языках; более определенно установить диалектный слав. источник затруднительно (ср. SzofSz 94; MNyTESz I, I050-I05I). Гласный начально-

го слога в венг. gerenda развился на почве венгерского языка, устранившего стечние согласных в анлауте посредством вставного гласного, обычно тождественного гласному последнего слога (Barczi e.a. MNyt 134–I35).

Функционирование лексемы gVrVnda в качестве миграционного карпатского термина неотделимо от ареальной истории и семантической эволюции слав. *grēda, которая выражает в слав. языках два далеко разошедшихся круга значений: с одной стороны, технический строительный термин 'бревно, балка, брус' (болг. греда, с.-хорв. грέда, gréda, словен. gréda, grēd, чеш. hráda, hřad, слвц. hráda, в.-луж. hrjada, н.-луж. grēda, полаб. gródā, пол. grzeda, словин. gržáda, др.-русск. грáда, русск. грáда, укр. грáда), с другой – термин географического рельефа (русск. грядá 'ряд, цепь, полоса, вдольное возвышение, гребень; горный кряж, ... коса по воде или перекат под водою' /Даль I, 403/, укр. грáда 'остров, лежащий в плавнях, хребет острова, не затопляемый водой', блр.диал. градá 'песчаная отмель в реке', с.-хорв. грéда 'отмель', 'каменная стена', диал. gréda 'утес' /ЭССЯ I, I21/, сюда же болг. гред 'небольшое длинное возвышение между нивами, как насыпь, в 2 м высотой', 'насыпанная в кучу земля из ямы около дома' /Геров VI, 80/, словен. grēd 'вал', 'ступенька' /ЭССЯ, там же/). Имеются достаточные основания считать, что для слав. *grēda первично значение строительного термина, восходящего к и.-е. *ghrendh- 'бревно, балка, брус': лит. grindis 'толстая доска', grindas, grindà 'половица, мостовина', др.-исл. grind 'рама, решетка, ограда', лат. grunda 'крыша, кровля', supergrunda 'кровельное стропило' (< *ghrondhā) (Pokorný I, 459–460; Walde-Hofmann I, 623, 624; Младенов ЕПР II0; Berneker I, 348–349; Skok I, 614; Sławski I, 47I; Bezlaž I, I73; относительно лат. grundaср. Ernout-Meillet 283–284, как о техническом слове без этимологии). В ЭССЯ 7, I20 сл., наряду с признанием родства *grēda с лит. grindà, лат. grunda и пр., оно одновременно включается в апофонический ряд с *grōda и grōdъ, ср. Топоров ПЯ. Е-Н, 285 сл. На фоне цельнолексемных индоевропейских соответствий второй круг значений *grēda предстает славянской инновацией. Объяснение семантической эволюции см.: Фасмер I, 467: "бревно, возвышение, отмель" (примечательно в этой связи др.-русск. грáда 'балки, в е р х здания' – Срезневский I, 605 /разрядка наша – Л.Г., И.К./), ср. иначе Berneker I, 349: 'изгородь, ограда' -- 'грядка'; Skok I, 614: 'огороженная бревнами

часть поля' → 'грядка'. Расхождение значений таково, что многие этимологические словари квалифицируют их как принадлежащие двум самостоятельным омонимичным лексемам (Machek I 86–I 87; Słownik, ibid., Bezlaž, ibid., ЕСУМ I, 608 и др.). В болгарском языке семантическое различие закрепилось морфологически: греда ж.р. как строительный термин и гред м.р. – как географический. Указанная дифференциация отразилась при заимствовании в неславянские языки карпатского ареала: рум. grindă ж.р. 'длинный и толстый кусок бревна, используемый в конструкции дома, балка', 'полка' и под. (DLR II/I, 312–313), '(потолочная) балка' (Tiktin II, 702; Марамуреш – ALRMar II, №274; Олтения – ALROlt II, №702), 'потолок' (Folc.Mold. II, '87), 'бревно под осью жернова' (Трансильвания, Банат, Марамуреш, Буковина, сев. Валахия – ALRes I, №164), мегл. grindă 'балка' (Capidan. Megl. III, I44), молд. гринде 'брус, балка (ДМР I 46) ~ grind ср.р. 'невысокая длинная возвышенность, не затапляемая рекой', 'участок суши, возвышающийся среди вод', 'возвышенность, небольшой холм, плоскогорье', 'возвышенность на лугу (Трансильвания)' (DLR II/I, 312), 'возвышенность, дюна, берег, песчаная коса' (Tiktin II, 702), молд. гринд 'холм, пригород' (ДМР I 40), 'островок, покрытый камышом, болотными травами' (ДД I, 267). В венгерском, наряду с рассмотренной выше формой gerenda 'балка и под.', существуют gorond (с I 344), gerend (с I 336) и др. 'холм, возвышенность', сев.-вост. 'остров или полуостров на болоте', gerend, girind 'хребет, позвоночник', girind 'межа', ст.-венг. gerend 'basis, tignum, fundamentum, contignationis' (только в словарях ХУП в., последнее, видимо, из gerenda в результате переосмыслиния конечного а как показателя притяж. местоимения З л. или как гибридное образование из gerend 'холм' и gerenda 'балка', ср. Kniezsa 646). Перечисленные формы неоднозначно трактуются в связи с различными потенциальными славянскими источниками, при этом gorond обычно связывают с сев.-польск. grad 'возвышенное, сухое место среди низин; лес на возвышенности', 'остров', чеш.-диал. hrud 'островок земли, не затапляемый водой', укр. груд 'возвышенность, холм' и пр. (Kniezsa 646–648; MNyUTESz I, I 079). Представляется, что по крайней мере некоторые из приведенных венг. лексем (gerend, girind) могут восходить к тому же слав. *гредъ, что и рум. grind. Судя по изложенным фактам, данное семантико-морфологическое распределение могло произойти в части славянских диалектов еще в карпатском ареале, до миграции на Балканский п-ов. Более тради-

ционные объяснения см.: Miklosich. Slaw. Elem. im Rum. 20; Ciorănescu 380; DLR II/I, 313; Niță-Armaș e.a.-RomSl XI, 87; Mihăilă. Impr. 40, 98: grindă < слав. *gręda, а grind < ю.-слав. *grędъ;ср. БЕР I, 277, где все из болг.

Из рум. grindă заимствовано укр. диал. гринда 'деревянное бревно, поддерживающее стену', 'полка на стене' (Scheludko - ВА II, 131; Niță-Armaș e.a., ibid.; Vrabie.-RomSl XI, I46; ЕСУМ I, 596) и болг. диал. гринда 'балка' (БЕР, I, 277), гриндъ то же (Ковачев. - БД IУ, I96). Греч. γρέντα (димот. γρεντάς) 'временно установленная или подвижно закрепленная балка' (Dimitrakos П, I702) - из болг. греда (до утраты ринезма - БЕР, там же, ср. Miklosich 77).

Примечания

¹ См.: Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1960. Т. I9. № 3. С. 222-231.

² Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

³ Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.

Сокращения

АЛМ - Атласул лингвистик молдовенеск. I-III. Кишинеу. 1968-1973.

ДД - Дикционар диалектал. I-У. Конд. Р.Я.Удлер. Кишинеу. 1985-1986.

Джаукин 1982 - Джаукин Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван. 1982.

Дзендз.ЛАЗГ - Дзендрівський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. I-II (лексика). Ужгород. 1958-1960.

Клепикова.СПТ - Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М. 1974.

Кочев - Кочев И. Гребенският говор на Силистренско. София. 1969.

Пшепорска - Пшепорска М. Надсянський говор. Варшава. 1938.

ЕСУМ - Етимологічний словник української мови. I-2. Київ. 1982-1985.

AGB - Atlas gwar bojkowskich. I. Warszawa etc. 1980-1986.

AJPP - Małecki M., Nitsch K. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków. 1934.

Bálint.SzegSz - Bálint S. Szegedi szótár. I-II. Bp. 1957.

- Bartoš - Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha. 1905.
- Csűri.SzamSz - Csűri B. Szamosháti szótár. 1. Bp. 1935.
- Fjalor - Fjalor i gjuhës shqipe. Tirana. 1954.
- Habovštiak - Habovštiak A. Oravské nárečia. Bratislava. 1965.
- Herniczek-Morozowa - Herniczek-Morozowa W. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. I-III. Wrocław etc. 1975-1976.
- Horehronie - Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. I-II. Bratislava. 1969-1974.
- Kellner - Kellner A. Výcodolašská nářečí. I-II. Brno. 1946-1949.
- Kniezsa - Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényiszavai. I-II. Bp. 1955.
- Kucaja - Kucaja M. Porównawcza słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław. 1957.
- Lizanec - Lizanec P. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. Uzhorod. 1970.
- Zukasik - Zukasik S. Pologne et Romanie. Aux confins de deux peuples et deux langues. Paris-Varsovie-Cracovie. 1938.
- MAGP - Mały atlas gwar polskich. I-XIII. Wrocław etc. 1959-1970.
- Matejčík - Matejčík M. Lexika Novohradu. Martin. 1975.
- MNyÉSz - A magyar nyelv értelmező szótára. I-VII. Bp. 1959-1962.
- Podolák - Podolák J. Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava. 1967.
- Poghirc 1969 - Poghirc C. Influența autohtonă. // Istoria limbii române. II. Buc. 1969. P. 313-365.
- Ramuťt - Ramuťt S. Gwara ślemieńska. I. Poznań. 1930.
- Reichenkron 1966 - Reichenkron G. Das Dakische. Heidelberg. 1966.
- Russu 1970 - Russu I.I. Elemente autohtone în limba română. Buc. 1970.
- SJP - Karłowicz J. e.a. Słownik języka polskiego. I-VIII. Wyd. fotooffsetowe. Warszawa. 1952.
- SSJ. - Slovník slovenského jazyka. I-VI. Bratislava. 1959-1968.
- SzófSz - Bárczi G. Magyar szófejtő szótár. Bp. 1941.
- Vuia - Vuia R. Tipuri de păstorit la români. Buc. 1964.
- WAD - Buchholz O. e.a. Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Lpz. 1977.
- Wichmann - Wichmann Y. Wörterbuch der ungarischen Moldauer Nord-csángó- und des Hétfaluer Csángódialektes. Helsinki. 1936.
- Прочие сокращения даются по изданию: Этимология. М.

К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛА В БАЛКАНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
/Функционирование граммемы настоящего
времени/

Работа построена на материале македонского и болгарского литературных языков. Мы исходим из значений и функций граммемы настоящего времени как члена грамматической категории времени в македонском языке и сопоставляем их со значениями и функциями граммемы настоящего времени в болгарском языке. Македонский языковой материал экспериментирован из произведений художественной литературы, прессы и научно-популярной литературы. Материал болгарского языка и его лингвистическая интерпретация взяты из фундаментальных исследований по болгарскому языку¹.

В работе принят функциональный подход как наиболее удобный для типологических сопоставлений. В качестве типового функционально-семантического эквивалента при сопоставлении используется понятие категориальной ситуации /КС/ в трактовке А.В.Бондарко². Именно в КС репрезентируются частные значения и функции граммемы настоящего времени, сформированные актуализацией семантических признаков, составляющих ее семантический потенциал, при их взаимодействии с другими категориальными характеристиками высказывания /модальными, аспектуальной, залоговой, персональной/, лексическими и синтаксическими средствами контекста и речевой ситуацией.

Нами различаются понятия семантическая функция, которая практически совпадает с понятием частного значения, а также функции первичная и вторичная /транспозиция/.

Цоскольку в КС первичных функций настоящего времени говорящим может использоваться транспозиция некоторых других грамматических форм в качестве синонимов основного нейтрального средства выражения настоящего времени – презенса, мы, исходя из типичных КС настоящего времени в македонском языке, будем учитывать и другие, транспозиционные, средства их выражения, сопоставляя совокупность этих средств с аналогичными КС в болгарском.

В задачу работы входит выявление общих и различных тенденций и закономерностей функционирования настоящего времени как категории времени и смежных с нею категорий вида, модальности, залога и персональности под балканским углом зрения.

Первичные и вторичные функции настоящего времени рассматриваются отдельно.

ПЕРВИЧНЫЕ ФУНКЦИИ ГРАММЕМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

А. Актуальное настоящее

Специфическим средством выражения значений настоящего актуального является презенс процессных глаголов несовершенного вида /НСВ/.

Эти значения репрезентируются в следующих КС:

1. КС конкретного настоящего момента речи: Луге, што правите со мене? /Ј. Плевнеш/; Ти благодарам на љубовта која ја искачуваш кон мене /Р.Крле/.

2. Расширенное настоящее: денес от сутрин до вечер работам; Сакам кафе /сейчас – конкр. наст., вообще – расшир. или постоянно наст./, Петре живее во Скопје.

Б. Настоящее неактуальное

В балканославянских языках специфическим средством выражения значений настоящего неактуального является презенс вторичных имперфективированных глаголов НСВ. Наряду с ними употребляются и первичные НСВ, а также – транспозитивно-другие глагольные формы СВ и НСВ. К настоящему неактуальному относятся следующие КС:

1. КС постоянного настоящего, выражающего действие неограниченной длительности. В данной КСнейтрализованы основные темпоральные признаки настоящего времени – абсолютной временной ориентации актуальности ориентации на момент речи; здесь не выражена единичность, не выражена и повторяемость действия, нейтрализован признак временной локализованности: Посред Скопје Вардар тече, Вардар, ре распдана; Присвојните прилажки означуваат кому му припаѓа предметот или суштеството што го определуваат /Поуки за јазикот/.

2. КС гиомического /визуального/ настоящего в пословицах и санкциях. В данной КС нет эксплицитного выделения признака повторяемости, но он не исключен. Имплицитно содержится также модальный признак потенциальности³. Основным средством выражения служит презенс как процессуальных, так и непроцессуальных вторичных НСВ: Работата го краси човекот; Чесна убава срце разбудува; Со лажица морето не се испрпува.

3. КС постоянно повторяющегося действия имеет следующие средства выражения в македонском:

а/ презенс процессуальных и непроцессуальных НСВ – в зависимых и независимых синтаксических структурах; это специфическое средство данной КС: Сè уште легнувааш заедно со кокошките? – Ама задрмувам и пред нив! /Б.Павловски/. Повторяемость действий может эксплицироваться лексическими пояснениями типа ретко, секој пат и т.п.: Ja употребувам онаа газиена ламба што ми ја донесе Ѓорѓи од Солун, но газија сè поретко се наоѓа /Б.Павловски/.

б/в кратно-соотносительном типе контекста наряду с презенсом НСВ могут использоваться формы будущего времени глаголов СВ. Форма будущего времени, выступающая здесь во вторичной функции, подчеркивает периодическую повторяемость какого акта целостного действия, нелокализованного во времени. Отнесенность к настоящему маркирована презенсом НСВ в другой части высказывания или шире - текста: Оваа девојка без друго не е цвеке за мирисанье, штом исчезнува кога ќе ѝ текне, а се враќа кога ќе ѝ се приспие /Б.Павловски/. форма будущего вр. СВ может быть заменена нейтральным грамматическим синонимом- презенсом вторичного НСВ: штом исчезнува - штом ќе исчезне, кога ќе ѝ текне - кога ѝ текнува.

В болгарском литературном языке специфическим средством выражения КС повторяющегося настоящего также является презенс вторичных НСВ, но наряду с ним в кратно-соотносительном типе контекста возможен и презенс СВ: Електричество! Натиснеш само едно бутонче и готово /С.Д./; пример из Гр-ки Ю.С.Маслова/; Тоз, който падне в бой за свобода, той не умира /Х.Ботев/. В некоторых синтаксических структурах презенс СВ является единственной возможной формой в данной КС: это придаточные времена с союзами когато, след като, штом. В македонском же и в аналогичных структурах в данной КС глаголы СВ возможны лишь в форме будущего времени, а не презенса.

в/ Особо следует отметить характерное для македонского, но не известное в болгарском использование в КС повторяющегося действия формы императива глаголов СВ и НСВ, которая выступает транспозитивно во 2 л. ед. ч., независимо от лица и числа субъекта действия /несогласованный императив/, или в кратно-соотносительном типе контекста, где на настоящее неактуальное повторяющееся действие указывает презенс НСВ других глаголов, или же в сопровождении презенса глагола чини, выполняющего грамматическую функцию маркера времени, лица и числа.⁴ В данной транспозитивной функции почти не ощущается категориальных значений императива, выступающего экспрессивным синонимом по отношению к нейтральному средству выражения КС настоящего неактуального повторяющегося действия - презенсу НСВ. Ср. примеры из Грамматики Б.Конесского: Старите наведуј се, младите расти, така врви веков. - Старите се наведуваат, младите растат, така врви веков; Тој чини: дојди, најди се, наполни ја торбата леб и пак кинисај в овци. - Тој ќе дојде, ќе ја наполни торбата леб и пак кинисува в овци.

4. КС описательного или квалифицированного настоящего.

Описательное или квалифицированное настоящее представляет КС, соотносительную с КС настоящего постоянного, но ориентированную

на план настоящего, хотя признак ориентации на момент речи здесь эксплицитно не выражен: Дъупчо е добар и совесен служеник: секогоди прима, го сослушува со внимание, му обяснува како да постапи /Из Гр-ки К.Кепеского/⁵.

5. КС настоящего предписания

В КС настоящего предписания, реализующегося в различных инструкциях, кулинарных рецептах и т.п., темпоральная КС тесно переплетается с персональной и залоговой. Средством выражения КС настоящего предписания служит презенс НСВ в безличном пассиве, а в придаточных временных с союзами кога, откако используются формы будущего времени глаголов СВ во вторичной функции: Брашното се меша со прашокот за пециво и се замесува тесто... Откако ќе отстои околу еден час, тестото се развлекува тенко...⁶

В болгарском языке в КС настоящего предписания также употребляется презенс имперфективированных и первичных НСВ, но в аналогичных придаточных с союзами когато и след като возможен лишь презенс, но никак не будущее.

6. КС потенциального настоящего

Потенциальное настоящее является модально осложненной КС, в которой темпоральные и модальные признаки переплетаются с залоговыми и персональными. В данной КС выражено неактуальное действие, которое может или должно быть совершено. Модальные признаки могут быть не связаны с субъектом действия: специфическое средство выражения данной КС – презенс НСВ – часто выступает в безличной форме, в форме безличного пассива или в неопределенno-личной конструкции. В формировании данной КС лексическими средствами могут выступать модальные глаголы може, треба, мора в сочетании с да-конструкциями или же речевая ситуация. Существенную роль играет также отрицательная модальность высказывания: ама не се клава толку лесно катанец на куката во која растеа монте деда /Б.Павловски/; ама може да се влезе в црква од исти побуди од какви се оди в театар /В.Костов/; од каснување оса не умира секој, може да умре, ама не мора...Не се умира од оса /П.Андреевски/.

ВТОРИЧНЫЕ ФУНКЦИИ ГРАММЕМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Здесь будут рассмотрены лишь темпоральные транспозиции презенса, который вместе со своими основными семантическими признаками настоящего времени весьма широко вторгается в сферу прошедших и будущего времен, выступая "как бы" в своих категориальных значениях в контексте, противоречащем этим значениям.

A. Настоящее историческое

Во вторичной функции настоящего исторического наряду с презенсом процессуальных НСВ широко употребляются непроцессуальные вторичные НСВ, это одна из их специфических функций. При этом происходит не только транспозиция времени /настоящего вместо прошедшего/ но и вида /НСВ вместо СВ/.

Основные семантические признаки первичных функций настоящего времени сохраняются, напр. при передаче единичного процесса, как бы одновременного с моментом речи /переносится в прошлое сам момент речи, не совпадая с реальным моментом речи/. Это создает стилистический эффект "происходящего в настоящий момент". Но появляются и новые свойства: так, употребляясь вместо аориста СВ, презенс НСВ во вторичной функции получает способность передавать последовательность действий в тексте, в то время как в первичной функции презенс может выражать лишь одновременность. Значение настоящего исторического эксплицируется контекстуальными средствами /лексическими пояснениями, формами прошедших времен/, а также речевой ситуацией.

Повторяющиеся действия в настоящем историческом выражаются теми же средствами, что и в первичной функции граммы настоящего времени. В македонском это презенс вторичных и первичных НСВ, транспозитивно употребленная форма будущего времени СВ или же императив СВ/НСВ в транспозиции. В болгарском же, как и в первичной функции настоящего неактуального, используются формы презенса НСВ и СВ, возможны и формы будущего времени /со ше/ в транспозиции, но императив не встречается.

Сравнительно высокая фреквентность настоящего исторического в балканославянских языках, особенно в исторических научных трудах, в биографических описаниях, при передаче содержания художественных произведений и в естественно-научных исследованиях, объясняется дополнительной специфической функциональной нагрузкой настоящего исторического: оно используется нейтрализатором противопоставления пересказывательных / непересказывательных форм глагола. Настоящее время в обоих языках может выступать в пересказывательной форме, но лишь в первичных темпоральных функциях настоящего времени.

В разговорном языке и в художественной литературе используется не только нейтральность настоящего исторического к модальности достоверности / недостоверности, но и стилистическое экспрессивное свойство метафорически превращать прошлое в настоящее для

оживления повествования: Да ми ти сонам еден сон, Садиме едно дрвце, а не знаеме што дрвце е... Б.Ч. ја копа дупката, а Ј.Д. дава упатства. После ја садиме младицата, ја посадивме. Ја запретуваме со земја и ја наводуваме со прскалка. И сите седнуваме околу дрвцето... Ние седиме, сме заборавиле да станеме, само гледаме нагоре... Едно време, на врвот од дрвото се покажува летокраката /П.Андреевски/.

Формами будущего времени СВ /в болгарском – презенса СВ/ в контексте настоящего исторического подчеркивается повторяемость каждого акта целостных последовательных действий: Пијаниот го претура пивото и си зборува со себе си. Ке ги остави чашите, па ке земе да си ги крши прстите... Седнува на една маса, се свери, никаде не го собира/П.Андреевски/.

К настоящему историческому примыкают также значения так называемого настоящего сценического /настоящего ремарок/, настоящего сценарного и настоящего репортажного:⁷ в них используется презенс не только процессуальных, но и вторичных непроцессуальных НСВ для обозначения единичного действия. При этом презенс выражает последовательность сменившихся действий: Лу к о в. /зема хартија и почнува да пишува писменце. Откако ке го заврши му го подава на Методи/ Однеси му го тоа на Крстју /К.Чашуле/; Малата улица како да ни ветува поглед кон морето. На крајот од улицата отпра нема никој, потоа доаѓа момче на велосипед. Тоа доаѓа до куката со балконот, го остава велосипедот и влегува. За еден миг улицата е тиква. Велосипедот стои под сонцето, морето во далечина е како мирна сина црта. Една старица минува низ улицата. Се слуша глас на некое дете во игра. Тогаш на балконот излегува една жена /В.Урошевич/.

Б. Настоящее время в функциях будущего времени

1. Настоящее пророческое

Как и в настоящем историческом, при транспозиции презенса в контексте будущих действий категориальные значения настоящего времени сохраняются. Переносное употребление настоящего вместо будущего придает всей ситуации стилистический оттенок наглядности и рельефности: Отсега водата ке ни го држи кандилото, и по една жица, по еден тел ке ни испрака светлина. Право дома ке чуралиш зад врата и светлината ке ти влезе дома. Сè на готово. И радио ти свири без пари, не плакаш свирак и не го молиш да ти свири /П.Андреевски/.

2. Настоящее намеченного, запланированного действия

В данной КС выражен дополнительный субъективно-модальный признак уверенности говорящего в неотменимости будущего действия. На ситуацию будущего, как и в других случаях, могут указывать средства контекста или речевая ситуация: Утре заминувам за Белград, в сабота се враќам: - Одиме? - Одиме!.

В транспозиции настоящего вместо будущего при выражении запланированного намеченного действия употребляются глаголы со значением движения и действий, зависящих от воли субъекта.

3. Модально-осложненная транспозиция настоящего в сфере будущего при выражении повеления, побуждения к действию: Ќојаш кај него и му кажуваш да не излегува и да не чека.

Сравнение с соотносительными КС будущего времени в значении повеления /Ќе дојдеш кај него и ќе му кажеш.../, да-конструкции /Ќа дојдеш и да му кажеш.../ и императива /Појди кај него и кажи му.../ показывает, что презенс в этих случаях сохраняет свои основные темпоральные признаки, представляя действия, как бы совершающиеся в настоящем, хотя речевая ситуация указывает на будущее, чем достигается стилистический эффект наглядно-примерного значения. В трех перечисленных КС настоящего вместо будущего функционируют глаголы НСВ.

4. Модально-осложненная транспозиция настоящего НСВ в сфере будущего – КС потенциальной готовности к единичному действию.

В рассматриваемой КС речь идет о конкретном субъекте, чаще всего в I л. ед. числа, хотя возможны формы и 2, и 3 лица. Готовность субъекта к действию относится к конкретному настоящему момента речи, само совершение действия – к будущему, таким образом, модальные признаки презенса связывают настоящее с будущим, ослабляя противопоставление темпоральных признаков.

В выражении модально-потенциальной готовности субъекта совершить действие вместе с презенсом НСВ могут участвовать некоторые другие языковые средства и речевая ситуация. Это:

а/ отрицательная модальность: Не се мажам дури не најдам некој со чанта да оди на работа /П.Андреевски/. - Ср. категорическое утверждение формой буд. вр.: Нема да се мажам.... Формы буд. вр. и сочетания с модальным глаголом може в контексте с презенсом, выражающим коммуникативное намерение субъекта не совершать действия, показывают смысловые и стилистические отличия между ними: - Ми е страв дека ќе ме оставиш. - Јас не те оставам, може ти да ме оставиш /П.Андреевски/.

возможны и утвердительные формы презенса: По одам полево за
еден саат /из гр-ки в. Конеского/.

б/в македонском разговорном языке утвердились формулами вопросительные высказывания Што + презенс НСВ в значении потенциальной готовности субъекта к конкретному действию в ближайшем будущем: А ц о : Што правам без камион? - а н д р е ј а : и она-ка одиме во штрајк, за после ќе се снајдеме некако /г. Стефановски, ср. соотносительные КС настоящего актуального: Што правам? и КС будущего локализованного или нелокализованного Што ќе правам?.

5. В одном типе вопросительного высказывания в КС потенциальной готовности к совершению /точнее – несовершению/ единичного действия в самом ближайшем будущем в балканославянских языках существует презенс СВ. Это высказывания Зашто + не + презенс СВ в македонском и Зашто + не + презенс СВ в болгарском: Но кога сфаќам дека ми е туѓ, дека не е мој човек, зашто тогаш не станам и не си одам од оваа маса? Зашто не спршам се со едно движење? Зашто уште го поднесувам? /0. Николова/. Презенс НСВ в таких высказываниях означает актуальное настоящее в первичной функции, ср.: Зашто уште го поднесувам?, Зашто не доагаш?, Зашто не станувам?, где НСВ может не выражать признака единичности действия и тогда может быть настоящее неактуальное, но в первичной функции.

6. КС с презенсом СВ в значении будущего действия в придаточных временных.

В македонском презенс СВ возможен лишь в одном типе временных придаточных. По норме современного литературного языка это придаточные времена со значением ограниченной длительности, вводимые союзами додека, дури /не/, доколку. В них презенс СВ выражает будущее время, если и в главной части данного сложного предложения употреблено будущее время, а если в главной части выражено действие плана настоящего времени, то и в придаточном будет выражено настоящее время – единичное целостное действие: Ќе помине доста време, татко, додека се исполни таа желба! /Б. Павловски/; Не се мажам дури не најдам некој со чанта /В. Андреевски/; Одиш, одиш, а патот не се доодува... Се додека не откриеш дека си прашинка од длабоката прав на патот /П. Андреевски/.

В болгарском круг временных придаточных с презенсом СВ в значении будущего времени шире: кроме аналогичных македонским с додека придаточных с союзами докато, дорде /устар./, презенс вместо будущего употребителен как единственная возможная форма

в придаточных с когато, като, след като, щом / в современном македонском – будущее время/: Когато той стане генерал, аз ще имам достъп в двореца /Е.П., взято у в.Станкова/. Следует отметить, что в болгарском презенс СВ в придаточных с докато употребляется и при отнесенности действия в плану прошедшего / в главной части предложения – прошедшее время/, в то время как в македонских придаточных с додека при отнесенности к плану прошедшего норма требует прошедшего времени, ср.: Докато Хаджият разбере, за какво приказват. Тиха излезе /И.Й., взято у Ю.С.Маслова/; Там той хвалеше народните обичаи, ядеше и пиеше докато падне и засли /Г. К., взято у Ю.С.Маслова/ – Додека разбрав, таа излезе /в макед. аорист/; Тој јадеше и пиеше додека не паднеше /в макед. имперфект с отрицанием/; Кога тој ќе стане генерал...; Откако ќе го заврши /писменцето/ му го подава на Методи /К.Чашуле/.

В данных случаях вторичная функция презенса СВ связана с давлением синтаксической структуры, а не с коммуникативным намерением говорящего. Вероятно, здесь можно было бы говорить и о вторичной функции презенса в сфере категорий таксиса, но этот вопрос мы пока не затрагиваем.

* * *

Подведем некоторые итоги.

1. Семантическая структура граммемы настоящего времени в балканославянских языках не показывает расхождений.

2. Противопоставление настоящего актуального и настоящего неактуального частично выражено на формальном уровне: в балканославянских языках специфическим средством выражения настоящего неактуального является презенс вторичных имперфективированных НСВ, часть которых не способна передавать процесс действия и, следовательно, функционировать в актуальном настоящем.

3. У презенса НСВ во вторичной функции настоящего времени – в настоящем историческом – появляется свойство, важное для всей модально- temporальной системы балканославянского глагола, – быть нейтрализатором противопоставления пересказа / непересказа. Вторичные имперфективы являются специфическим средством выражения в презенсе настоящего исторического.

4. Специфическим для балканославянских языков является развитие во вторичной функции презенса НСВ модального значения потенциальной готовности в действии в будущем. И здесь важна роль вторичных имперфективов, на базе которых формируется так называемое наклонение субъективной готовности или простое условное

наклонение с семантикой, связанной с указанным модальным значением презенса НСВ во вторичной функции.

5. Различия между балканославянскими языками относятся к функционированию презенса СВ: в македонском он почти не употребляется в первичных и вторичных функциях настоящего времени за исключением ограниченного числа зависимых синтаксических структур. В болгарском языке презенс СВ используется шире, как в зависимых синтаксических структурах, так и в независимых в кратно-соотносительном типе контекста при выражении повторяющихся действий в настоящем неактуальном в первичной и вторичной функции граммемы *в* настоящего времени. Соотношение форм, используемых в македонском и болгарском в КС настоящего неактуального повторяющегося действия таково:

макед.: презенс НСВ – транспозиция будущего вр. СВ /императива;
болг.: презенс НСВ / СВ – транспозиция будущего вр. СВ.

Примечания

1 Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М.1981; его же. Глаголътъ въ современном болгарском литературном языке /значение и употребление/. – В кн.: Вопросы грамматики болгарского языка. М.1959; Станков В. Българските глаголни времена. София 1969

2 Бондарко А.В. О функциональных основаниях исследования грамматических систем современных славянских языков. – В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на X Международном съезде славистов. М. 1988.

3 Соотносительной и близкой по смыслу к данной КС является КС гномического будущего СВ/НСВ: Како Ѹе си постелиш, така и Ѹе легнеш; Којшто работи чесно, Ѹе живее полесно.

4 Как отмечает И.Бояджиева, транспозиция императива в индикативе связана в болгарском с выражением субъективных модальных признаков возможности, невозможности, бесполезности, желательности действия или с объективной условной модальностью, а также с употреблением в некоторых синтаксических структурах, что не связано непосредственно с выражением повторительности действия в настоящем неактуальном. – Бояджиева И. Транспозициите на императива. – БЕ. XXXIII, кн. 5, 1983.

5 Если бы в данном случае использовались формы имперфекта, была бы КС кваликативного прошедшего: Секого го примаше, сослушавше, обяснувше... форма будущего времени СВ подчеркнула бы повторительность действия в настоящем неактуальном: Секого Ѹе го прими, Ѹе го сослуша, Ѹе му обясни...

6 В подобного рода текстах возможны также соотносительные КС императива побуждения к обобщенному лицу или КС с да-конструкцией в безличном пассиве, ср.: Земете 500 г брашно, измешайте го или Да се земе 500 г брашно и да се измеша...

7 Станков относит настоящее репортажное в болгарском языке к непереносным, первичным функциям настоящего времени, хотя и признает, что как прямое настоящее оно переплетается и сочетается с переносным употреблением настоящего времени. – Станков В. Ук. соч., с.20-21.

**О СЕМАНТИКЕ И ДИСТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СИСТЕМЕ БЯС**

/имя – глагол/

Предметом рассмотрения в настоящем докладе являются румынские номинализованные конструкции, представляющие собой различные типы сочетаний глаголов с именами действия, которые выступают в функции прямого или косвенного объекта и обладают свойством трансформации в личную форму глагола в конъюнктиве¹. Ср., например:

(1) Încercase în gînd rostirea lectiei de a doua zi (Teodoreanu) ↔ Încercase în gînd să rostească lectia de a doua zi 'Он попробовал мысленно произнести завтрашнюю лекцию';

(2) Am purces în căutarea străzii (Blaga) ↔ Am purces să caut strada 'Я отправился на поиски улицы'.

Двойственный характер отглагольных имен, их принадлежность к классу существительных, с одной стороны, и их соотнесенность с классом глаголов – с другой, ставит перед исследователем ряд задач, которые можно разрешить лишь при сопоставлении именной конструкции с эквивалентной ей глагольной конструкцией. Одна из таких задач тесно связана с проблемой определенности/неопределенности и состоит в выявлении тех средств, с помощью которых в конструкциях с конъюнктивом отражается неопределенная форма отглагольных имен, соотнесенных с этими конструкциями.

Наблюдения над употреблением артикла в конструкциях с отглагольными именами позволяют утверждать, что в подавляющем большинстве случаев имена действия имеют определенную форму. Более того, для целого ряда отглагольных имен определенная форма является единственной возможной. Причину этого не всегда легко обнаружить; повидимому, чаще всего объяснение следует искать в семантических особенностях соответствующего отглагольного имени. Ср., например:

(3) Notele particulare ale graiului individual nu îngreuiază înțelegerea limbii (Pușcariu) 'Частные особенности индивидуаль-

ного выговора не затрудняют понимание языка (о *înțelegere* a limbii 'некоторое понимание языка' в данном контексте, видимо, невозможно).

Несмотря на то, что далеко не каждое из отглагольных имен может употребляться с неопределенным артиклем, среди конструкций с именами действия удается выделить пары, противопоставленные по признаку определенности/неопределенности:

(4) *Mă voi gîndi la înnoirea mijloacelor de expresie*
'Я подумаю об обновлении выразительных средств;

(5) *Mă voi gîndi la o înnoire a mijloacelor de expresie*
(Sorescu) 'Я подумаю о некотором обновлении выразительных средств.'

При трансформации (5) в соответствующую конструкцию с конъюнктивом рядом с глаголом в конъюнктиве появляется некий семантический эквивалент неопределенного артикля, имеющий форму неопределенного наречия:

(6) *Mă voi gîndi la o înnoire a mijloacelor de expresie ↔*
Mă voi gîndi să înnoiesc oarecum mijloacele de expresie
'Я подумаю о том, чтобы как-то обновить выразительные средства.'

Представляется возможным выделение двух типов таких эквивалентов: а) сложные неопределенные наречия *cumva* 'как-нибудь', *oarecum* 'как-то, как-нибудь, до некоторой степени', *întrucâtva* 'в какой-то степени', *într-un fel*, *într-un mod* 'каким-то образом', *într-o măsură* 'в какой-то степени'; б) наречие *o dată* 'один раз, однажды'. Ср., например:

(7) *Tinde la o realizare a cunoașterii teoretice a divinului ↔*
Tinde să realizeze oarecum cunoașterea teoretică a divinului
'Он стремится в известной степени осуществить теоретическое познание божественного;

(8) *Încercă el timid o ieșire din cercul fatal ↔*
Încercă el timid să iasă oarecum (într-un fel) din cercul fatal 'Он робко попытался как-то (каким-то образом) выйти из заколдованного круга';

(9) *Monica acceptase o plecare la Paris pe socoteala*
Olgutei ↔ Monica acceptase să plece o dată la Paris pe socoteala
Olgutei 'Моника согласилась как-нибудь однажды поехать в Париж за счет Ольгуцы'.

Интересный результат дает трансформация отглагольного имени в неопределенной форме с префиксом, имеющим значение повторного действия, в глагольную конструкцию. Значение, которое сообщают отглагольному имени неопределенный артикль и префикс, передается в конструкции с конъюнктивом при помощи адверба *încă o dată* 'ещё раз, снова, опять':

(10) *Începuseră o reeditare a istoricilor ↔ Începuseră să reediteze încă o dată istoricii* 'Они начали снова переиздавать историков'.

Показательна также следующая трансформация, где неопределенному артиклю при отглагольном имени соответствует в трансформе с конъюнктивом адверб *o singură dată* 'единственный раз', сообщающий глаголу значение однократности действия:

(11) *A acceptat o întîlnire cu presa ↔ A acceptat să se întîlnească o singură dată cu presa* 'Он согласился один-единственный раз встретиться с представителями печати.'

Анализ многочисленных конструкций с отглагольными именами показывает, что противопоставленные по признаку определенности/неопределенности фразы, как правило, однозначно трансформируются в соответствующие глагольные структуры. Однако, возможны исключения.

Отметим, прежде всего, случаи нейтрализации противопоставления, когда трансформация в конструкцию с конъюнктивом фраз с отглагольными именами, противопоставленных по определенности, дает один и тот же результат:

(12) *Tu nu ştii ce înseamnă aşteptarea ↔ Tu nu ştii ce înseamnă să aştepţi* 'Ты не знаешь, что значит ожидание';

(12a) *Tu nu ştii ce înseamnă o aşteptare ↔ Tu nu ştii ce înseamnă să aştepţi.*

Возможен также другой вариант, прямо противоположный только что рассмотренному, где конструкции с отглагольным именем в неопределенной форме соответствуют два трансформы: а) *c sunăva, oarecum, într-un fel*; б) *cu dată*. Ср., например:

(13) *A hotărît să încerce trecerea prin liniile frontului ↔ A hotărît să încerce să treacă prin liniile frontului* 'Он решил попытаться перейти линию фронта';

(13a) A hotărît să încerce o trecere prin liniile frontului
↔ A hotărît să încerce să treacă /cumva, oarecum, într-un fel/
liniile frontului 'Он решил попытаться как-нибудь перейти линию
фрона';

(13b) A hotărît să încerce să treacă /o data/ liniile
frontului 'Он решил попытаться как-нибудь однажды перейти
линию фронта'.

Итак анализируя конструкции с отглагольными именами, мы выделяем среди них пары, противопоставленные по признаку определенности/неопределенности. Эти пары трансформируются в конструкции с конъюнктивом, которые также оказываются противопоставленными друг другу по тому же признаку: отглагольному имени в определенной форме соответствует личная форма глагола в конъюнктиве без какого бы то ни было адвэрба, в то время как отглагольному имени в неопределенной форме соответствует личная форма глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием в функции семантического эквивалента неопределенного артикля отглагольного имени, что позволяет говорить о наличии у глагола лексических средств для выражения категории определенности/неопределенности³.

Наблюдения над конструкциями с отглагольными именами позволяют выявить и некоторые другие факты, относящиеся к области так называемой "скрытой семантики".

Как известно², в конструкциях с отглагольными именами часто оказываются не выраженными некоторые смысловые противопоставления, обязательные для конструкций с глаголом в личной форме. Речь идет о различных явлениях скрытой рефлексивности, нейтрализации противопоставления по кратности и пр.

Возможны и обратные случаи, когда в конструкциях с отглагольными именами выражается противопоставление, которое не находит своего формального соответствия в конструкции с глаголом. Отметим в этой связи два примера нейтрализации противопоставления по кратности:

(I4) Evitam întîlnirile cu acești derbedei (Blaga)
'Я избегал встреч с этими бездельниками';

(14a) Evitam întîlnirea cu acești derbedei
'Я избегал встречи с этими бездельниками.'

Обе фразы трансформируются в одну и ту же конструкцию с конъюнктивом:

(14б) Evitam să mă întâlnesc cu acești derbedei
‘Я избегал встречаться с этими бездельниками?’

Рассмотренный случай представляет большой интерес ещё и потому, что среди фраз с отглагольными именами почти не встречается таких, где отглагольное имя имело бы форму множественного числа, и все наши наблюдения над выражением категории определенности/неопределенности в конструкциях с отглагольными именами относятся, в основном, к формам единственного числа. Отметим в этой связи, что для (14) возможно следующее противопоставление по признаку определенности/неопределенности:

(14в) Evitam întâlniri cu acești derbedei (где отглагольное имя стоит в неопределенной форме мн.числа).

Анализируя различные типы конструкций, в которых отглагольное имя соотносится с возвратным глаголом, можно выделить несколько видов скрытой рефлексивности. Ср., например:

(15) Aștepta ivirea zorilor ↔ Aștepta să si ivească zorile ‘Он(а) ждал(а) появления зари’ (Возвратность глагола никак не выражена в конструкции с отглагольным именем; однозначность преобразования в данном случае обусловлена тем, что глагол, с которым соотносится отглагольное имя, может быть только возвратным). Поэтому и существительное в генитиве, выступающее в роли определения к отглагольному имени, понимается также однозначно, как генитив субъекта: ср. ivirea zorilor ↔ zorile se ivesc);

(16) Așteptam întâlnirea cu însuși Richter ↔ Așteptam să mă întâlnesc cu însuși Richter ‘Я ждал встречи с самим Рихтером.’ (Отглагольное имя сохраняет синтаксические свойства и характер управления того возвратного глагола, с которым оно соотносится; на возвратность глагола указывает сочетание отглагольного имени с предлогом *cu* : a se întâlni cu cineva, но не *a întâlni cu cineva).

(17) Își pregătește retragerea ↔ Se pregătește să se retragă ‘Он готовит свое отступление’ (На возвратность глагола указывает притяжательное местоимение, которое соотносится с отглагольным именем).

Сопоставление конструкций с отглагольными именами и их трансформов с конъюнктивом позволяет, таким образом, сделать ряд выводов, касающихся, в частности, как уже говорилось выше, некоторых аспектов выражения категории определенности/неопределенности и ряда других, скрытых от непосредственного наблюдения семантических явлений.

Результаты такого сопоставления могут оказаться полезными для понимания семантико-синтаксических процессов, которые происходят в системе румынского языка, а также типологически сходных языков, входящих в балканский языковой союз, и, в равной мере, для сопоставительного исследования близкородственных языков.

Примечания

¹ Ср.: Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948; Carabulea E., Popescu-Marin M. Exprimarea numelui de acțiune prin substantive cu forma de infinitiv lung și supin. - Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba română. IV. București, 1967; Indrea Al. Unele caracteristici ale limbii presei. - Cercetări de lingvistică, 1970, N 1, p.115-124.

² Ср., например: Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, с. 203-204.

³ Более подробно об этом см. в работах: Свешникова Т.Н. Основные типы конструкций с отглагольным именем в балканских языках. - Советское славяноведение, 1979, № 2, с. 80-93; Она же. Категория определенности/неопределенности при одном виде трансформации в румынском языке (конструкции с отглагольным именем). - В кн.: Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

СТРУКТУРА СХОДСТВА ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ БЯС

Исследование сходства фонологических систем и диалектов Балканского ареала не привело к определению таких черт фонологического строя этих языков, которые характеризовали бы все те и только те языки, которые можно считать балканскими.¹ Это состояние, констатированное П.Ивичем на I конгрессе балканистов, продолжается до сих пор. Так, предложенный И.Савицкой балканализм – сочетание носового с шумным согласным в начале слова,² хотя и кажется наиболее специфическим признаком балканских языков, разделяет общую судьбу других балканлизмов; эта черта характерна для албанского и при определенной интерпретации греческого языков, с одной стороны, а, с другой стороны, является типичной чертой языков, далеких от Балканского ареала, напр., для языков банту.³

Однако поиски "балканской специфики" привели к несомненному выводу о языковом континууме фонологических систем языков и диалектов этого региона, к тому, что "les faisceaux des isoglosses typologiques qui coïncident avec les frontières ne contiennent pas plus d'isoglosses que certains faisceaux à l'intérieur du territoire d'une langue"⁴, к тому, что "cependant il y a un rapport sous lequel la péninsule entière se comporte presque comme le territoire d'une langue".⁵ Другими

¹ Ivić P. Liens phonologiques entre les langues balkaniques. – Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, VI, Sofia, 1968, 133–141.

² Sawicka I. The problem of Albanian 'nasal+stop' clusters. – Językowe studia balkanistyczne, t. I, Wroclaw, e.a., 1986, 109–117.

³ Топорова И.Н. Типология фонологических систем языков банту. М., 1975, 94–97, 99–110, II8.

⁴ Ivic P. Op.cit., 141.

⁵ Ibid.

словами: фонологические системы языков Балканского полуострова оказываются похожими друг на друга, при том что сходство это проявляется между различными языками БЯС по-разному.

Эта ситуация определяет задачу выявления структуры сходства между фонологическими системами языков БЯС.

Предварительными условиями для решения этой задачи следует считать:

а/ единообразное описание фонологических систем языков рассматриваемого ареала. хотя сам по себе принцип единобразия описания сравниваемых систем очевиден, способ реализации его еще далек от необходимого консенсуса⁶. Широко использующаяся система фонологических признаков ломского-халле имеет в качестве альтернативы уже несколько вариантов, объединяемых антибинаризмом или скалярными значениями выделяемых признаков. Принципиальная переводимость их друг в друга дало возможность предложить "двойную нотацию"⁷. Можно надеяться, что "фонология зависимостей" даст более адекватное представление о фонологическом уровне языка, но здесь используется более удобная и технически разработанная, достаточно послужившая и в описаниях языков БЯС, система признаков, восходящая к Р.О.Якобсону.

б/ При идентификации фонем относительно различительных признаков сохраняется классическая процедура⁸, однако здесь необходимо обратить внимание на следующую особенность, которая возникает при определении инвентаря фонем в ситуации двуязычия. Рассмотрим сначала пример: возьмем определяемое окружением [n] в болгарском и сербскохорватском языках. Как известно, в болгарском [n] не меняет места артикуляции перед задненебными согласными, в себскохорватском же языке перед гуттуральными [n] выступает как задненебный. Последнее не влияет на инвентарь фонем сербскохорватского языка, и если

⁶ Sawicka I. Struktura sloga u balkanskim jezicima (u poređenju sa susednim jezicima). Wrocław e.a., 1987.
eadem. Fonologia konfrontatywna polsko-serbsko-chorwacka. Wrocław e.a., 1988.

⁷ Anderson J.M. and Ewen C.J. Principles of dependency phonology. Cambridge, 1987, 24 ff.

⁸ Chomsky N. and Halle M. The sound pattern of English. N.Y., 1968, 336.

мы рассматриваем каждую из этих систем отдельно, то они будут представлены одинаково фонемой [n]. Но если эти системы образуют "двуязычный комплекс", то с точки зрения носителя двуязычия может возникнуть не менящее систему противопоставлений свободное варьирование [n] и [ŋ] /если (banka) 'банк' в болгарском языке может сосуществовать с (bāŋka) 'банк' в сербскохорватском/ или появиться в этих условиях "контекста двух языков" оппозиция [n] и [ŋ] /напр., (banka) как "скамья депутатов" в болгарском и (bāŋka) как 'десятка /банкнот/' в сербскохорватском языке образуют минимальные пары в ситуации соответствующего билингвизма/.

Таким образом, при потенциальном или реальном многоязычии инвентарь каждой системы фонем образующего мультилингвизм языка описывается относительно всех тех признаков, которые оказываются релевантными хотя бы в одном из языков⁹ этого комплекса.

в/ Для определения сходства фонологических систем необходимо иметь полное описание не только парадигматической оси /с теми особенностями, о которых говорилось выше/, но и соответствующей синтагматической оси¹⁰. В противном случае исчезнет точка отсчета и возникнет "l'impression illusoire que les similitudes l'emportent sur les différences"¹¹ или наоборот. Только имея полное / в том числе и синтагматическое/ описание фонологических систем, можно пытаться говорить о мере их сходства. Необходимым шагом по направлению к этому является такое описание, которое может быть представлено как последовательность "соизмеримых" или одинаковых "квантов". К счастью, на роль такого "кванта" уже подготовлен "исполнитель" в генеративной грамматике - можно считать, что "правило" генеративной грамматики или импликация фонологических признаков представляют собой именно такую "меру длины", дающую единообразное описание любой фонологической системы¹².

⁹ Лекомцева М.И. Опыт типологии фонологических систем диалектов латышского языка. - Балто-славянские исследования М., 1974.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Andriotis N.P. et G.Kourmoulis. Questions de la linguistique balkanique et l'apport de la langue Grecque. - Actes ..., 30.

¹² Chomsky N. and M.Halle. Op.cit.

Примером может здесь послужить то, что в болгарском языке перед передними гласными являются отмеченными только палатализованные согласные, и это описывается одним правилом:¹³

$$[-bck] \rightarrow / \alpha bck // \# x \dots (\underset{\alpha}{+syl}) \quad y \#$$

Аналогичные правила могут быть сформулированы и для описания фонемного инвентаря рассматриваемых систем. Напр., сравнивая фрагменты $\{t, d, \theta, \emptyset, s, z\}$ албанского и греческого языка и соответствующую подсистему $\{t, d, s, z\}$ болгарского, македонского и других языков, можно написать, что для последних имеет место правило

$$\left[\begin{array}{l} -bck \\ +ant \\ +cor \\ +cont \end{array} \right] \rightarrow [+strid]$$

в то время как в албанском и греческом языках оно неприменимо.

Таким образом, каждое такое правило является единицей описания фонологической системы какого-либо языка в смысле ее конкретного представления и одновременно оказывается "изоглоссой"¹⁴, характеризующей ареальное распространение этой характеристики. Более того, оно может считаться характеристическим признаком языка или группы языков при ареально-типологическом описании и, таким образом, оно дает возможность перейти к квантитативному аспекту сравнения этих языков. Итак, правило как импликация одних фонологических признаков другими /в одной позиции – при представлении парадигматической оси и в разных позициях – при представлении синтагматической оси/, сохранив свой реальный смысл в описании фонологических систем, дает возможность перейти к объективному количественному анализу соотношения сходства и различия между фонологическими системами.

Теперь следует сделать еще следующие оговорки относительно объема представления материала. Хотя просодические признаки играют, возможно, определяющую роль и уже использовались при

¹³ Scatton E.A. Bulgarian phonology. Ann Arbor, 1983, p.115.

¹⁴ Лекомцева М.И. Ук.соч.; Она же. К типологии фонологических систем языков Балканского полуострова и Средиземноморья. – Балканский лингвистический сборник. М., 1979, с. 248-250.

ареально-типологическом анализе¹⁵, в настоящей работе они исключаются из рассмотрения. Причиной этого является невозможность представить пока некоторые языки БЯС на том высоком уровне описания, как это сделано в подытоживающей работе И.Лехисте и П.Ивича¹⁶. Та же причина - отсутствие полного описания по необходимой для настоящего сравнения единой анкете - заставляет не рассматривать, наверное, самый интересный пласт для представления структуры сходства - а именно межязыковое сходство различных диалектов. Однако здесь представление языков БЯС /албанского, болгарского, греческого, македонского, румынского, сербскохорватского и турецкого/ в "стандартной форме" и одного - кипрского - диалекта греческого языка¹⁷, представленного сравнительно полным описанием¹⁷, может послужить отправной точкой для аналогичного описания и сравнения различных диалектов языков БЯС.

Последнее замечание касается диахронического аспекта представления проблематики БЯС, намеченной еще Р.О.Якобсоном¹⁸. Фундаментальное значение диахронических процессов для определения возникновения и развития языкового союза заставляет подходить к этой теме с особенной осторожностью. Становится все более настоятельной потребность стратегической подготовки к решению этой проблемы, в частности, создание своеобразной "конфронтативной исторической фонологии". Описание синхронного среза фонологических систем языков БЯС является в таком случае необходимым шагом на пути представления эволюции рассматриваемых языков.

Итак, фонологическая импликация /"правило"/ может быть представлена как изоглосса, которая указывает на два ареала: ареал, характеризующийся действием этой импликации, и ареал

¹⁵ Ivić P. Op.cit. Николаева Т.М. Факты славянской фразовой интонации в свете ареально-типологического подхода. - IJSLP, 24, 23-47.

¹⁶ Lehiste I. and P.Ivić. Word and sentence prosody in Serbocroation. The MIT press, 1986.

¹⁷ Newton B. Cypriot Greek. Its phonology and inflections. The Hague-Paris, 1972.

¹⁸ Jakobson R. Über die phonologischen Sprachbünde. - TCLP, IV (1931), 234-240.

языков, не затронутых ее действием. Уже в прошлом веке в лингвистической географии выработались приемы выделения областей "по пучку изоглосс", затем появились такие понятия как центр и периферия, возникли динамические интерпретации некоторых видов "рисунков" изоглосс¹⁹. Однако в условиях БЯС наблюдается настолько сложная и противоречивая картина распространения изоглосс, что интуитивная, наглядная интерпретация в традиционных категориях крайне затруднительна. В этих условиях встает необходимость обратиться к операционным методам – в надежде, что "операционность сама по себе может подвести к истине"²⁰. Поэтому для того, чтобы как-то выразить то, что область БЯС представляет континуум, то, что языки БЯС на фонологическом уровне "достаточно похожи друг на друга", и чтобы определить степень этого сходства, приходится применять специально разработанные для аналогичных ситуаций методы.

Среди этих методов особенно выделяется группа алгоритмов, объединяемых под названием "кластерный анализ", позволяющих автоматически объединять объекты различной природы в зависимости от меры сходства или расстояния между ними.²¹

Чтобы говорить о расстоянии или мере сходства в данном случае между фонологическими системами языков БЯС, следует предварительно отметить два обстоятельства: 1. Хотя были выделены признаки – фонологические импликации, которые с точки зрения здравого смысла могут иметь различный "вес" – в зависимости ли от функциональной нагрузки в системе и тексте или от их места в общем упорядочении правил, или в зависимости от числа следствий их и т.п., здесь всем им условно приписывается одинаковый вес, что обычно практикуется на первом этапе исследования²². 2. Чтобы корректно говорить о расстоянии меж-

¹⁹

Lekomceva M.I. On interpretation of linguistic maps.
– Mathematical processing of cartographic data.

Tallinn, 1979.

²⁰

Цывьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, 274.

²¹

Späth H. Cluster-Analysen-Algorithmen zur Objekt Klassifizierung und Datenreduktion. München-Wien, 1975.

²²

Lehfeldt W. Phonologische Typologie der slavischen Sprachen. – Die Welt der Slaven, XVII, N.2, 1974, 318-339.

ду описываемыми языками, необходимо, чтобы пространство, в котором определяются расстояния между объектами, было метрическим.

Метрическое пространство, в котором могут быть рассмотрены расстояния между описываемыми языками, будет обеспечиваться следующей формулой для определения расстояния²³

$$d = I - \frac{\alpha + \delta}{l}$$

$$\text{где } \alpha = \sum_{k=1}^l \min(x_k, y_k)$$

$$\delta = I - (\alpha + \beta + \gamma)$$

$$\beta = \sum_{k=1}^l x_k - \alpha$$

$$\gamma = \sum_{k=1}^l y_k - \alpha$$

l - число признаков, определяющих все рассматриваемые языки.

Теперь, не вдаваясь в мотивировку, можно сказать, что в качестве способа объединения языков был выбран алгоритм "Linker" с определением среднего расстояния после каждого шага объединения²⁴. Этот алгоритм, как известно, применим во всех случаях кроме ситуации, когда в двух /или более/ клетках матрицы оказываются равные расстояния. Это ограничение было преодолено введением особого подалгоритма²⁵.

²³ Späth H. Op.cit.

²⁴ Idem.

²⁵ Lekomceva M.I. Spatial configuration of types of phonological systems of Central and South-European languages. - Proceedings XI IChS, V, Tallinn, 1987, 437;

в первый раз этот субалгоритм был представлен в докладе на У конгрессе балканистов в Белграде:
Zur phonologischen Interrelation zwischen den Sprachen Zentral- und Südost-Europas (in press).

Хотя идеалом остается полное представление фонологических систем, реально в проведенном описании были не учтены закономерности структуры дифтонгов и распределения гласных в слове /в частности, сингармонизм/. В результате осталось 38 признаков, характеризующих парадигматический²⁶ и синтагматический²⁷ аспекты фонологических систем языков БНС. Исходные расстояния между языками, определенные по вышеуказанной формуле, приведены в табл. I.

Далее вступает в действие алгоритм Linker с указанным подалгоритмом.

Алгоритм Linker определяет и фиксирует пару языков с наименьшим расстоянием между ними, объединяет их в одну группу и пересчитывает средние расстояния между полученной группой и другими фонологическими системами. Этот цикл повторяется до тех пор, пока все системы не будут объединены. Алгоритм дает не только последовательность объединения систем в зависимости от их сходства /структуру сходства/, но и количественные показатели уровня этого объединения.

В результате применения этого алгоритма получается схема представляющая структуру сходства фонологических систем языков БНС следующим образом /рис. I/.

Если здесь максимальное сходство / тождество/ равно 0, то максимальное различие равно 1. Из схемы видно, что все фонологические системы связаны на уровне, меньшем 0,5, т.е. все они действительно сходны. Различие между фонологическими системами македонского и сербскохорватского, болгарского и румынского не больше, чем между литературным греческим и его кипрским диалектом.

Самой существенной представляется следующая ступень объединения: объединения фонологических систем болгарского, румынского и греческого языков, задающих ядро рассматриваемой системы. Сходство систем албанского и турецкого языков чуть

26 Лекомцева М.И. К типологии фонологических систем...
Lekomceva M.I. Zur phonologischen Interrelation...

27 Лекомцева М.И. Синтагматика фонологического уровня как средство типологического исследования генетических и ареальных связей языков. – Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, 349–370.

больше, чем общее сходство остальных систем, но уровень объединения всех этих систем оставляет албанскому и турецкому языкам периферийное положение в системе БЯС.

Полученное представление структуры сходства фонологических систем языков БЯС может являться примером пути к изучению соотношения языков Балкан на фонологическом уровне, но никак не претендует на окончательный результат.

Очевидно, что включение просодических признаков удалит сербскохорватский язык от других взаимодействующих с ним систем; включение блока правил, описывающих сингармонизм, изменит место турецкого языка в настоящей схеме.

Кроме изменений, связанных с "объемом описания фонологических систем, возможны изменения, определяющиеся выбором типа расстояния. Представленная выше схема построена на использовании среднего расстояния как наиболее нейтрального. Но если ориентация данного языка на другие языки будет окрашена дополнительными факторами - напр., желанием идентифицироваться или, наоборот, как можно дальше отдалиться, то более адекватными могут оказаться минимальное или максимальное расстояния.

Последнее, на что стоит обратить внимание, - это несовпадение в структуре сходства /или расстояние/ между описанными языками при рассмотрении всех языков БЯС вместе, извне, как это представлено на рис. I, и при рассмотрении отношений сходства с точки зрения какого-либо одного языка, изнутри. Так, напр., греческий язык оказывается в структуре фонологических систем языков БЯС в тех отношениях, которые уже описывались и видны на рис. I. Обращение к таблице I показывает, как выглядит с точки зрения греческого языка его отношения сходства с другими языками БЯС. Максимально близким, как и в первом случае, оказывается кипрский диалект /уровень сходства 0,7895/, но затем - болгарский /0,7632/, македонский /0,6316/, румынский /0,5789/, турецкий /0,5526/ и, наконец, сербскохорватский и албанский /по 0,5000/.

Но объективно измеряемые отношения сходства и определяемая ими структура изменяется и в зависимости от введения в "актуальное пространство" новых языков²⁸, которые, как выше

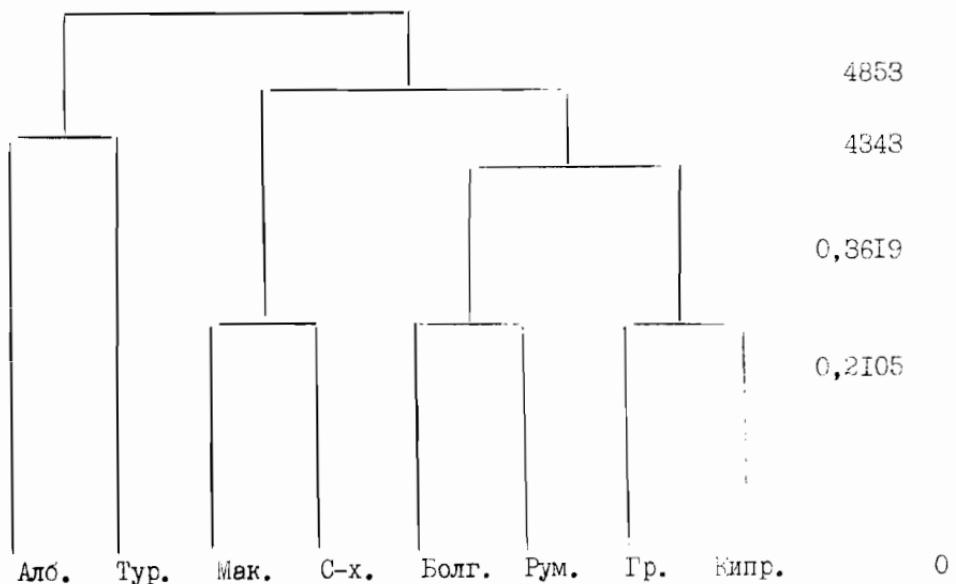
²⁸ Perlin J., I. Sawicka. Balkan-Romance parallels in distribution of phonemes. - Proceedings XI th ICPPhS, I, 1987. Tallinn, 350-353. Lekomceva M.I. Spatial configuration of types of phonological systems...

отмечалось, могут привести к выделению новых признаков и соответствующей переструктуризации существующих отношений.

Табл. № I

	! Алб.	! Болг.	! Греч.	! Кипр.	! Мак.	! Рум.	! С-х.	! Тип.
Алб.	X	.5789	.5000	.6579	,5000	.5790	.5263	.6053
Болг.		X	.7632	.6053	,7105	.7895	.5789	.6316
Греч.			X	.7895	.6316	.5789	.5000	.5526
Кипр.				X	.5263	.6053	.5000	42II
Мак.					X	.5526	.7895	4476
Рум.						X	.5263	.5263
С-х.							X	42II
Тип.								X

Рис. I

БАЛКАНСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ: ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА

Взаимодействие и взаимовлияние народов и их культур во времени и пространстве образуют ту хронолого-спациальную рамку, в которой вызревают и проявляются процессы формирования новых лингвокультурных общностей. Если применительно к этническим образованием теория и типология общностей разработана достаточно основательно и детально, то проблема языковых общностей стала разрабатываться лишь в 80-е годы (Нерознак, Герценберг 1986).

Под языковыми общностями понимается некоторое множество языков, объединяемое определенными материальными, структурными или функциональными признаками /Нерознак, Герценберг 1986, 53/.

Сходство и различие материальных компонентов (признаков) языковой структуры составляет базу для выделения генетической общности (пример славянская, индоевропейская, тюркская, угорская, финноугорская и т.п. общности).

Если мы учитываем в языковом множестве только чисто структурные отношения, связи, реляционный комплекс, то на их основе выделяем типологические общности (ср. типы или классы языков – флексивный, агглютинативный и т.д.).

Ареальный (или контактный) тип общности характеризуется выработкой сходных (тождественных) черт языковой структуры на всех ее уровнях (от звукового строя до словаря), как следствие интенсивных языковых/диалектных контактов на географически ограниченной территории в процессе длительного исторического взаимодействия (классический пример балканская языковая общность или так наз. балканский языковой союз).

Функционально-коммуникативные характеристики языков кладутся в основание выделяемой социолингвистической общности. Этот тип общности в свою очередь может быть разделен на коммуникативную и социопсихолингвистическую общности.

Коммуникативные общности объединяются доминирующим языком с функцией межэтнического общения (английский язык в Индии, французский в некоторых странах Африки и т.д.). Социопсихолингвистические общности определяются как совокупность языков, кото-

рой владеет конкретный член языкового коллектива – языковая личность.

В терминах языковых общностей будут рассмотрены и проблемы балканской лингвокультурной общности¹. Однако вначале определим объект и предмет той дисциплины, в недрах которой формируются интересующие нас конвергентные процессы в сфере языков и культуры балканских народов, дисциплины именуемой балканистикой.

Балканистика определяется нами как совокупность историко-филологических дисциплин, объединяющих комплексные сравнительно-исторические и типологические исследования социальной и этнической истории, материальной и духовной культуры, языков народов Балканского полуострова в их историческом прошлом и современном состоянии. Из этого комплекса в качестве самостоятельного объекта научных исследований *sensu strictu* вычленяется балканистика лингвистическая, как отрасль языкоznания, использующая целый набор методов исследования (сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный, типологический и ареальный) в синхронном и диахронном планах развития, взаимодействия и взаимовлияния балканских языков с целью выявления у них общих черт и тенденций сходного развития.

При этом лингвистическая балканистика в широком ее понимании изучает все языки балканского региона вне зависимости от их принадлежности к той или иной генетической или ареальной общности. С точки зрения генетической классификации языки балканского региона относятся к нескольким генетическим общностям:

индоевропейская – славянская группа (болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский), албанский язык (моногруппа), греческий язык (моногруппа), армянский язык (моногруппа); романская группа – восточнороманская подгруппа (рум.-молд. яз.), западнороманская подгруппа (себардский яз.), германская группа (немецкий язык севера Трансильвании), индоарийская группа (цыганский яз.);

¹ Проблема дивергенции (смешения) языков и конвергенции (единения) по-своему уже давно интересовала исследователей религиозной истории. С событием Вавилонского смешения языков может быть поставлено рядом, по Ф. Шеллингу, "мгновенное восстановление единства языка – гомоглоссия (όμογλωσσία)". См. об этом Флоренский П. А. Термин. – ВЯ № 1, 1989, стр. 133, прим. 17.

финно-угорская (венгерский язык);
туркская (турецкий и гагаузский языки).

В объект общебалканских лингвистических исследований вовлекаются также зоны языковых контактов на границах балканского региона. Применительно к языковым и шире лингвокультурным контактам здесь в первую очередь следует назвать связи с романским миром, в особенности адаптацию латинского элемента (*Roman-Balcanica*, 1987).

Лингвистическая балканистика *sensu strictu* исследует те процессы в балканских языках, которые связаны с формированием особой ареальной общности языков – балканского языкового союза, к которому относят албанский, болгарский, македонский, новогреческий, румынский языки, а также торлакский (призрено-тимокский) диалект сербскохорватского языка.

Балканский языковой союз – это особый ареально-контактный тип языковой общности, совокупность языков Юго-Восточной Европы, выделяемой не по принципу генетического родства, а на основании ряда общих структурно-типологических признаков, сложившихся в результате длительного взаимовлияния в пределах единого, географически замкнутого, пространства.

В процессе длительного интенсивного взаимодействия языки, относимые к БЯС, выработали комплекс типологических сходств, так называемых "балканализмов" на всех уровнях языковой структуры. Сторонники строго типологической точки зрения на природу БЯС считают, что эти сходства основаны не на материальной, а на структурной тождественности по принципу "слова разные, грамматика подобная".

Как считал В. Георгиев /Georgiev 1966/, проблема балканского языкового союза является для лингвистической балканистики центральной. Однако взгляды на причины формирования (генезис) и структуру БЯС с самого начала, после открытия этого нового типа языковой общности Н. С. Трубецким /Трубецкой 1923/, у разных исследователей значительно расходятся. В. Георгиев полагал, что в основе зарождения БЯС лежат глубинные языковые процессы, восходящие к древнебалканскому языковому субстрату.

Однако препятствием к безоговорочному принятию этой точки зрения выступает отсутствие балканализмов в самых ранних юнославянских памятниках (IX-X вв.). Вопросы генезиса БЯС мы обсудим позже, пока же обратимся к структуре БЯС, обозначив ос-

новные его составляющие.

Понятие лингвокультурная общность включает в себя не только весь выявленный инвентарь уже имеющихся общих признаков в языковом и культурном состоянии контактирующих народов (поверхностные признаки общности), но и вскрываемые, имплицитно проявляющиеся черты конвергентного развития (глубинные признаки общности), а также прогнозируемые тенденции сходной эволюции (потенциальные признаки общности).

На существование контактных лингвокультурных зон в древности, как на возможный прообраз современного языкового союза указывали уже неоднократно. Из последних высказываний по этой проблеме отметим слова И. Крамера /J. Kramer 1983, II6/: "Тем самым я мог бы постулировать, что в императорское время, следовательно примерно в первые три столетия н.э., оба великих культурных языка античности, греческий и латинский, образовывали языковой союз". Одним из аргументов в пользу такого союза признается наличие в этот период греко-латинского двуязычия и культурного взаимовлияния. Двуязычие, по мнению И. Крамера, явилось предпосылкой к параллелизму в развитии структуры языка на всех ее уровнях от фонетики до синтаксиса и смешению латинского и греческого /Kramer II9 - I3I/. Из этого следует вывод, что развитием по пути языковых союзов может считаться любое интенсивное взаимодействие языков, не обязательно за счет языка преимущественного влияния. В данном случае и греческий и латинский – языки с высоким культурным престижем. Не ставя сейчас перед собой цели полемизировать с точкой зрения И. Крамера о существовании в античности особого греко-латинского языкового союза, отметим, что такого рода лингвокультурные контакты существовали в различные периоды от двуязычия и многоязычия в Шумере и Вавилонского смешения языков до славяно-русско-византийского, русско-французского, англо-французского, арабско-турецкого и арабско-персидского двоекультурья-двоезычия (параллельное co-существование равнопрестижных языков и культур); двуязычие же (билингвизм) – двоекультурье (бикультуризм) как соподчинение разнопрестижных языков и культур ведет к новому типу общности.

Равнопрестижное coсуществование языков и культур (двоезычие и двоекультурье) подобное греко-латинскому, славяно-византийскому, англо-французскому не ведет к возникновению нового типа языковой общности подобного языковому союзу, но лишь к но-

вому лингвокультурному состоянию.

Ситуации, порождающие языковые состояния, ведущие к образованию ареальных (контактных) общностей – языковых союзов – возникают не на базе контактов литературных языков, а в основном при диалектных контактах. Вот почему состав балканализмов в литературных языках отличается от сходных черт в контактирующих диалектах балканских языков /П. Ивич, Г. А. Цыхун/.

Структура балканского языкового союза. Представленные в балканском регионе языки не все включаются в БЯС. В то же время включаемые в него языки и диалекты балканских языков отличаются друг от друга различным набором сходных признаков – изоглосс конвергенции. Из числа изоглосс конвергенции между балканскими языками можно выделить союзообразующие признаки сходства, участвующие в формировании ареально-контактной языковой общности, и не-союзообразующие признаки сходства, не конституирующие новую ареальную общность.

С этой точки зрения правомерно разделение балканских языков на группы в соответствии с частотностью балканализмов /Гавранек 1972/. Б. Гавранек выделил три таких группы: языки "первой степени", у которых частота балканализмов высока, что позволяет считать их ядром БЯС – албанский, румынский, болгарский, македонский; языки "второй степени", обладающие меньшим набором общих признаков и составляющие периферию БЯС – новогреческий и сербскохорватский языки. К третьей группе относятся языки Балканского п-ова, не имеющие в своей структуре балканализмов (турецкий).

Однако, как показали исследования Л. А. Покровской, значительное число союзообразующих черт (балканализмов) демонстрирует гагаузский язык, в особенности в синтаксисе /Покровская 1978; 1979/. Целый комплекс таких черт, вызванных славянским влиянием, проявляется в структуре сложноподчиненного предложения с придаточным союзного и бессоюзного типов, которые выступают взамен тюркских отглагольно-именных и причастных конструкций. К этому необходимо добавить порядок слов в балкано-турецких диалектах и гагаузском, строящийся по славянскому образцу.

Структура БЯС, как ареально-контактной общности может быть соотнесена с понятием ареальной структуры языка и составляющих его зон диалектов. Как отмечает Г. А. Цыхун, ареальная структура формируется тогда, когда путем наложения всех или подавляющего

большинства этих зон складывается центральное ядро данного языкового образования" /Цыхун 1988, 9/.

Применительно к балканской языковой ситуации, ареальная структура контактных зон может слагаться в нашей терминологии как из союзообразующих признаков, вызванных к жизни интеграционными процессами, так и несоюзообразующих признаков, вызванных односторонним влиянием.

Союзообразующие признаки в структуре БЯС.

В области фонетики: сходство в тактико-ритмической организации речи, одинаковые классы тонов у гласных, наличие в албанском, болгарском, восточнороманских языках особого среднеязычного (нейтрального) гласного и (графически соответственно ё, ъ, ю). К признакам, конституирующим фонологическую структуру БЯС, можно отнести также экспираторное ударение и отсутствие различия количества гласных (исключение часть юнославянских диалектов).

В морфологии к числу союзообразующих могут быть отнесены у имени: совпадение род. и дат. падежей, категория определенности, неопределенности, постпозитивный член, аналитическое образование степеней сравнения, образование числительных от 11 до 19 по локативному типу (ср. болг. единадесет и т.д.); у глагола: образование аналитического типа форм будущего времени при помощи 3-го л. ед.ч. вспомогательного глагола "хотеть" и соответствующего *verbum finitum*, утрата инфинитива с последующей его заменой придаточными предложениями.

В синтаксисе БЯС союзообразующими признаками являются: удвоение объекта, местоименные повторы дополнения употреблением местоименных клитик (безударных частиц в пост- или препозиции к слову, от которого они акцентуационно зависят) в функции личных местоимений, местоименных клитик с указательными частицами, предлога *с им* "с" при существительных с артиклем, пролепсисом (приобретением смысла только в связи с последующим членом или членами предложения) субъекта в предложениях с союзом "что" /Цыхун 1968; Лопашов 1978/.

Целым комплексом союзообразующих признаков в синтаксисе предстают элементарные синтаксические конструкции, установленные Т.В. Цивьян и которые, по ее мнению, образуют единую грамматическую структуру балканского языкового союза /Цивьян 1979/. Для БЯС устанавливается 21 элементарных синтаксических конструкций.

ций, совпадающих во всех балканских языках "первой степени". Речь идет о модели построения всех типов связи в простом предложении, как подчинительной (согласование, управление, примыкание), так и сочинительной. Тем самым структурирование БЯС осуществляется по преимуществу в морфосинтаксисе, на что указывал недавно и Г.Р. Зольта.

Другие, как правило, эксклюзивные схождения между балканскими языками можно считать несозообразующими. К их числу относится образование нарратива (особого пересказывательного наклонения) в некоторых болгарских и македонских диалектах под влиянием турецкого языка и ряд других.

Генезис или культурные предпосылки формирования БЯС. Балканский языковой союз – продукт не только языкового, но и культурного взаимодействия и взаимовлияния. Тезисно назовем основные культурно-исторические предпосылки возникновения БЯС:

фактор времени – культурное и языковое взаимодействие и взаимовлияние осуществлялось на единой территории в течение многих веков (примерно 1000 лет);

фактор территории – лингвокультурные контакты осуществлялись на относительно замкнутой территории;

демографический фактор – компактное расселение балканских народов;

культурно-исторический фактор – наличие высокопрестижных культур с длительной исторической традицией (греко-византийская, римско-романская, славянская);

влияние палеобалканского этнолингвистического субстрата;

влияние этнолингвокультурного адстрата (турецкий, романский);

двуязычие и многоязычие;

воздействие фольклора и народных обычаяев (см. Балканска народна мъдрост, 1968).

Таким образом балканский языковой союз, как и любой языковой союз, может существовать лишь как многопризнаковая ареально-контактная общность, базирующаяся на комплексе союзообразующих языковых и культурных оснований. Попытки постулирования однопризнаковых или малопризнаковых лингвокультурных общностей не выдерживают критики, на что указывал еще в 1931 г. Н.С. Трубецкой /Трубецкой 1988, с.36/: "Существование общих фонологических звуковых особенностей во многих соседствующих, но не

родственных друг другу языках или диалектах уже констатировались не раз. Однако при объяснении этих фактов проявляли поспешность и обращались с этой целью к теории субстрата или к гипотезе о влиянии "ведущего" языка. Такие объяснения ничего не стоят, пока они объясняют лишь единичные случаи. Лучше вообще от всяких гипотез временно отказаться, пока не будет собран весь материал. Сейчас актуально именно исчерпывающее описание материалов, выяснение фактического состояния вещей".

В настоящее время в рамках подготовки в СССР многотомного труда "Основы балканского языкознания" (первый том выходит из печати в этом году) осуществляется фронтальное обследование материала балканских языков на всех уровнях, которое, надо полагать, поможет более точно определить инвентарь союзообразующих и несоюзообразующих признаков.

Генезис и структура балканской лингвокультурной общности, как ареально-контактной общности нового типа могут разъясняться с наибольшей полнотой и адекватностью, исходя из общей теории языковых общностей в терминах многопризнаковых классификаций. Этот же принцип в равной мере относится и к другим типам языковых общностей - генетической, типологической, социолингвистической.

Литература:

Georgiev V. Le problème de l'union linguistique balkanique. - Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Sofia, 1966.

Kramer J. Der keiserzeitliche griechisch-lateinische Sprachbund. - Ziele und Wege der Balkanlinguistik. Berlin, 1983.

Schaller H. Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков. - Новое в лингвистике. Вып. VI, М., 1972.

Лопашов Ю.А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. М., 1978.

Нерознак В.П., Герценберг Л.Г. Языковые общности. Проблемы теории и методологии исследования. - Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. М., 1986.

Покровская Л.А. Некоторые особенности синтаксиса гагаузского языка и балкано-турецких диалектов. - Проблемы синтаксиса

языков балканского ареала. М., 1979.

Трубецкой Н.С. Фонология и лингвистическая география. – В кн.: Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. Под общей редакцией Т.В. Гамкелидзе, Вяч. Вс. Иванова, В.П. Нерознака, Н.И. Толстого. М., "Прогресс", 1987.

Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979.

Цыхун Г.А. Синтаксис местоименных клитик в юнославянских языках. (Балкано-славянская модель). Минск, 1968.

Цыхун Г.А. Архальная типология славянских моў. Прынцыпі і напрамкі даследавання. Мінск, 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Н.ТОПОРОВ. Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энолитическая цивилизация /общий взгляд/	3
Вяч.Вс.ИВАНОВ. О языковых, культурных и этнических контактах на Балканах.....	25
T.V.CIVJAN. Modèle du monde et sa carcasse linguistique (aspect balkanologique).....	27
В.Э.ЭРЕЛ. О памятниках сидетского письма.....	35
Н.П.ГРИНЦЕР. <i>Poiēma - poiēsis</i> : к генезису понятия поэтического текста.....	41
Е.А.ХЕЛИМСКИЙ. Славянское койне в Венгрии арпадов и происхож- дение славяно-венгерских топонимов в Трансильвании.....	48
Е.И.ДЕМИНА. Народно-разговорное койне района средней Старой Планины как основа книжного болгарского языка XУШ века... .	55
С.Б.БЕРИШТЕИН, Г.П.КЛЕПИКОВА. Восточнороманское влияние в лексико-семантической сфере внутри и вне балканского языкового союза /БЯС/.....	66
Л.А.ГИНДИН, И.А.КАЛУЖСКАЯ. Балканистические аспекты карпатско- го ареально-этимологического словаря.....	86
Р.П.УСИКОВА. К типологии глагола в балканославянских языках /функционирование граммемы настоящего времени/.....	97
Т.Н.СВЕШНИКОВА. О семантике и дистрибуции некоторых грамма- тических категорий в системе БЯС /имя - глагол/.....	107
М.И.ЛЕКОМЦЕВА. Структура сходства фонологических систем языков БЯС.....	113
В.П.НЕРОЗНАК. Балканская лингвокультурная общность: генезис и структура.....	123

Подписано к печати 06.03.89
Усл. п.л. 8,25. Усл. кр.-отт. 8,38
Уч.-изд.л. 7,79. Печать офсетная
Тираж 500 экз. Зак. 71. Цена 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21

З-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

80 κ.